

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (39)

2024

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2024 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Жильцов С.С.</i> Климатическая повестка: итоги и перспективы	6
<i>Неймарк М.А.</i> Феномен кризисной конфликтности в проекции перспектив нового мирового порядка	18
<i>Карпович О.Г., Чеснокова А.В.</i> Архитектура глобального здравоохранения под влиянием кризисных потрясений	28
<i>Мурашко М.М.</i> Итоги председательства России в ЕАЭС в 2023 году: новые механизмы евразийского сотрудничества	51
<i>Матюхин Д.С.</i> Роль Вишеградской группы в геополитической трансформации ЕС	65
<i>Секачева А.Б.</i> Современное состояние энергетических отношений Евросоюза со странами Северной Африки и перспективы их развития	93

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Овчарук А.П.</i> Политика Польши в украинском кризисе и ее последствия для России	110
<i>Казимир Л.А.</i> Внешняя политика Узбекистана: основные направления	125

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Хаджи А.С.</i> Эволюция нефтегазовой политики СССР	137
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бочарников И.В., Вильчинский А.С.</i> Кризисные узлы трансформирующегося миропорядка	159
--	-----

К сведению авторов	179
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy (economic sciences);
- 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies (political sciences);
- 5.5.4. International relations, Global and Regional studies (political sciences);
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy (historical sciences).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2024 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2024

© Page make-up. «Kvant Media», 2024

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Sergey Zhiltsov</i> . The Climate Change Agenda: Outcomes and Perspectives	6
<i>Mark Neimark</i> . Phenomenon of Crisis Conflict in the Projection of Prospects for a New World Order.	18
<i>Oleg Karpovich, Alina Chesnokova</i> . Global Health Architecture Under Crisis Disturbances	28
<i>Marina Murashko</i> . The Outcomes of Russia's Presidency in the EAEU in 2023: New Instruments for Eurasian Cooperation.	51
<i>Denis Matyukhin</i> . The Role of the Visegrad Group in the Geopolitical Transformation of the EU	65
<i>Alla Sekacheva</i> . The Current State of the EU's Energy Relations with the Countries of North Africa and the Prospects for Their Development	93

REGIONAL PROBLEMS

<i>Alexandr Ovcharuk</i> . Poland's Policy in the Ukrainian Crisis and Its Consequences for Russia	110
<i>Leonid Kazimir</i> . The Key Directions of Uzbekistan's Foreign Policy.	125

HISTORY AND RELIGION

<i>Alexandr Khadzhi</i> . Evolution of the USSR Energy Policy	137
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Igor Bocharnikov, Anton Vilchinskii</i> . Transformation of the World Order: Main Areas of Crisis	159
---	-----

Notice to the authors	179
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE CLIMATE CHANGE AGENDA: OUTCOMES AND PERSPECTIVES

Аннотация: 28-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28) завершила свою работу в декабре 2023 года. Процесс принятия итогового документа продемонстрировал, что страны имеют разные позиции относительно того, как смягчить негативные последствия от изменения климата. Позиции сторон определяют разные факторы, среди которых ключевым является отношение к роли, которую будет играть ископаемое топливо. Помимо этого страны обсуждали вопросы финансирования, связанные с преодолением последствий от изменения климата. Этот вопрос стал одним из ключевых. В целом итоги Конференции подводились на фоне данных о более высоких темпах повышения температуры, что может уже в ближайшие годы обострить климатические проблемы и оказать негативное влияние на развитие отдельных стран и регионов.

Ключевые слова: климат, ископаемое топливо, финансирование, потепление, мировая политика.

Abstract: the 28th Conference of the Parties to the UN Framework Convention on Climate Change (COP28) concluded its work in December 2023. The adopting of the final document demonstrated that the parties have different positions on how the issue of global climate change. They are determined by various factors, but the key one is the global perspective on the future role of fossil fuels. In addition, the parties discussed financing matters on climate change mitigation which have become the key challenge. Generally, the results were summarized in the light of the data on higher rates of temperature increase, exacerbating climate change problems in the coming years and negatively impacting the development of individual countries and regions.

Key words: climate change, fossil fuels, financing, global warming, world politics.

Введение

Конференция ООН по климату (Conference of the Parties (COP28)) проходила в декабре 2023 года в Дубае. На ней вновь развернулись дискуссии вокруг вопросов, непосредственно касающихся последствий изменения климата и мер, направленных на их преодоление. Были также затронуты ключевые проблемы, связанные с развитием мировой энергетики и отношениями между развитыми и развивающимися странами. Пристальное внимание к проблеме климата обусловлено возрастающей ролью климатических изменений и обсуждаемыми мерами, способными снизить негативные последствия.

В последние годы на конференциях по климату происходит столкновение интересов развитых и развивающихся государств. Промышленно развитые государства продвигают климатическую повестку, которая, прежде всего, отвечает их интересам. Кроме того, уже стало традицией заявлять об амбициозных целях, которые затем не выполняются. Например, на Конференции по климату в Глазго (2021 г.) был принят Климатический пакт, задачи которого предусматривали сдерживание глобального потепления. Несмотря на принятие документа, многие страны не готовы отказываться от традиционных видов топлива. Соответственно, диалог по климатическим вопросам в последние годы проходит сложно. Это связано с обострением геополитической ситуации и реализацией Западом политики давления на Россию.

Для российской стороны принципиальным вопросом является достижение близких позиций по климатической повестке со странами Глобального Юга, которые в целом занимают компромиссную позицию. Значительная группа государств готова продолжать сотрудничество с Россией и не поддаваться давлению Запада, который требует проведения антироссийского курса. В этих условиях, как отмечал эксперт Международного центра устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО, директор «Карбонлаб» Михаил Юлкин, «самое важное сегодня для России — это не какой-то конкретный результат саммита, а сам факт участия в нем — надо показать, что Россия не выпала из климатической повестки, что мы участвуем в коллективных действиях по смягчению климатических изменений, но при этом у нас имеется свое собственное видение всей этой ситуации, свои национальные

интересы и приоритеты развития и свой собственный, суверенный путь, с которого нас не собьешь» [6].

Формирование климатической повестки

Саммиты COP были инициированы ООН для обсуждения климатической повестки и принятия решений, призванных снизить негативный эффект от изменения климата. В 1997 году был подписан Киотский протокол, который зафиксировал добровольные обязательства многих стран мира способствовать снижению выбросов в атмосферу углекислого газа. В 2015 году был проведен очередной саммит (COP21), который сформулировал долгосрочные цели: удержать повышение температуры на планете в XXI веке до 2 °С и в идеале не допустить ее роста выше 1,5 °С. Однако данные цели были скорректированы рядом событий в мировой политике. Пандемия коронавируса, разразившийся энергетический кризис и последовавший конфликт на Украине внесли изменения в политику отдельных государств. Проблемы с продовольствием, изменение логистики в доставке товаров, сложности с получением углеводородных ресурсов, цены на которые значительно возросли, «вынуждают многие страны возвращаться к, казалось бы, завершающим свой жизненный цикл видам топлива — каменному углю, торфу, мазуту» [2].

В фокусе внимания участников климатических конференций находились вопросы, связанные с добычей ископаемого топлива. При этом резкой критике подвергалась политика, связанная с субсидированием добычи. По оценкам Международного валютного фонда, в 2020 году «субсидии для углеводородного сырья в мире составляли 5,9 трлн долл.» [14]. Уменьшение объема субсидий или полный отказ от них должны были дать следующий результат: снизить выбросы парниковых газов. В этом случае повышалась вероятность, что температура не повысится более чем на 1,5 °С. Однако страны не готовы отказаться от субсидий, поскольку это может повлечь экономические потери.

На Конференции 2022 года развивающиеся страны вновь поставили вопрос о выделении компенсаций за убытки, которые они несут от изменения климата. Формально развитые государства никогда не отказывались выделять развивающимся странам средства. «Еще в 2009 году развитые страны согласились к 2020 году выде-

лять развивающимся странам 100 млрд долларов в год на борьбу с изменениями климата» [21]. Подразумевалось, что будет «баланс между смягчением последствий и адаптацией, то есть бедным странам будут помогать не только сократить выбросы парниковых газов, но и справиться с последствиями климатического кризиса (засухой, неурожаями, голодом и т.д.)» [19, с. 10]. Однако «Запад выделил на адаптацию 29 млрд долларов в 2020 году и примерно столько же было предусмотрено в 2022 году» [18].

Развивающиеся страны не имеют средств, которые позволили бы им самостоятельно справиться с последствиями, которые возникают от изменения климата. Соответственно, этим объясняется их заинтересованность получить средства на борьбу с последствиями от изменения климата. Пока же «международные финансовые потоки, направленные на внедрение мер адаптации в развивающихся странах, в 5–10 раз ниже потребностей» [8]. Этот разрыв становится всё больше, хотя «инвестиции в эти секторы увеличиваются, но они не успевают за последствиями климатических изменений. Эти средства крайне недостаточны. А это ведет к сокращению продовольственных поставок и повышению риска возникновения очагов голода» [3]. По оценкам ООН, «адаптация к изменению климата только в развивающихся странах к 2030 году будет стоить 160–340 млрд долларов в год» [15, с. 1]. Эти средства являются неподъемными для развивающихся стран, которые вынуждены направлять имеющиеся у них средств в решение неотложных проблем. В результате провозглашенные задачи по борьбе с последствиями изменения климата имеют невысокие шансы на выполнение.

Обеспокоенность отсутствием необходимого финансирования объяснялась увеличением количества проблем, которые появились в последние годы. Так, набирает силу миграция, которая получила название «климатическая миграция». «К 2050 году количество климатических мигрантов может достичь 216 млн человек» [10]. Согласно данным последнего доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата [22], «около половины населения мира крайне чувствительны к последствиям изменения климата» [22]. «Повышают уязвимость такие факторы, как низкое социально-экономическое развитие, неустойчивое использование океана и земли, неравенство, маргинализация лю-

дей, колониализм. Так, общества с высоким уровнем неравенства менее устойчивы к изменению климата. Особенно это касается жителей Африки, Азии, Центральной и Южной Америки, Арктики и островов» [22]. Это грозит спровоцировать рост напряженности в межгосударственных отношениях, а также ухудшить ситуацию с продовольственной безопасностью, которая тесно связана с изменением климата. Нарастание проблем дало основание Генеральному секретарю ООН заявить в ходе Петербургского климатического диалога в мае 2021 года, что «мы стоим на краю пропасти» [4].

Итоги Конференции 2023 года

Конференция ООН по климату 2023 года проходила на фоне кризисных явлений в мировой экономике и продолжающихся изменений в мировой энергетике. Активное обсуждение мер, направленных на минимизацию потерь, связанных с климатическими изменениями, сопровождалось попытками развитых стран продвигать энергетический переход.

Основным итогом Конференции стало принятие компромиссного документа, в котором отражена роль ископаемого топлива. Длительные дискуссии вокруг формулировок отражали фундаментальные и несовпадающие интересы участников Конференции по климату. В итоге в документе была зафиксирована позиция, согласно которой должен происходить «постепенный отказ от использования ископаемого топлива». В первоначальном варианте документа использовалась формулировка, направленная на «отказ от использования ископаемого топлива». За этим, казалось бы, незначительным отличием скрываются интересы разных стран и нефтегазовых компаний.

Кроме того, в документе нашли отражение компромиссные положения. Речь идет о промежуточных видах топлива, которые должны облегчить энергетический переход. Прежде всего, под промежуточным топливом понимается природный газ.

Компромиссный вариант итогового документа оставил развивающимся странам надежду использовать для развития своих экономик природный газ. В противном случае развивающиеся страны, которые и так находятся в сложной экономической ситуации, могут столкнуться с еще большими проблемами.

По итогам саммита COP28 было одобрено соглашение о создании фонда для возмещения потерь и ущерба от изменения климата развивающимся государствам [17]. Решение создать данный фонд было принято еще в 2022 году, когда прошел саммит COP27. Речь идет о создании специального механизма, который должен позволить развивающимся странам преодолевать последствия от изменения климата: засухи, наводнения, повышения уровня моря. Председатель COP28 Султан бен Ахмед аль-Джабер заявил, что «правительство ОАЭ внесет в фонд 100 млн долл.» [17].

После принятия документа многие развитые государства заявили о готовности внести средства в созданный фонд. Так, Германия, Великобритания, США и Япония заявили о готовности выделить 100 млн долл., 60 млн фунтов (75,89 млн долл.), 17,5 млн долл. и 10 млн долл. соответственно. Евросоюз заявил о намерении ежегодно выделять в фонд 225 млн евро.

Таким образом, «ключевыми вопросами саммита по климату стали: подведение итогов выполнения Парижского соглашения, принятие новой глобальной цели по адаптации к изменению климата, запуск финансового механизма компенсации климатических потерь развивающимся странам» [6]. Для России повышенный интерес представляли вопросы, связанные с сотрудничеством со странами Глобального Юга и противостоянием попыткам включить в решение Конференции рекомендации об отказе от ископаемого топлива [6].

Впрочем, и другие страны постсоветского пространства проявили интерес к климатической Конференции. Так, в увеличении финансирования заинтересованы страны Центральной Азии, которые в последнее десятилетие сталкиваются с последствиями от изменения климата. Ключевой проблемой по-прежнему остается дефицит водных ресурсов, который последовательно нарастает, оказывая негативное влияние на развитие государств Центральной Азии. По этой причине Президент Казахстана К.-Ж. Токаев призвал к расширению обязательств по увеличению финансирования климатических программ. При этом казахстанский лидер отметил, что, «даже если удастся ограничить повышение глобальной температуры до 1,5 °C к 2050 году, страны Центральной Азии всё равно столкнутся с повышением температуры до 2,5 °C. Это приведет к нехватке воды, сильной жаре, опустыниванию и экстремальным гидрологическим явлениям» [20].

Неразрешимые проблемы

Ключевой проблемой для многих стран остается несоответствие проводимой энергетической политики заявленным климатическим целям. Например, для многих стран добыча и использование угля представляет повышенный интерес. Помимо этого они намерены использовать нефть и газ в ближайшие десятилетия, строя прогнозы относительно наращивания объемов их добычи. Фактически многие развитые государства игнорируют цели Парижского соглашения, согласно которому углеродная нейтральность должна быть достигнута к 2050 году.

На пути снижения использования нефти и газа с перспективой полного от них отказа стоят вопросы, связанные с финансированием. Развивающиеся страны имеют ограниченные возможности для отказа от ископаемого топлива, рассматривая навязывание углеродной нейтральности в качестве инструмента давления. В частности, в российском официальном документе, который готовился к Конференции, «прямо говорилось о планах противостоять любым формулировкам или результатам переговоров, которые в какой-то форме будут дискриминировать или призывать к полному выходу (phase-out) из какого-либо источника энергии или вида ископаемого топлива» [2].

Многие государства сталкиваются с экономическими трудностями, которые затрудняют осуществление вложений в «зеленую энергетику». Кроме того, многие страны столкнулись с тем, что возобновляемые источники энергии не смогли стать заменой традиционных энергоносителей. Нефть и газ по-прежнему остаются одними из ключевых источников энергии. По данным Международного энергетического агентства (IEA), «в ближайшие 10 лет в сектор ВИЭ¹ во всем мире необходимо ежегодно вкладывать не менее \$440 млрд, и ориентировочно к 2033 году эта сумма достигнет порядка \$4 трлн, что обеспечит необходимые объемы энергоснабжения экономически развитых регионов мира» [2].

Однако в условиях экономических сложностей вкладывать значительные средства в ВИЭ могут позволить себе только развитые государства. При этом уже многие компании пересматривают свой подход к ВИЭ, заявляя о готовности отказаться от малоперспективных, сомнительных и затратных проектов. Примечатель-

¹ ВИЭ — возобновляемые источники энергии.

но, что «в течение первых пяти лет после подписания в 2015 году Парижского климатического соглашения инвестиции в “зеленую” энергию росли всего на 2% в год» [2]. «Великобритания отказалась от части климатических обязательств, а в Нидерландах недавно победила партия климатических скептиков». В свою очередь, в нефтегазодобывающих государствах, в частности в России, Иране, странах ОПЕК, «соглашаясь с необходимостью отказа от ископаемого топлива, ратуют за поэтапный и более долгий переходный период к полной углеродной нейтральности» [2]. В итоге потребление нефти и газа в мире увеличивается. И пока нет никаких предпосылок, что эти углеводородные ресурсы заменят другие, возобновляемые источники энергии, тем более что многие мировые нефтегазовые компании в 2023 году получили рекордную прибыль благодаря высоким ценам на топливо [12]. В 2022 году Международное энергетическое агентство «оценило инвестиции в энергетику в 2,6 трлн долл. (1,6 трлн долл. в чистую энергетику и 1 трлн долл. в ископаемое топливо)» [1].

Изменение климата

Политические споры происходят на фоне конкретных климатических изменений, которые не дают повода для оптимизма. «В текущем году температура достигла очередного рекордного уровня, и ожидается, что 2023–2024 годы станут самыми жаркими в истории наблюдений» [5]. «Эпоха глобального потепления закончилась, и “наступила эра глобального кипения”», — заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш [16]. «Изменение климата уже здесь. Это ужасно. И это только начало», — сказал Гутерриш. «По-прежнему возможно ограничить глобальное повышение температуры до 1,5 °С и избежать самых худших последствий изменения климата. Но только при условии решительных и немедленных мер по борьбе с изменением климата» [23].

В статье 14 Парижского соглашения было зафиксировано, что предварительные итоги должны быть подведены в 2023 году. «Техническая оценка этих итогов была опубликована в сентябре (2023 года. — Примеч. авт.), и ее выводы неутешительны: если не ускорить процесс снижения выбросов, целей Парижского соглашения не достичь. Эксперты профильных структур ООН полагают, что окно возможностей быстро сужается и для сокращения вы-

бросов парниковых газов на 43% к 2030 году и на 60% к 2035 году по сравнению с уровнем 2019 года и достижения чистого нулевого баланса выбросов CO₂ к 2050 году необходимы гораздо более решительные шаги» [2].

Достичь компромисса между объективно происходящими изменениями климата, политикой отдельных государств и их финансовыми возможностями непросто. Сказываются изменения в глобальной политике, которые значительно затрудняют выработку и реализацию совместных шагов.

Инвестиции в возобновляемую энергетику

В последние десятилетия возобновляемые источники энергии привлекли значительные инвестиции. В 2018 году «инвестиции в возобновляемую энергетику составили 334 млрд долларов. Крупнейшими инвесторами в зеленую энергетику в отрасли являются международные корпорации Shell, Total, ENI, Equinor и BP. Они вложили в отрасль почти \$3 трлн В 2018 г. 3–5% от общих инвестиций этих компаний приходились на ВИЭ и смежные проекты, и компании планируют увеличивать их долю» [9].

При этом стоит отметить, что развитие возобновляемых источников энергии происходит в развитых странах, которые имеют инфраструктуру, финансовые ресурсы и технологии для реализации разных проектов. «Международные инвестиции в возобновляемые источники энергии почти утроились с момента принятия Парижского соглашения в 2015 году. Однако большая часть этого роста приходится на развитые страны. Более 30 развивающихся стран до сих пор не зарегистрировали ни одного международного инвестиционного проекта в сфере возобновляемых источников энергии. Стоимость капитала является ключевым барьером для инвестиций в энергетику в развивающихся странах» [7].

В 2023 году климат продолжал меняться. По данным Всемирной метеорологической организации (ВМО), «2023 год стал самым теплым за всю историю наблюдений» [11]. Согласно докладу ВМО, опубликованному в день открытия Конференции по климату в декабре 2023 года, «концентрация парниковых газов продолжает расти, температура поверхности моря и повышение уровня моря достигли рекордных показателей, а протяженность антарктического морского льда — самых низких значений» [24]. При этом, как

отмечал Генеральный секретарь ВМО профессор Петтери Таалас, «экстремальные погодные условия ежедневно разрушают жизнь людей и их источники средств к существованию, что подчеркивает настоятельную необходимость обеспечения защиты каждого человека с помощью служб заблаговременных предупреждений» [24].

В последние годы наблюдается стремительное изменение климата. Это уже привело к увеличению количества разных погодных катаклизмов. 2023 год не стал исключением. «Глобальный средний уровень моря достиг рекордной отметки за весь период спутниковых наблюдений (с 1993 г.), что отражает продолжающееся потепление океана, а также таяние ледников и ледяных щитов. Темпы повышения глобального среднего уровня моря за последние десять лет (2013–2022 гг.) более чем в два раза превышают темпы повышения уровня моря за первое десятилетие спутниковых наблюдений (1993–2002 гг.)» [24].

Представленный доклад дает представления о глобальных последствиях, связанных с изменением климата. Они оказывают негативное влияние на социально-экономическое развитие, подрывают продовольственную безопасность, усиливают климатическую миграцию. К середине XXI столетия изменение климата может привести к перемещению сотен миллионов людей, которые будут вынуждены покидать районы, непригодные для проживания.

Заключение

Одним из основных источников выбросов парниковых газов является мировая энергетика. На нее приходится большая часть выбросов. Тем не менее пути достижения целей, провозглашенных Парижским соглашением, — ограничить повышение температуры на земле до 2 °С, — находятся в центре дискуссии. Как правило, разные исследователи и министерства фиксируют внимание на реализации трех базовых сценариев. Один из них предполагает развитие мировой энергетики в рамках сложившихся направлений. Альтернативный сценарий предусматривает энергопереход по наиболее оптимистическому сценарию, в рамках которого значительно возрастают инвестиции в низкоуглеродные источники энергии. Такой сценарий имеет значительные риски, поскольку должен реализовываться в условиях снижения инвестиций не только в традиционные источники энергии, но и в социально-

экономическое развитие. Наконец, третий сценарий имеет компромиссный характер, предусматривая осуществление энергоперехода при сохранении высокой роли традиционных источников энергии. По сути, речь идет о том, какую цену нужно заплатить за изменение структуры мировой энергетики. Считается, что «мировые инвестиции в энергетику должны возрасти до 7 трлн долл., то есть до 7% мирового ВВП» [13].

Данные сценарии дают лишь представления о возможных направлениях достижения целей Парижского соглашения через трансформацию мировой энергетики. При этом пока не существует единых оценок даже в рамках представленных сценариев, что предполагает многовариантность развития ситуации в зависимости от экономических возможностей отдельных государств. Очевидно, что развивающиеся государства проигрывают развитым странам, которые имеют потенциальные возможности для осуществления масштабных инвестиций в альтернативные источники энергии.

Литература

1. Алифирова Е. МЭА: рост инвестиций в энергетический сектор в 2022 г. будет недостаточным, чтобы справиться с текущим энергетическим кризисом. — 2022. — 22 июня. — URL: [https://neftegaz.ru/news/Alternative-energy/741580-mea-rost-investitsiy-v-energeticheskiy-sektor-v-2022-g-budet-nedostatochnym-chtoby-spravitsya-s-teku](https://neftegaz.ru/news/Alternative-energy/741580-mea-rost-investitsiy-v-energeticheskiy-sektor-v-2022-g-budet-nedostatochnym-chtoby-spravitsya-s-tekuchim-energeticheskim-krizisom)/?ysclid=itvn12k83r613504590 (дата обращения: 17.01.2024).
2. Ахундов Х. COP28: глобальное сражение против климатического кризиса и роль Азербайджана. — 2023. — 2 дек. — URL: <https://caliber.az/post/207719/> (дата обращения: 14.02.2024).
3. Вечерова Е. Едем по шоссе в ад и давим на педаль: о чем говорят на климатическом саммите в Египте // Forbes. — 16.11.2022. — URL: <https://www.forbes.ru/society/481171-edem-po-sosse-v-ad-i-davim-na-pedal-o-chem-govoriat-na-klimaticeskom-sammite-v-egipte> (дата обращения: 04.01.2024).
4. Генсек ООН заявил о рекордно высокой температуре Земли за 3 млн лет. — 2021. — 6 мая. — URL: <https://www.rbc.ru/society/06/05/2021/60943d909a7947413836938f?ysclid=lgfi11w5tp438834171> (дата обращения: 08.02.2024).
5. Горошилова А. Bloomberg: 2024 год может стать самым жарким в истории. — 2024. — 9 янв. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6443275?ysclid=itvn4rajqg704953775> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Давыдова А. Климат по олимпийскому принципу. — 2023. — 30 нояб. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366604?ysclid=itvm8nwjuq505693912> (дата обращения: 12.02.2024).
7. Доклад о мировых инвестициях 2023 / Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_Key_Messages_and_Executive_Summary_ru.pdf (дата обращения: 17.02.2024).
8. Доклад ООН: по мере усиления воздействия изменения климата адаптация к нему должна стать глобальным приоритетом // United Nations Environmental Programme. — 03.11.2022. — URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/doklad-oon-po-mere-usileniya-vozdeystviya-izmeneniya-klimata> (дата обращения: 05.01.2024).

9. Зарубежные нефтяники увеличивают инвестиции в альтернативную энергетику. — 2019. — 26 дек. — URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/12/26/819791-zarubezhnie-investitsii?ysclid=ltssi423ow39428892> (дата обращения: 24.01.2024).
10. К 2050 году изменение климата может вынудить 216 миллионов человек переселиться в другие районы своих стран. — 13.09.2021. — URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050> (дата обращения: 13.02.2024).
11. Климат в 2023 году: новые рекорды с серьезными последствиями для природы и человека. — 2023. — 30 нояб. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447247> (дата обращения: 17.02.2024).
12. Мировые инвестиции в энергетику по итогам 2023 года вырастут на 7,7% — до \$2,8 трлн — 2023. — 25 мая. — URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/4997463.htm?ysclid=ltst80i3y3j590565656> (дата обращения: 13.01.2024).
13. *Никифоров О.* Параметры глобального энергоперехода не определены // Независимая газета. — 2024. — 13 февр. — С. 9–10.
14. О чем 200 стран договорились по итогам климатического саммита в Глазго. — 16.11.2022. — URL: https://www.profiz.ru/eco/blog/post_7394/?ysclid=levj7fsm3g187809274 (дата обращения: 23.02.2024).
15. *Парфененкова М.* Россия теплеет вдвое быстрее, чем остальной мир // Ведомости. Экология. — 2022. — № 7 (9).
16. *Рогозянский А.* Генсек ООН Гутерриш: в мире наступила эра «глобального кипения». — 2023. — 27 июля. — URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/07/27/20957984.shtml?ysclid=ltvocrdv2i17576190> (дата обращения: 24.01.2024).
17. Саммит COP28 одобрил соглашение о создании нового климатического фонда. — 2023. — 30 нояб. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/19422873?ysclid=lpnqjurqv4959992274> (дата обращения: 21.02.2024).
18. *Соколов А.* Запад в 7 раз недофинансирует адаптацию бедных стран к изменениям климата. — 06.11.2022. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/11/07/949038-zapad-nedofinansiruet-adaptatsiyu-bednih-stran-k-izmeneniyam-klimata?ysclid=levgjminyp805079045> (дата обращения: 14.02.2024).
19. *Соколов А.* Война против климата // Ведомости. — 2022. — 7 нояб.
20. Токаев призвал увеличить финансирование Международного фонда спасения Аральского моря. — 2023. — 2 дек. — URL: <https://easdaily.com/ru/news/2023/12/02/tokaev-prizval-uvelichit-finansirovanie-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-aralskogo-morya> (дата обращения: 23.01.2024).
21. Climate Finance and the USD100 Billion Goal / OECD. — 2009. — URL: <https://www.oecd.org/climate-change/finance-usd-100-billion-goal/> (accessed: 05.01.2024).
22. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability / IPCC. — 27.02.2022. — URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-ii/> (accessed: 02.01.2024).
23. *Niranjan A.* Era of global boiling has arrived, says UN chief as July set to be hottest month on record. 27 Jul. 2023. — URL: <https://www.theguardian.com/science/2023/jul/27/scientists-july-world-hottest-month-record-climate-temperatures> (дата обращения: 24.01.2024).
24. Provisional State of the Global Climate in 2023. 30 November 2023. — URL: <https://wmo.int/sites/default/files/2023-11/WMO%20Provisional%20State%20of%20the%20Global%20Climate%202023.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark,

Doctor of Sciences (History)
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: mark.neimark@mail.ru

ФЕНОМЕН КРИЗИСНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В ПРОЕКЦИИ ПЕРСПЕКТИВ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

PHENOMENON OF CRISIS CONFLICT IN THE PROJECTION OF PROSPECTS FOR A NEW WORLD ORDER

Аннотация: исходные особенности современного кризисного переходного состояния международных отношений и мировой политики — беспрецедентная разбалансированность геополитического пространства, усиление динамической неустойчивости прежних форматов взаимодействия. Стремительное развитие всё более нелинейных процессов, разнонаправленных тенденций и спонтанных событий вносят форс-мажорные риски, связанные с новыми вызовами стратегической безопасности, «сбивая» к тому же фокус прогностического осмысления конструктивных перспектив ее обеспечения. Феномен конфликтности обостренно глобализируется, проявляясь в новых и существенно обновленных формах и форматах. Кризисно-конфликтная динамика получила взрывной толчок в результате углубления процесса интернационализации событий на Украине. «Расстыковка» всей системы международных отношений стала критически опасной. Более того, расширяется антагонистическая вариативность геополитических подходов к переформатированию мирового порядка.

Ключевые слова: геополитика, мегакризис, геополитические разломы и размежевания, Россия, США, Китай, Запад, новый миропорядок.

Abstract: the initial features of the current crisis transition state of international relations and world politics are the unprecedented imbalance of the geopolitical space, the increased dynamic instability of previous formats of interaction. The rapid development of increasingly nonlinear processes, multidirectional trends and spontaneous events introduce force majeure risks associated with new challenges to strategic security, also “knocking down” the focus of predictive understanding of constructive prospects for ensuring it. The phenomenon of conflict is increasingly globalizing, manifesting itself in new and significantly updated forms and formats. The crisis-conflict dynamics received an explosive impetus as a result of the deepening the process of internationalization of events in Ukraine. The “uncoupling” of the entire system of international relations has become critically dangerous. Moreover, the antagonistic variability of geopolitical approaches to reformatting the world order is expanding.

Key words: geopolitics, megacrisis, geopolitical divides and gaps, Russia, USA, China, West, new world order.

Острые противоречия, геополитические диссонансы и конфликты всегда были неотъемлемой частью мировой политики. Но период внятных, более или менее упорядоченных конкурентных противодействий остался в прошлом [7–9]. Прежний, более или менее инерционный в целом процесс взаимодействий в глобальной политике, развивавшийся, конечно же, не без попятных движений и кризисных проявлений, сопровождавшихся в конечном счете некими относительно примирительными жестами, усилиями США и их ближайших стратегических союзников, пошел вспять, ломая многоуровневую архитектуру международных отношений. Его дестабилизирующее последствие — тотальная деградация накопленного опыта преодоления или смягчения конфликтных ситуаций. Как подчеркивается в аналитическом докладе Дипломатической академии МИД России 2024 года, «отказ Запада от радикальной трансформации миропорядка на коллективно согласованных принципах загонял болезнь вглубь, обещая резкое и не без потрясений течение данного процесса, отвечающего императивам мирового развития, топтавшегося на месте, если не пошедшего в минус» [2, с. 7]. В результате динамику современных мирополитических процессов определяют «продолжающаяся поляризация, дестабилизация и распад глобального мира на региональные кластеры» [2, с. 14].

Сегодня усиление конфликтного противоборства ключевых центров силы достигло пиковых значений. Прежний баланс геополитических сдержек и противовесов основательно нарушен. Роль силового компонента в мировой политике беспрецедентно возросла. Нарастающей разбалансировке стратегической безопасности активно способствует решение Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО.

Профильные исследователи особо выделяют «политику идентичности, которая стала полем столкновения конкурирующих дискурсов» [10]. «Они формируются вокруг трактовки осевых размежеваний между сообществами людей разных ценностных ориентиров. Речь идет о разделениях, которые не только определяют политическую идентичность и электоральный выбор, но и закрепляют разделенность как качество, имманентно присущее процессам общественных трансформаций» [10].

Точно подмечено, что в современной геополитической борьбе «потенциал конфликтности используется для продвижения

собственной повестки, превращаясь в инструмент управления политическим противостоянием» [10].

Потребность в переформатировании самой модели мирового порядка стала императивно насущной. В связи с этим хотел бы сделать оговорку, при всем уважении к экспертной оценочной позиции, относительно призыва к отечественному политологическому сообществу не сводить осмысление нового мирового порядка к конфигурации баланса сил наиболее могущественных государств, а во главу угла ставить трансформацию в целом политической организации (Вестфальской системы, современной системы международных отношений и политических систем ряда государств), «что и составляет суть изменения мирового порядка». Соглашаясь в принципе / в первооснове с этим выводом, было бы неверно, по нашему мнению, столь категорично минимизировать практико-политическую значимость ключевых геополитических игроков в конфигурации баланса сил в ходе переформатирования миропорядка. И, наоборот, преувеличивать потенциал выстроенного Западом либерального мирового порядка в целостной совокупности ряда принципов и институтов, который «в целом принимается международным сообществом». Не говоря уже о тезисе, согласно которому доминирование Запада или утрата им этого доминирования «нередко ошибочно отождествляется с либеральным мировым порядком» [3]. Разброс характеристик будущего миропорядка постоянно увеличивается и становится всё более разнонаправленным: «многоуровневый мир, бесплюсный мир, полицентричный мир, гиперсвязанный мир, “новая биполярность”, гибридные системы (“плюралистическая однополярность”, “ассиметричная многополярность”, смешение многополярности, биполярности и однополярности)» [9].

Налицо усложнение «феномена аполяриности / бесполярности (apolarity), увязываемого с растущим весом и влиянием новых геополитических игроков и центров силы — Китая, Индии, Латинской Америки» [7]. Отношения США с Китаем развиваются сейчас и на перспективу разнонаправленно, по сложносоставной формуле «взаимодействие противоположностей», в динамике которого гибко переплетаются подвижные форматы геополитического соперничества / противоборства и конкурентного партнерства.

Именно эти особенности предопределяют на перспективу векторы переформатирования мирового порядка. С учетом разнона-

правленности и противоречивости продолжающихся геополитических сдвигов и размежеваний, явно подтверждающих тенденцию к их долгосрочной активизации, структурирование мирового порядка пойдет скорее в сторону некоего гибридного варианта, не имеющего аналогов в прошлом, то есть мультиполярности / многосубъектности / полицентричности. Возникает естественный вопрос об устойчивости такой модели гибридного миропорядка. Отмечая, что гибридная модель неустойчива и в силу этого имеет переходный характер, эксперты-международники акцентируют внимание на главном: «она устойчива, поскольку открывает более широкие, чем однополярная и биполярная, возможности самоутверждения для многих стран — больших, средних, малых» [1]. «Дополнительный запас прочности придает ее гибкость: она допускает значительные изменения удельного веса разных компонентов, их переформатирование, различные комбинации их взаимоотношений» [1].

Близкая точка зрения, подчеркивающая принципиальную новизну международной ситуации, увязывается с войной на Ближнем Востоке, которая создала две линии размежевания — на мировой сцене и внутри Запада: в США и Европе истеблишмент занял сторону Израиля, а общественное мнение разделилось. Симпатии к палестинцам и осуждение жестокости официального Израиля свойственны либеральной части западного мейнстрима. Однако в приоритете — консолидация Запада и выбор в пользу Израиля как военно-политического союзника. «Выбор парадоксальный, поскольку у власти там — самое правое, до экстремизма, правительство», более того, «настоящий антипод всего, что проповедуется в западных прогрессивных кругах». В результате создается нечто специфическое полуполярное: «Полуполюс, окруженный чем-то вроде геополитической плазмы, — состояние международной среды сего дня. Она заведомо неустойчива и переходна, хотя переход может быть долгим» [4].

Не оставляет никаких иллюзий на этот счет оценочная констатация английского издания “The Economist”: «Замороженные конфликты по всему миру постепенно оттаивают, а холодные конфликты разогреваются». И теперь, когда «однополярный момент» Америки остался в прошлом, мир готовится к росту числа конфликтов» [16]. Те же оценочные позиции и даже прогностические

выкладки суммируются в аналитическом докладе, подготовленном ко Всемирному экономическому форуму в Давосе 2024 года. Их квинтэссенция: в следующем десятилетии мир столкнется с многополярным или фрагментированным порядком, в котором будут соперничать средние и великие державы. По мере роста неудовлетворенности продолжающимся доминированием Глобального Севера, группа развивающихся государств будет стремиться к большему влиянию на мировой арене, утверждая свою мощь в военном, технологическом и экономическом плане.

Примечателен прогноз МВФ, который еще в 2022 году предупреждал о том, что в условиях геополитического расщепления мира глобальная экономика может стать еще более разделенной.

В этом контексте заслуживают внимания следующие прогностические сценарии ее развития:

- « • “экономический регионализм” — мир, в котором возникают два-три крупных блока, отличающихся относительно замкнутыми торговыми потоками и финансовой политикой;
- модифицированный “западный центризм” (сохранение статус-кво): высококоординированный и финансово однородный мир;
- “фрагментированный протекционизм”, или “война всех против всех”: мир, характеризующийся разделением, конфликтами, валютным контролем, временными союзами;
- и самый оптимистичный сценарий — выстраивание заново сбалансированных международных отношений и оформление их в новую систему экономического регулирования, преодолевшую недостатки однополярного или двухполярного мира» [5].

В американской экспертно-аналитической среде, где профильно отслеживается динамика развития экономических показателей мирового развития, в частности совокупного потенциала стран — членов БРИКС, накоплен определенный опыт сравнительного анализа этого объединения с «Большой семеркой». Так, влиятельное информационно-аналитическое агентство «Блумберг» опубликовало знаковую статью под красноречивым названием «Мир из кирпичиков БРИКС». В ней обосновывается и, по сути, концептуализируется неизбежность усиления соперничества между расширяющимся объединением БРИКС и G7: к концу 2023 года

страны БРИКС уже превосходят «Большую семерку» по объему экономики, а к 2040 году прогнозируется увеличение этого разрыва в 2 раза. Четко сформулирован геополитический вывод: развитие и неизбежное расширение БРИКС в концентрированном виде означает бросить вызов американскому господству, развенчать доллар как главную мировую валюту и создать альтернативные институты в противовес ориентированным на Вашингтон Международному валютному фонду и Всемирному банку [13].

В высшей степени показательна предпринятая бывшим американским послом Чезом Фриманом содержательно насыщенная попытка систематизации черт и особенностей современного миропорядка в проекции его переформатирования. Из их весьма репрезентативной совокупности выделим наиболее значимые, на наш взгляд, геополитические диссонансы и сдвиги, которые скажутся на трансформационных процессах в мире: «блок, сформированный США, ЕС, Австралией, Великобританией и Японией для противодействия России и Китаю, обособлен от остального мира: страны, не входящие в американский блок, отказываются делать выбор между Вашингтоном и его предполагаемыми противниками; основная сила Соединённых Штатов — военные возможности — нерелевантна на фоне вызовов зарождающегося миропорядка, требующих экономического ответа; небольшие государства сопротивляются тому, чтобы быть аффилированными с Западом или его противниками; НАТО и другие многосторонние союзы утрачивают единство, их члены постепенно уменьшают объем обязательств; после окончания холодной войны общемировые режимы регулирования атрофировались» [11].

Со специфического угла, редко используемого в такого рода геополитических сопряжениях — потенциала и перспектив «средних» держав в контексте противоборства ведущих акторов мировой политики, — осмысливают накопившиеся изменения американские аналитики. Среди них — Дэниэл Гамильтон, бывший заместитель директора Управления политического планирования Госдепартамента и заместитель помощника Госсекретаря США по европейским делам, ныне один из ведущих научных сотрудников Брукингского института и Института перспективных международных исследований Университета Джона Хопкинса, и Анжела Стент, работавшая ранее в Управлении политического планирования

Госдепа и в должности офицера национальной разведки по России и Евразии. Констатируя углубление пропасти между Россией и Западом, они признают, что «в других регионах мира становится очевидной совершенно иная тенденция: Москва увеличила свое влияние и рычаги воздействия во многих важных странах, в том числе тех, которые имеют большое значение для Вашингтона». Объясняется это «успешной стратегией Кремля», который убедил значительную часть мира в том, что расширение НАТО угрожает территориальной целостности России. С критических позиций, не без сарказма, оценивается ошибочная политика США в Африке, Азии и Южной Америке, где американцы до сих пор применяют подходы типа «мы идем к вам, когда вы нам нужны» [14].

Несмотря на то что США утрачивают статус гегемона, лидеры США, как отмечает профессор Гарвардского университета, политолог-международник Стивен Уолт, предпочитают приятный глазу прежний статус Америки. Он считает: «Вместо того чтобы предпринимать тщетные попытки повернуть время вспять, американцам следует начать готовиться к многополярному будущему» [17].

Еще более выраженная созвучность и переплетение подобных критических суждений прослеживаются в европейском формате «трансатлантического» анализа глубинных трансформаций в мировой политике. Содержательно емкую и жестко конкретизированную редакционную статью, в частности, опубликовала одна из крупнейших газет Франции «Le Monde» под аналитически выверенным названием «Переструктурирование отношений между отступающим Западом и самоутверждающимся Югом происходит быстро и brutally» [15]. Приведенные в ней оценочные позиции и выводы систематизированы нами в порядке приоритетов, обусловленных профильными направлениями нашего анализа: основные страны Юга больше не подчиняются ключевым странам Севера — так, например, Индия и Африка всё реже слушаются США и Европу; стратегия развития Юга всё чаще находится в прямой конфронтации со стратегией развития Севера. Всё чаще Юг заявляет о требованиях нового распределения власти и иного устройства мира. Западные позиции оказались под угрозой не сегодня, но кризис на Украине ее усугубил и выявил со всей рельефностью. При этом «множество стран отказались сочувствовать Украине; настойчивые попытки Запада выдвинуть Украину

на передний план как главную мировую драму привели к обратному результату». И спустя столько времени после начала конфликта Юг, который явно заявил о себе по-новому, «продолжает подтачивать позиции Запада». Эта динамика, по мнению газеты, наглядно в совокупности проявилась на трех международных встречах: на саммите БРИКС в Йоханнесбурге, на саммите G20 в Нью-Дели и на открытии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Всё это свидетельствует о том, что «Глобальный Юг всё больше охлаждает к Западу и либеральному миропорядку». Вывод французских войск из Нигера спустя два года после ухода США из Афганистана говорит об отступлении Запада, «которое носит не только военный, но и политико-дипломатический характер» [15].

Концентрирует свое внимание на геополитических перспективах Запада и другая влиятельная французская газета «Фигаро» в знаковой статье под пессимистическим названием: «2024 год: к глобальному геополитическому поражению Запада?». В статье анализируется размывание влияния Запада, которое нарастает с огромной скоростью. Кризисная ситуация на Украине и военный конфликт между Израилем и исламистами в секторе Газа — наглядные примеры «глобального поражения США и Европы навязать собственное геополитическое видение мира». Что же касается Украины, то ее поддержка Западом явно ослабевает: «Это именно конкретизация торжества Глобального Юга: наглость Запада и самоуверенность, что мы самые сильные, сыграли против нас».

Целый раздел статьи посвящен особенностям новых геополитических диссонансов на Ближнем Востоке, где отчетливо возрастает недоверие к США и к интегрированной Европе. В то же время позиции России, продолжающей заключать союзы с растущим числом арабских стран, стали более прочными на Ближнем Востоке. Визит В.В. Путина в страны Персидского залива в 2023 году — убедительное тому подтверждение.

Вместе с тем прогностически обоснованным представляется предупреждение о том, что было бы предвзятым заблуждением безоговорочно идеализировать грядущий мировой порядок, не зная того, в каком институционально закреплённом виде он сложится: нельзя абстрагироваться от того, что ожидаемая многополярность (полицентризм) как его базовая основа сама по себе не отменит соперничества и конфликтных отношений

и даже не исключает их превращения в конфронтацию в геополитически определенном кризисном контексте [12].

Заключение

Стремительное развитие всё более нелинейных процессов, разнонаправленных тенденций и спонтанных событий вносят форс-мажорные риски, связанные с новыми вызовами стратегической безопасности, «сбивая» к тому же фокус прогностического осмысления конструктивных перспектив ее обеспечения. В обозримой перспективе геополитических подвижек со сколько-нибудь значимыми для глобальной стратегической безопасности последствиями ожидать не приходится: слишком велико воздействие факторов «от противного».

Переформатирование мирового порядка — это длительный период критических испытаний на стратегическое мышление и стратегическую культуру, на реальную заинтересованность в устранение старых и новых глобальных вызовов и угроз, возникших перед человечеством. Выход объединенного Запада, всецело направляемого США, на конструктивные внешнеполитические горизонты никак не просматривается. Более того, его договороспособность с Россией в целом тяготеет к критическому обнулению. Разумеется, геополитические диссонансы, трения и разломы исчезнуть в одночасье не могут. Основа для их воспроизводства в том или ином формате — неизбежная многосложность и, соответственно, разнонаправленность мирополитических процессов — сохранится надолго.

Резкое обострение палестино-израильского конфликта вызвало разнонаправленные подвижки и размежевания не только на Ближнем Востоке, но и в геополитическом пространстве в целом, отодвинув на второй план кризисную ситуацию на Украине и содержательно осложнив перспективы формирования нового миропорядка. Динамика развития новых процессов, конечно же, кризисно усиливает трансформационные процессы в глобальной политике, но пока еще фундаментально, бесповоротно не меняет иерархию и баланс сил в мире. Для критического, тем более необратимого, нарушения хотя и относительного сегодня кризисно-конфликтного равновесия потребуются сложнейшие комбинация и совмещение системообразующих геополитиче-

ских, геоэкономических, военно-политических и других факторов. Выявленные конфликтные тенденции и размежевания очень серьезно сказываются на возможностях переформатирования мирового порядка, но, поскольку системно типологизированный феномен окончательно еще не сложился, сохраняется осторожная надежда на более благоприятный геополитический контекст в долгосрочной перспективе.

Литература

1. *Барановский В.Г., Кувалдин В.Б.* Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации // Полис. Политические исследования. — 2023. — № 6. — С. 8–20.
2. Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции: доклад. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. — 62 с.
3. *Лукьянов Ф.* Полуполярный мир. Палестино-израильская война консолидировала Запад, но не создала второго полюса // Россия в глобальной политике. — 31.10.2023. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/polupolyarnyj-mir/> (дата обращения: 06.02.2024).
4. МВФ предупредил о риске геополитического расщепления мира. Глобальная экономика может разделиться на блоки // РБК. — 29.07.2022. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/07/2022/62e281919a7947ba48758474> (дата обращения: 06.02.2024).
5. *Неймарк М.А.* «Хищники» в геополитике и Европа // Современная Европа. — 2021. — № 7. — С. 152–161.
6. *Неймарк М.А.* Евросоюз — США: новые геополитические диссонансы в отношениях // Международная жизнь. — 15.07.2020. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26916> (дата обращения: 06.02.2024).
7. *Неймарк М.А.* Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность» // Проблемы постсоветского пространства. — 2021. — № 8 (3). — С. 304–314.
8. *Панюжева М.* Четыре сценария геополитического миропорядка на 2025–2030 гг. от CSIS / РСМД. — 16.04.2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chetyre-stsenariya-geopoliticheskogo-miroporyadka-na-2025-2030-gg-ot-csis/> (дата обращения: 06.02.2024).
9. *Семенов И.С., Лапки В.В., Пантин В.И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 5. — С. 56–77.
10. *Фриман Ч.* Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // Россия в глобальной политике. — Т. 21. — 2023. — № 5. — С. 36–55.
11. *Boussois S.* 2024: vers un échec géopolitique global des Occidentaux? // Le Figaro. — 2023. — 27 Décembre.
12. *Daoud Z., Johnson Sc.* A World made of BRICS // Bloomberg. — 2023. — 8 November. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-07/a-world-made-of-brics> (accessed: 06.02.2024).
13. *Hamilton D., Stent A.* Can America Win over the World's Middle Powers? // Foreign Affairs. — 2023. — 14 November. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/can-america-win-over-worlds-middle-powers> (accessed: 06.02.2024).
14. *Le Monde.* — 2023. — 27 Septembre.
15. *The Economist.* — 2023. — 6 November.
16. *Walt S.* America is too scared of the multipolar world // Foreign Policy. — 2023. — 7 March. — URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/07/america-is-too-scared-of-the-multipolar-world/> (accessed: 06.02.2024).

Карпович Олег Геннадьевич,

заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе, заведующий кафедрой
стратегических коммуникаций и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor,
Vice-Rector for Research, Head of the Department
of Strategic Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: iskran@yahoo.com

Чеснокова Алина Витальевна,

аспирант, младший научный сотрудник,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alina V. Chesnokova,

PhD student, Junior Researcher,
Institute of Topical International Problems,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.

E-mail: aln.davydova@mail.ru

АРХИТЕКТУРА ГЛОБАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ КРИЗИСНЫХ ПОТряСЕНИЙ

GLOBAL HEALTH ARCHITECTURE UNDER CRISIS DISTURBANCES

Аннотация: в данной статье анализируются современные тенденции в сфере глобального управления здравоохранением, на формирование которых повлияли пандемия COVID-19 и усиление роли транснациональных корпораций в области фармацевтической промышленности, в то время как роль развивающихся стран и таких международных организаций, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), теряет свое прежнее значение. Лидерство фармацевтических компаний может означать, что интересы корпораций начинают доминировать над общественными интересами в сфере здравоохранения после кризисных потрясений, вызванных пандемией COVID-19.

В статье подчеркивается также важность сохранения и укрепления многосторонних институтов и баланса интересов в глобальном здравоохранении, несмотря на то что на данный момент национальные правительства в меньшей степени обращают внимание на проблемы нынешней системы здравоохранения и закрывают глаза на фрагментацию интересов в рамках ВОЗ. Из этого вытекает необходимость создания или, по крайней мере,

реформирования нового мирового порядка по обеспечению устойчивой системы глобального здравоохранения с более равноправным участием представителей разных частей мира. Тем не менее в условиях фрагментации и регионализации глобализации, по всей видимости, акцент стоит сделать на том, чтобы легализовать это деление в условиях многополярности таким образом, чтобы укрепить не организации с глобальным охватом, которые будут зависеть от геополитического доминирования, а новых негосударственных акторов.

Ключевые слова: ВОЗ, пандемия COVID-19, медицинская дипломатия, транснациональные корпорации, общественное здравоохранение.

Abstract: this article analyzes current trends in global health management, which were influenced by the COVID-19 pandemic and the increasing role of transnational corporations (TNCs) in the pharmaceutical industry, while the role of developing countries and international organizations such as the World Health Organization (WHO) is losing its former importance. The leadership of pharmaceutical companies may mean that corporate interests begin to dominate public interests in the health sector after the crisis shocks caused by the COVID-19 pandemic.

The article also emphasizes the importance of preserving and strengthening multilateral institutions and the balance of interests in global health, despite the fact that at the moment national governments are paying less attention to the problems of the current health system and turning a blind eye to the fragmentation of interests within WHO. This implies the need to create, or at least reform, a new world order to ensure a sustainable global health system with more equal participation of representatives from different parts of the world. Nevertheless, in the context of fragmentation and regionalization of globalization, it seems that the emphasis should be placed on legalizing this division in a multipolar environment in such a way as to strengthen not organizations with global reach that will depend on geopolitical dominance, but new non-state actors.

Key words: WHO, COVID-19 pandemic, medical diplomacy, transnational corporations, public health.

Введение

На первый взгляд казалось, что с наступлением XXI века международные организации воплощают мировой порядок, являются его лицом, отражают общепризнанные ценности, а их мандат заключается в обеспечении соблюдения основных норм и поддержке сбалансированного миропорядка. Однако в последние годы в деятельности международных организаций обнаруживаются существенные и глубокие разломы, выражаемые в виде разногласий по поводу принципов и правил, которые должны регулировать поведение и определять обязательства суверенных государств в мировой политике.

Ключевые тенденции

Ключевой тенденцией становится усиление многополярности. После завершения Второй мировой войны настала эра доминирования западной, либеральной, международной системы под руководством США, выстроенной на основе многосторонних институтов управления, которые были созданы для поддержания стабильности, экономического роста и укрепления сотрудничества в обла-

сти безопасности и «демократической солидарности» [36, р. 384]. После почти 80 лет доминирования данная модель «либерального интернационализма» вынуждена подстраиваться под изменения мирового порядка. Период однополярности, при котором США были доминирующей супердержавой в мире после завершения холодной войны, закончился. Изменение российской внешней политики с модели «Восток — Запад» на модель «Север — Юг», а также растущее влияние Китая в мировой экономике и политике являются признаками конца эпохи «Pax Americana» [1]. Так называемые восходящие державы, опираясь на свой растущий политико-экономический вес, определяют свою роль в поддержании глобальной политики и ее целей, в том числе ввиду определения большего участия в основных институтах глобального управления [27].

Смена миропорядка

Однополярный мировой порядок ускоренно уступает место более сложному по своему содержанию геополитическому ландшафту, в рамках которого разные (с точки зрения их геополитического веса) региональные и мировые акторы стремятся к укреплению, развитию и систематизации своего влияния, а конкуренция между ключевыми центрами силы становится всё более острой, выходя за рамки сугубо политической сферы [16, р. 349].

Еще один важный аспект — изменение характера глобального управления. Границы между государствами становятся менее прозрачными, и это представляет вызов для традиционных механизмов международного сотрудничества. Совершенно очевидно, что международные и межгосударственные организации будут только сильнее испытывать давление в условиях адаптации к новой реальности [19].

Третий момент — это разобщенность и «рваность» в мировой политике, дезорганизация цепочек взаимодействия [2]. Социальные и политические разделения, а также различия в восприятии мировых проблем создают вызовы для монолатерального сотрудничества. Эффективное управление глобальными вопросами требует согласия и сотрудничества, но современная ситуация наглядно демонстрирует, что даже базовые международные принципы и ценности больше не являются долгосрочным приоритетом. Эти изменения в международном порядке затрагивают и существующую

щие механизмы глобального управления, а также ведут к сдвигу в глобальном распределении лидерства [24].

Таким образом, современные кризисные процессы в мировом порядке подрывают основы стратегической стабильности. То, что ранее казалось структурированным и прозрачным, сегодня представляется фрагментированным и непредсказуемым. По словам профессора М.А. Неймарка, это можно сравнить с «рваной» графикой, где изменения происходят быстро и скачкообразно [4, с. 5]. Одним из наиболее заметных изменений является усиление многополярности, которое вызывает перегруппировку сил и интересов в мировой политике. Снижение влияния разных акторов, включая в особенности международные организации, создает более сложный ландшафт в мировой политике и международных отношениях, требуя не только проработки концептуальных основ новых принципов взаимодействия, но и детализации характерного инструментария, доступного на современном этапе.

Прежний мировой порядок был неполным и неравномерным. Однако он поспособствовал появлению исторически беспрецедентного явления — плотной и расширяющейся сети международных институтов, действующих на основе международных договоров, а также организаций и коллективных структур, которые позволили повысить степень коллективного управления в глобальных сферах [31]. Сейчас эта эпоха закончилась или, по крайней мере, находится на паузе. По словам Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, «усиление геополитического и экономического соперничества привело к тому, что мир застрял в глобальной дисфункции, подрывая возможности коллективных действий в тот момент, когда спрос на них был как никогда сильным» [38].

Глобальные разногласия

Сегодняшние глобальные разногласия проходят по двум «разломам», к которым следует отнести линии «Север — Юг» и «Восток — Запад». В качестве примера можно привести неспособность министров иностранных дел стран G20 на встречах в феврале — марте 2023 года собрать воедино обычное коммюнике. Как справедливо подчеркнул главный дипломат Индии, министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкар: «многосторонность находится в кризисе» [21].

Многие страны отделяются от участия в многосторонних структурах и организациях, делают акцент на решении внутренних и национальных задач; мировая экономика фрагментируется, а приверженность многосторонним институтам ослабевает, что усложняет сотрудничество по транснациональным проблемам, начиная от распространения ядерного оружия, заканчивая стабильностью в космическом пространстве, изменением климата и глобальным здравоохранением.

Таким образом, совершенно очевидным выглядит тот факт, что долгие годы Запад активно обсуждал создание международного порядка, основанного на собственных правилах, вместо традиционной ориентации на международное право. Это привело к тому, что сейчас Совет Безопасности ООН не в состоянии обеспечить «мировой мир» и безопасность. Перспективы его реформы остаются туманными и наблюдается некая аналогия с Лигой Наций, что подчеркивает сложность достижения согласия в современном мире. G20, которая призвана решать глобальные проблемы, объединила в своем составе страны с разными и даже противоположными интересами, к примеру ЕС играет важную роль в этой группе, в то время как другие региональные организации, такие как ШОС, АСЕАН, Африканский союз или МЕРКОСУР, в нее не включены. Европа институционализована исключительно в рамках проамериканских НАТО и ЕС. Партнерам НАТО и странам Восточного партнерства ЕС отведена роль «подрывников» против России [3]. Совет Европы стал объектом политизации и направлен против стран, проводящих независимую политику.

Такие тенденции неизбежно затронули и сферу глобального здравоохранения. В отличие от большинства других сфер глобального управления (финансовая, изменения климата, прав интеллектуальной собственности или труда) здравоохранение можно считать глобальным феноменом, поскольку оно затрагивает благосостояние всего человечества, как это закреплено в Конституции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), вступившей в силу в 1948 году. Уроки пандемии COVID-19 как настоящей трагедии в области здравоохранения, выявившей уязвимость и неготовность глобального сообщества к масштабным эпидемиям, позволяют предположить, что детерминанты глобального здоровья гораздо шире, чем просто особая структура управления,

и что разделение вопросов в нынешней глобальной архитектуре здравоохранения неуместно, поскольку они связаны в своем оперативном контексте.

Вопрос здравоохранения

До начала пандемии здравоохранение не являлось неотъемлемой частью общей программы развития человечества. Отсутствие интереса к данным вопросам объяснялось тем, что роль государства ограничивалась экономическим участием, то есть обеспечением ресурсов, необходимых для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. Однако со временем данный акцент начал смещаться в сторону безопасности, в том смысле что ответные меры на инфекционные заболевания больше не были неотъемлемой частью здравоохранения как глобального общественного блага, а выступали скорее как способ предотвращения биотерроризма и обеспечения безопасности [29]. Многие инфекционные заболевания были уже известны человечеству (в том числе различные виды лихорадки, вирус Эбола и проч.), поэтому не было необходимости выстраивать архитектуру глобального противодействия инфекционным или эпидемиологическим угрозам, доверяя решение этой проблемы национальным правительствам.

Данное видение оказалось контрпродуктивным, поскольку исказило повестку дня управления здравоохранением и привело к конвергенции в конкурентной борьбе, что нашло свое отражение в разделении сил на глобальном уровне. Такой секьюритизированный подход к глобальному управлению здравоохранением фактически подорвал действенность и легитимность существующих организаций международного уровня (например, ВОЗ) [12, р. 142].

Глобализация привела также к изменениям в понимании здоровья и структуре заболеваемости во всем мире, что, в свою очередь, повлияло на принятие решения по вопросам здравоохранения [28, р. 9]. С одной стороны, глобализация способствует распространению информации и мобилизации ресурсов, необходимых для увеличения продолжительности и качества жизни человека. С другой стороны, глобализация способствует распространению болезней, следовательно, и смертности в мире из-за тесной экономической и социальной его взаимосвязанности. Помимо этого глобализация повышает осведомленность об экономической, по-

литической и социальной среде в других странах, что, например, позволило медицинским работникам в развивающихся странах на глобальном Юге мигрировать в поисках лучших рабочих мест в страны на развитом Севере.

Изменения в структуре здравоохранения, спровоцированные пандемией COVID-19, вызвали закономерный вопрос: как государства могут коллективно защищать и укреплять свои национальные системы во всё более взаимозависимом мире? Одной из причин неспособности международных организаций как репрезентативных межгосударственных организаций реагировать на возникающие проблемы в сфере здравоохранения является дисбаланс глобальных полномочий в процессе принятия решений. Эту неоднородность можно обозначить часто упоминаемым «разрывом 10/90», согласно которому только 10% глобального финансирования медицинских исследований направляется на борьбу с болезнями, от которых страдают 90% беднейшего мирового населения [26, p. 155].

ВОЗ и проблемы эпидемий

В случае с ВОЗ решения, касающиеся выделения ресурсов на устранение разных проблем в области здравоохранения, в значительной степени определяются несколькими влиятельными государствами-членами и их интересами, что отражается в их целевом добровольном финансировании. Напротив же, регулярный бюджет организации, который используется для ее основной деятельности, неуклонно сокращался, создавая потенциальные риски в случае формирования на мировом уровне новых глобальных угроз в области здравоохранения. В частности, значительно сократилось финансирование основной работы в области чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения, а также реагирования на эпидемии и пандемии. За годы, предшествовавшие вспышке COVID-19, бюджет ВОЗ на борьбу со вспышками инфекционных заболеваний и реагирование на кризисы в сфере здравоохранения хоть и был увеличен, но не в соотношениях, пропорциональных уровню угроз: если в период 2014–2015 годов (накануне вспышки вируса Эбола в странах Африки) он составлял 241 млн долл., то в преддверии пандемии COVID-19 бюджет организации на 2018–2019 годы составлял лишь около 4,42 млрд долл. [41].

И хотя данные цифры демонстрируют рост, важно понимать, что в контексте общемировых вызовов и угроз эта цифра не позволяла осуществлять оперативное реагирование на потенциальные риски даже в теории — к примеру, расходы на здравоохранение только в США за аналогичный период составляли 3795,4 млрд долл., в Китае — 902 млрд долл., а в России — 38 млрд долл.

Необходимость принимать скоординированные решения по вопросам глобальных проблем здравоохранения в рамках ВОЗ привела к развитию феномена дипломатии здравоохранения [39]. В нынешней глобальной архитектуре здравоохранения такие элементы управления, как программы и институты, уступают место односторонним и региональным политическим инициативам, которые становятся ключевыми для доминирующего ответа на глобальные проблемы здравоохранения [15, р. 21]. В своем концентрированном виде указанный инструментарий может быть выражен в виде так называемой медицинской дипломатии¹, выступая естественным продолжением «мягкой силы» государств и их стремления на односторонней основе сформировать ответ на возникающие перед государствами вызовы и угрозы в сфере здравоохранения. Вполне закономерно, что данные инициативы, в свою очередь, приводят к системному уменьшению влияния международных организаций, наделяя рассматриваемый «переток» функцией «лобового столкновения», при ситуативном уменьшении влияния международных организаций.

На первый взгляд работа ВОЗ по своей сути имеет технический характер, так как ей не нужно принимать весомые политические решения, которых требуют от Совета Безопасности ООН, где жизненно важные интересы разных стран постоянно вступают в противоречие и порой данные противоречия обладают «хроническим» характером, в результате чего без жесткой привязки к той или иной

¹ Медицинская дипломатия может быть идентифицирована в виде особой формы внешнеполитической деятельности, которая направлена на оказание медицинской помощи третьим странам, включая выработку новых методов в решении проблем охраны здоровья человечества, противодействия пандемиям и иным потенциальным чрезвычайным угрозам в сфере здравоохранения. Медицинская дипломатия обладает устойчивой связью с научной дипломатией (в сфере трансфера технологий, совместных технологических разработок в области здравоохранения, биомедицины, разработок лекарственных препаратов, вакцин, тест-систем), образовательной дипломатией (в сфере подготовки научных сотрудников, врачей, младшего персонала, осуществления командировок в наиболее пострадавшие страны), культурной дипломатией (при отражении пандемии в кинематографе, музыке и других продуктах массовой культуры), а также с цифровой и публичной дипломатией (при продвижении идеи безопасной коммуникации, дистанционного формата работы, обучения, пропаганды личной гигиены и т.п.).

сфере все вопросы так или иначе проходят через призму политической целесообразности для государств. ВОЗ не требуется также занимать позицию по чувствительным идеологическим ценностям разных стран, как это должны делать правозащитные организации. А поскольку миссия ВОЗ определена узко и относительно объективно, ее эффективность можно оценить относительно легко, например с помощью простых показателей общественного здравоохранения, что должно давать должностным лицам ВОЗ стимул действовать надлежащим образом и снижать риск того, что страны не способны обеспечить «дисциплину здравоохранения», если у ВОЗ для этого не будет возможности [35].

Тем не менее изложенное выше оказалось по большей части недостижимым. На ранних стадиях пандемии COVID-19 ВОЗ допустила ошибку: она придерживалась политики невозможности обидеть какую-либо крупную (с точки зрения геополитического веса и международного влияния) страну — поскольку ВОЗ полагается на сотрудничество стран, принимающих решения во время чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения, на их финансирование и политическую поддержку, ею стало удобно манипулировать, как это и было в начале вспышки коронавируса [17].

В идеальных условиях страны, в которых происходят вспышки заболеваний, должны приветствовать опыт международного сотрудничества, но в реальности это происходит достаточно редко (по крайней мере, на ранних стадиях вспышек, во многом по политическим причинам, а также ввиду риска ошибочной оценки потенциальной угрозы). Актеры опасаются репутационных и финансовых потерь, пытаются справиться с угрозой самостоятельно и обращаются за помощью только после того, как потеряют контроль над ситуацией. Примечательно, что потеря контроля над ситуацией в одной стране в силу транснационального и трансграничного характера угроз в геометрической прогрессии повышает вероятность пропорциональной потери контроля над ситуацией и на более глобальном уровне, тем самым девальвируя и инструментарий, и алгоритмы, и совокупную эффективность реагирования такой международной организации, как ВОЗ, на конкретную угрозу. Этот парадокс наряду с тем, что организация всё больше склоняется к политическим мотивам вынесения тех или иных своих решений (задержки в сертификации вакцин сугубо по политиче-

ским мотивам в силу противоречий между основными странами-членами, как это было с китайской «CoronaVac»), мешает ВОЗ и объясняет не только ее неудачи с коронавирусом, но и более ранние прецеденты, указывая на системные просчеты в планировании и ведении оперативной деятельности. Например, на такие, как крайне медленная реакция на вспышку лихорадки Эбола в Западной Африке в 2014 году, когда всякий раз, после того как секретариат ВОЗ публично оспаривал официальную позицию правительств или настаивал на вмешательстве в то или иное событие, государства-члены часто реагировали отрицательно, провоцируя дипломатические упреки ввиду нежелания вводить новые механизмы контроля и создавая тем самым ограничения для автономии этой международной организации [25].

Даже в период пандемии коронавируса остро проявилась проблема высокой конкуренции за доступ к вакцинам и медицинским ресурсам. Развитые и влиятельные с экономической и геополитической точки зрения страны заключали договоры с фармацевтическими компаниями и первоочередно обеспечивали себя вакцинами (зачастую существенно завышая свои потребности, закупая по 3–4 дозы вакцины на каждого жителя страны), в то время как развивающиеся страны оставались без доступа к необходимой медицинской помощи. При этом ВОЗ как главный регулятор в условиях чрезвычайной ситуации в сфере здравоохранения осталась, по мнению многих экспертов, в стороне от проблемы.

Эти события подчеркивают шаткое положение, в котором часто оказывается секретариат ВОЗ. Для государств-членов как участников международной организации выгодно сохранять разные инструменты влияния на ВОЗ, начиная от немедленного прекращения добровольных взносов (которые составляют большую часть бюджета ВОЗ) до более существенных мер, таких как изменение структуры, функций и ее автономии.

Эта же динамика подчеркивает также более широкую политическую проблему, стоящую перед ВОЗ. Следует напомнить, например, что вспышка лихорадки Эбола произошла в условиях, когда секретариат широко обвиняли в «волчьем крике» из-за его реакции на пандемию гриппа H1N1 в 2009 году [11]. Эта критика была сосредоточена вокруг представления о том, что пандемия оказалась не такой серьезной, как предполагалось вначале. В этом

контексте, если вспомнить как государства-члены отреагировали на атипичную пневмонию, многочисленные расследования обращения ВОЗ с H1N1, а также то, что нормативная репутация организации остается одним из самых мощных инструментов давления на нее [6, с. 116], можно понять, почему ВОЗ осторожно подошла к проблеме вспышки COVID-19, активизируя свои дискуссии и действия только тогда, когда стало очевидно, что распространение вируса видится совершенно неконтролируемым.

Учитывая вышеизложенный набор обстоятельств, можно попытаться понять трудную линию, которую ВОЗ приходится постоянно проходить в обсуждении проблем в глобальном здравоохранении, — между суверенитетом своих стран-членов, общественным здравоохранением и значительными экономическими интересами, когда она сталкивается с кризисами, характеризующимися всеобъемлющей неопределенностью, политическим противостоянием и манипуляцией информацией.

С завершением пандемии такие эпизоды разрозненности встречаются всё чаще. Нормативная конкуренция стала определяющей чертой современных международных отношений, подрывая институциональные основы мирового порядка и создавая препятствия для многостороннего сотрудничества в период глобальной турбулентности и конфронтации государств-лидеров. Как уже было отмечено, наиболее сильно это проявилось в условиях периода пандемии COVID-19, когда повседневная борьба с пандемией превратилась в жестокую игру множества юрисдикций в гонке за получением средств индивидуальной защиты в ущерб обеспечению всеобщих интересов — глобального здравоохранения и защиты наиболее уязвимых стран. На этом фоне судьба ВОЗ кажется символом недостаточности, эфемерности международного сотрудничества и примером практического упадка глобальных институтов в сфере здравоохранения. COVID-19 продемонстрировал хаотичный конец возможностей коллективного управления здравоохранением в сочетании с вакуумом глобального управления и ростом разных форм популистского национализма, что существенным образом затруднило борьбу с пандемией [20]. А подающее надежды международное сотрудничество до сих пор не сумело создать устойчивую основу для если не нового, то, по крайней мере, реформированного набора правил, алгоритмов,

«общих контуров поведения» и систем для обеспечения готовности глобального здравоохранения к будущим потрясениям.

Оказывается, даже технические вмешательства ВОЗ под руководством экспертов могут обладать политической подоплекой. И речь не только о том, что некоторые страны хотят скрыть от мира вспышки заболеваний. Страны расходятся также во мнениях относительно проблем, на которых ВОЗ должна сосредоточиться в первую очередь. Однако реальность демонстрирует, что установление приоритетов и распределение ресурсов между разными проблемами общественного здравоохранения — это политический, а не технический выбор. Например, в мае 2023 года Всемирная ассамблея здравоохранения на ежегодном заседании рассматривала вопрос о том, как улучшить готовность к пандемиям и реагированию на них после опыта прошлых лет с пандемией COVID-19. Среди наиболее спорных тем был последний проект предлагаемого ВОЗ договора о борьбе с пандемией, призванный закрыть пробелы в Международных медико-санитарных правилах и усилить их соблюдение с возможностью контроля чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Еще в декабре 2021 года ВОЗ инициировала начало переговоров о глобальном соглашении по предотвращению, обеспечению готовности и реагированию на пандемии, используя так называемый нулевой проект [42] в качестве основы для переговоров по соглашению о защите стран и сообществ от будущих чрезвычайных ситуаций в области всемирного здравоохранения [8].

Тем не менее текст, изобилующий предложениями по альтернативным формулировкам договора, выявил резкие различия между государствами — членами ООН (а также частными корпорациями и представителями гражданского общества), в том числе по таким вопросам, как равный доступ к вакцинам и суверенные исключения из глобальных правил [31]. Несмотря на то, что в тексте обновленного проекта договора нет резких формулировок, которые ставили бы использование государственных средств на НИОКР в качестве обязательств для частного сектора передавать собственные технологии и конечную продукцию, документ всё же содержит в себе «необязательные» уточнения, связывающие обмен между информацией о патогенах, которую предоставят развивающиеся страны, с гарантированными поставками лекарств, вакцин и других

инструментов здравоохранения, к которым они получают доступ по схеме распределения ВОЗ [14].

Разногласия членов ВОЗ

Эти вопросы на протяжении двух лет вызывают споры между членами ВОЗ. Если изначально на первый план указанного выше проекта договора выходили такие «созидательные» критерии, как справедливость, совместное использование патогенов, улучшение логистических систем, лучшая координация медицинских исследований и разработок, то сейчас приоритетными стали вопросы с финансово-политической составляющей, непосредственно касающиеся глобального управления здравоохранением. В прежней версии ст. 9 проекта было положение, устанавливающее условия для исследований и разработок, финансируемых государством. Были закреплены и требования прозрачной публикации цен на фармацевтическую продукцию, а также требования к обмену данными и передаче технологий в случае разработки продуктов, возникающих в результате финансируемых государством исследований и разработок.

Против этих положений выступили государства с активными фармацевтическими конгломератами (американские «Pfizer» и «Johnson & Johnson», британская «AstraZeneca», китайская «Sinopharm» и др.), в связи с чем ВОЗ приняла решение изменить текст на такой вариант, где лишь осторожно упоминается, что «каждая Сторона при предоставлении государственного финансирования научных исследований и разработок в целях предотвращения пандемий, обеспечения готовности, реагирования и восстановления систем здравоохранения должна, в соответствии с национальным законодательством и, при необходимости, принимая во внимание объемы государственного финансирования, способствовать прозрачности результатов НИОКР, совместному использованию технологий и справедливому распространению продукции медицинского назначения» [10]. Заметно, что и в этом случае ВОЗ, не получив поддержки от стран-членов в виде коллективного согласия, приняла решение отказаться от части своего контроля и собственных выгод, в результате чего организация не получила больших возможностей и автономии для действий в интересах глобальной безопасности в сфере здравоохране-

ния. Ситуация вновь повторяется, поскольку организация вновь оказалась заложником политических ограничений [7], не желая усугублять конфликт между странами-членами (как потенциальными донорами своего существования), и пошла на неоднозначные компромиссы. В данном контексте это означает воздержание от действий, которые оскорбят государства-члены, чья поддержка (финансовая, политическая, репутационная или иная) необходима для деятельности ВОЗ в целом. Такая реальность демонстрирует, что ВОЗ уже не является антипандемической организацией или организацией, занимающейся инфекционными заболеваниями, — она стала организацией здравоохранения, чья политика свободно и активно оспаривается во всем мире.

Помимо этого проблема заключается еще и в том, что противоречия в международной политике закономерно начали раскалывать ВОЗ. Мировой порядок видоизменяется, а вместе с ним видоизменяются мнения относительно того, каким угрозам здравоохранения следует уделять приоритетное внимание. В этом ключе ВОЗ оказалась «разрываемой» между правительствами, группами интересов, активистами, которые хотели, чтобы организация уделяла приоритетное внимание разным вещам — ВИЧ/СПИДу, пандемиям и инфекционным заболеваниям, употреблению табака, ожирению или даже изменению климата [22].

Существуют также серьезные разногласия по поводу того, должна ли ВОЗ уделять приоритетное внимание развивающимся странам, и если да, то в какой степени. Если с началом XXI века ВОЗ поставила перед собой цель исправить глобальное неравенство в сфере здравоохранения, которое начинает выглядеть как программа перераспределения с Севера на Юг, то сейчас стало понятно, что такое стремление стало политически «взрывоопасным» [30].

Чтобы разрешить политические конфликты, ВОЗ пытается идти двумя путями: сохранить относительную автономию для определения своей собственной повестки дня, используя обязательные взносы стран ООН, и иным образом принимать добровольные пожертвования от стран и учреждений, попутно уступая в своей политике их приоритетам. Но эта стратегия приводит к неотвратимой эрозии лидерства организации. Неудовлетворенные приоритетами ВОЗ страны-члены создали свои собственные конкурирующие

глобальные учреждения здравоохранения, которые преследуют цели, отличные от программ ВОЗ (это — Всемирный банк, Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу, Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации и др.) [7].

Неизбежно идея единого учреждения, которое занимается глобальным управлением мировыми проблемами здравоохранения, отошла на второй план. С выходом на первый план не столько международных организаций, сколько транснациональных корпораций (ТНК) и фармацевтических конгломератов, было изменено управление здравоохранением. По словам руководителя отдела глобального общественного здравоохранения компании «Johnson & Johnson» Я. Петерса, «ни одна организация не может решить наиболее острые глобальные проблемы общественного здравоохранения в мире в одиночку, так как все сектора — государственный, частный и гражданское общество, — должны знать, как им наиболее продуктивно сотрудничать в целях достижения наилучших результатов» [33]. С этой точки зрения следствием утраты приоритета в управлении глобальным здравоохранением международными организациями, такими как ВОЗ, становится фрагментация и изменение порядка в сфере здравоохранения.

Разработка вакцин

Пандемия COVID-19 и разработка вакцин подкрепили новую лидирующую роль фармацевтической промышленности в обеспечении глобальной безопасности здравоохранения. Компания «Johnson & Johnson» разработала сеть распространения медицинского оборудования PRISMA, которая позволяет одному аппарату ИВЛ поддерживать дыхательную деятельность у двух пациентов одновременно [23]. Компания «Pfizer» выступила с предложением поддержать Центр контроля заболеваний в США, создав специализированную команду для предоставления экспертных знаний в области разработки лекарств [34]. Компания «Eli Lilly» применила инновационный подход — электронное назначение рецептов, чтобы обеспечить поставки инсулина пациентам с диабетом во время карантинных ограничений [40]. Компания «Bharat Biotech» получила высокую оценку за разработку недорогого препарата «COVAXIN», который был распространен по всему миру, особенно в африканских странах, для преодоления пандемии.

Действия фармацевтических компаний в условиях пандемии вызвали широкую поддержку общества и национальных правительств по нескольким причинам. Во-первых, они продемонстрировали способность быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и разрабатывать инновационные решения для борьбы с пандемией, не прибегая к череде международных согласований и бюрократическим проволочкам, хоть и при сохранении в списке своих приоритетов не только глобальных принципов («спасение человечества», «противодействие общей угрозе»), но и бизнес-интересов. Это вызвало одобрение общества и национальных правительств, которые оценили быструю реакцию на кризис здравоохранения, что, учитывая принадлежность компаний к той или иной стране, способствовало продвижению имиджа государства в «мягкосиловой» сфере и медицинской дипломатии, предоставляя актуальный ответ на существующий запрос общества. Во-вторых, фармацевтические компании, во многом в обход ВОЗ, самостоятельно сотрудничали с правительствами для обеспечения доступности вакцин и лекарств для населения, что сделало их обособленными от международных бюрократических структур партнерами в борьбе с пандемией. В-третьих, разработка мРНК-вакцин и других передовых технологий в области медицины вызвала общественный интерес и повысила степень, уровень уважения к фармацевтическим компаниям, так как они продемонстрировали, что могут привнести новаторские и, что самое главное, оперативные решения в глобальное здравоохранение [37].

Действия фармацевтических компаний во время пандемии позволили им заслужить уважение и поддержку, и в некотором смысле они начали занимать нишу ведущих акторов в управлении глобальным здравоохранением, так как в связи с первоначальной безынициативностью ВОЗ именно медицинские конгломераты стали влиятельными участниками в формировании глобальных здравоохранительных политик и стратегий. Но при этом упускается тот факт, что, например, частная инициатива Фонда Рокфеллера «Global Vaccines Initiative» [18] была поддержана наиболее крупными фармацевтическими гигантами, чтобы формально обеспечить доступ к вакцинам для всех стран мира, хотя, несмотря на получение огромных государственных субсидий, фармацевтические корпорации систематически игнорировали или срывали

усилия по обеспечению справедливого и приемлемого доступа к технологиям борьбы с COVID-19 [5]. И в то же время именно инициированный ВОЗ проект «COVAX»¹ подвергся наибольшей критике за отсутствие прозрачности и подотчетности, а также за игнорирование необходимости справедливого распределения вакцин [13]. Указанный аспект позволяет проследить и дополнительную мотивацию, способствующую появлению данной диспозиции — частные компании могут быть заинтересованы в том, чтобы за счет влияния через правительства затягивать и снижать эффективность работы ВОЗ, что выставляет в выгодном свете отдельные компании, демонстрирующие возможности «в обход» и «без бюрократии» удовлетворить общественные запросы в сфере здравоохранения, и усиливает позиции государств на уровне глобальной конкуренции частных и международных структур.

Тем самым фармацевтические компании и корпорации благодаря своим действиям и инициативам в условиях пандемии заслужили в глазах общественности свою нишу в глобальном управлении здравоохранением. Их роль как ключевых игроков в разработке, производстве и распространении вакцин и лекарств, а также их влияние на формирование глобальных здравоохранительных политик стали неотъемлемой частью решения мировых здравоохранительных вызовов. В связи с этим рост числа организаций здравоохранения наряду с трендами последних лет, таких как усиление глобального влияния медицинских ТНК и корпораций, поставил под сомнение роль ВОЗ как направляющего и координирующего органа в глобальном здравоохранении.

При этом не может быть упразднен и другой аспект — отсутствие международной координации или субсидированных закупок. Затягивание процесса принятия стратегических решений, искусственная бюрократия, стандартная практика ценообразования и рыночное распределение не будут в полной мере стимулировать производство вакцин (по сравнению с частными и государственными инициативами), которые можно будет эффективно распро-

¹ COVAX (Глобальный доступ к вакцинам против COVID-19) — всемирная инициатива, организованная в целях обеспечения равного доступа к вакцинам против COVID-19, которая функционирует под руководством Альянса по вакцинации, Коалиции за инновации в области готовности к эпидемиям, ЮНИСЕФ и Всемирной организации здравоохранения. Главные цели COVAX — координировать усилия на мировом уровне и мобилизовать медицинские ресурсы, чтобы обеспечить странам с низким и средним уровнями дохода равный доступ к средствам тестирования, лечения и вакцинам против COVID-19.

странять в богатых странах, тогда как недопроизводство вакцин для борьбы с пандемией в других, более малых с точки зрения экономического либо геополитического веса странах приведет к тому, что бедные страны будут закономерно отодвинуты «в конец очереди» распределения вакцин, полагаясь или на лояльность более крупных стран (в зависимости от уровня политической лояльности, доверия и уровня сотрудничества), или на медлительные механизмы, в рамках которых действует ВОЗ. В частности, в июле 2022 года Международная федерация фармацевтических производителей и ассоциаций (IFPMA) опубликовала Берлинскую декларацию как новое видение биофармацевтической отрасли для равного доступа в условиях пандемии. Эта декларация представляет собой попытку фармацевтических компаний навязать миру условия, на которых медицинские технологии должны быть разработаны, профинансированы, оценены и распространены во время будущих чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. При этом декларация игнорирует несколько основных фактов: то, что глобальный доступ к существующим медицинским контрастам был крайне несправедливым, и то, что государственное финансирование играет важную роль в разработке современных медицинских технологий. Указанные элементы предлагается сохранить в угоду крупным с геополитической и экономической точки зрения акторам при позиционировании упомянутых проблем как второстепенных.

Декларация игнорирует и тот факт, что фармацевтические компании фактически отказались делиться своей интеллектуальной собственностью в период борьбы с пандемией, срывали инициативы по передаче медицинских технологий, объединили усилия по закупкам и без международного одобрения взяли на себя ведущую роль в здравоохранительных инициативах (таких как COVAX). Тем самым фармацевтические компании односторонне, без санкции и рекомендаций таких многосторонних институтов, как ВОЗ, продвигают свое влияние как превосходящее влияние международных и государственных учреждений в формировании доступных мер по реагированию на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения и пандемии. Это ярко демонстрирует и тот факт, что, когда ВОЗ в 2022 году учредила работу африканского Центра мРНК в Кейптауне, фармацевтические ТНК оказали давле-

ние на южноафриканских чиновников, чтобы те прекратили данную деятельность. Фонд «KENUP» (консультационная компания немецкого фармацевтического конгломерата BioNTech) направил южноафриканским правительственным чиновникам документ с требованием «прекратить копирование процесса создания вакцины Moderna, так как центр ВОЗ по разработке мРНК-вакцины против COVID-19, которую смогут производить африканские компании, вряд ли будет успешным и будет нарушать наши патенты» [9].

Заключение

Таким образом, пандемия продемонстрировала усиление регулирования ситуации в глобальном здравоохранении с участием многих заинтересованных участников из числа ТНК фармацевтической промышленности в то время, как влияние развивающихся стран и ВОЗ в этих инициативах было подорвано. Лидерство фармацевтических компаний может означать, что интересы корпораций начинают доминировать над общественными интересами в сфере здравоохранения. Это может привести к перекосу в долгосрочных приоритетах, когда прибыль и геополитические интересы отдельных государств ставятся выше обеспечения медицинской помощи и доступности лекарств для всех, а коммерческая ориентированность может уменьшить важность общественного здравоохранения. Геополитический разлад, ведущий к деградации многосторонних институтов, таких как ВОЗ, отсутствие консенсуса в принятии всеобъемлющих решений могут указывать на недостаточную координацию в реагировании на мировые вызовы и угрозы в сфере здравоохранения. Так, вместо единого международного подхода к борьбе с пандемиями и другими кризисами государства и компании будут продолжать предпринимать действия в изоляции, перенеся провальный опыт по практике ограждения государств в период пандемии в пределах национальных границ на медицинскую сферу (в целом) и производные от данной сферы направления (технологии, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, высокие технологии, трансфер технологий, распределение вакцин), что затрудняет управление чрезвычайными ситуациями в сфере здравоохранения при достаточно условном усилении государств с точки зрения их геополитического веса, «мягкой силы» и медицинской дипломатии. Усиление роли

фармацевтических компаний и ослабление многосторонних институтов могут вызвать раскол в мировой системе здравоохранения. Это может привести к появлению конкурентных подходов и углублению разногласий между странами и корпорациями, что затруднит и без того шаткое международное сотрудничество, а также существенным образом «интегрирует» политический контекст в сферу здравоохранения, сделав его «путеводной звездой» долгосрочного развития рассматриваемой сферы.

Неравенство в доступе к медицинской помощи на практическом уровне, за пределами абстрактных «деклараций», усиление коммерческих интересов, недостаточная координация и раскол в глобальной системе здравоохранения наряду с утратой авторитета ВОЗ могут привести к осложнению борьбы с глобальными здравоохранительными вызовами и увеличению уязвимости национальных и мировых систем здравоохранения. Это подчеркивает важность сохранения и укрепления многосторонних институтов и баланса интересов в глобальном здравоохранении. Однако на данный момент национальные правительства игнорируют проблемы нынешней системы здравоохранения, закрывая глаза на фрагментацию интересов в рамках ВОЗ, вытесняя ее как многосторонний институт, продолжая увековечивать и укреплять глобальную архитектуру здравоохранения, которая защищает прибыли фармацевтических корпораций и интеллектуальную собственность, неограниченный доступ к государственным субсидиям и их влияние на стратегии медицинских закупок, что не является приемлемой отправной точкой для усилий по институционализации более справедливой и демократической глобальной архитектуры управления здравоохранением. Из этого, вероятно, вытекает необходимость в создании или, по крайней мере, реформировании новой мировой системы по обеспечению устойчивой системы глобального здравоохранения с более равноправным участием представителей разных частей мира. Тем не менее в условиях фрагментации и регионализации глобализации, по всей видимости, акцент будет делаться на том, чтобы легализовать это деление в условиях многополярности таким образом, чтобы укрепить не организации с глобальным охватом, которые будут зависеть от геополитического доминирования, а новых негосударственных акторов.

Литература

1. *Заксер М.* Конец конца истории // IPG Journal. — 2022. — 25 июля. — URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/mir/konec-konca-istorii-1538/> (дата обращения: 22.09.2023).
2. *Ефременко Д.* Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. — 2022. — № 3. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/miroporuyadok-z/> (дата обращения: 23.09.2023).
3. *Мамедов И.* Расширение БРИКС — стержень нового мирового порядка? // РСМД. — 2023. — 9 фев. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/imamedov/rasshirenje-briks-sterzhen-novogo-mirovogo-poryadka/> (дата обращения: 26.09.2023).
4. *Неймарк М.А.* Кризисная геополитика и новый мировой порядок: перспективы России // Обозреватель — Observer. — 2021. — № 8.
5. Berlin Declaration — Biopharmaceutical Industry Vision for Equitable Access in Pandemics // International Federation of Pharmaceutical Manufacturers & Associations. — July 19, 2022. — URL: <https://www.ifpma.org/resource-centre/berlin-declaration-biopharmaceutical-industry-vision-for-equitable-access-in-pandemics/> (accessed: 05.10.2023).
6. *Burci G., Vignes C.-H.* World Health Organization. — Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2013.
7. *Clift Ch.* What's the World Health Organization For? // Chatham House Report. — 2014. — URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20140521WHOHealthGovernanceClift.pdf (accessed: 02.10.2023).
8. Countries begin negotiations on global agreement to protect world from future pandemic emergencies // WHO website. — March 3, 2023. — URL: <https://www.who.int/news/item/03-03-2023-countries-begin-negotiations-on-global-agreement-to-protect-world-from-future-pandemic-emergencies> (accessed: 04.10.2023).
9. *Davies M.* Covid-19: WHO efforts to bring vaccine manufacturing to Africa are undermined by the drug industry, documents show // British Medical Journal. — February 9, 2022. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35140068/> (accessed: 05.10.2023).
10. DRAFT Bureau's text of the WHO CA+. WHO convention, agreement or other international instrument on pandemic prevention, preparedness and response ("WHO CA+"). A/INB/X/X, on May 22, 2023 // WHO website. — URL: https://healthpolicy-watch.news/wp-content/uploads/2023/05/DRAFT_INB_Bureau-text_22-May.pdf (accessed: 05.10.2023).
11. *Dumiak M.* Push needed for pandemic planning // Bulletin of the World Health Organization. — 2012. — No. 1. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23226890/> (accessed: 01.10.2023).
12. *Enemark Ch.* Ebola, disease-control, and the security council: From securitization to securing circulation // Journal of Global Security Studies. — 2017. — No. 2.
13. *Ezekiel E.* This Is the Wrong Way to Distribute Badly Needed Vaccines // The New York Times. — May 24, 2021. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/24/opinion/vaccine-covid-distribution.html> (accessed: 05.10.2023).
14. *Fletcher E.* Exclusive: Updated Pandemic Accord Draft Sees Watered Down Text on Publicly-Funded R&D; Pathogen Access and 'Benefit Sharing' Linkage Remain // Health Policy Watch. — May 24, 2023. — URL: <https://healthpolicy-watch.news/exclusive-updated-pandemic-accord-draft-sees-watered-down-text-on-publicly-funded-r-pathogen-access-and-benefit-sharing-linkage-remain/> (accessed: 04.10.2023).
15. *Gaudillière J.* Global health and the new world order / Gaudillière J., Beaudevin C., Gradmann C., Lovell A., Pordié L. — Manchester: Manchester University Press, 2020.
16. *Gill S., Benatar S.* Global health governance and global power: A critical commentary on the lancet-University of Oslo commission report // International Journal of Health Services. — Vol. 46. — 2006. — No. 2.
17. *Gilsinan K.* How China Deceived the WHO // The Atlantic. — April 12, 2020. — URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/04/world-health-organization-blame-pandemic-coronavirus/609820/> (accessed: 29.09.2023).
18. Global Vaccination Initiative // The Rockefeller Foundation. — URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/initiative/global-vaccination-initiative/> (accessed: 04.10.2023).
19. *Hallaert J.-J.* The Tragedy of International Organizations in a World Order in Turmoil // European Centre for International Political Economy. — July 2020. — URL: <https://ecipe.org/publications/tragedy-of-international-organizations/> (accessed: 23.09.2023).

20. *Hinchberger W.* The rise of the big idea. The Davos Agenda 2021 // World Economic Forum. — January 24, 2021. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/the-rise-of-the-big-idea/> (accessed: 03.10.2023).
21. *Hudson J.* G-20 fails to reach consensus on global agenda amid Ukraine disputes // The Washington Post. — March 2, 2023. — URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/03/02/india-g20-ukraine-war-divisions/> (accessed: 25.09.2023).
22. Joint roundtable with Chatham House identifies key opportunities for expanding access to medical oxygen // Access to Medicine Foundation. — December 12, 2022. — URL: <https://accesstomedicinefoundation.org/news/sustaining-access-to-liquid-medical-oxygen-opportunities-for-industry-and-global-health-partners> (accessed: 02.10.2023).
23. Johnson & Johnson's 2019 Health for Humanity Report. Progress in sustainability // United Nations Global Compact. — URL: https://ungc-production.s3.us-west-2.amazonaws.com/attachments/cop_2020/486809/original/johnson-johnson-2019-health-for-humanity-report.pdf?1592399794 (accessed: 03.10.2023).
24. *Kagan R.* The twilight of the liberal world order // Brookings. — January 24, 2017. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (accessed: 24.09.2023).
25. *Kamradt-Scott A.* WHO's to blame? The World Health Organization and the 2014 Ebola outbreak in West Africa // Third World Quarterly. — Vol. 37. — 2016. — No. 3. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01436597.2015.1112232> (accessed: 30.09.2023).
26. *Kirton J., Kulik J., Bracht C.* Generating global health governance through BRICS summitry // Contemporary Politics. — Vol. 20. — 2014. — No. 2.
27. *Kliengibiel S.* Global problem-solving approaches: The crucial role of China and the group of rising powers // Rising Powers Quarterly. — Vol. 1. — 2016. — No. 1. — P. 33–41.
28. *Labonté R., Gagnon M.* Framing health and foreign policy: Lessons for global health diplomacy // Globalisation and Health. — Vol. 6. — 2010. — No. 14.
29. *Lisk F.* Rethinking Global Health Governance in a Changing World Order for Achieving Sustainable Development: The Role and Potential of the 'Rising Powers' // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences volume. — 2020. — No. 13. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40647-018-00250-2#Sec1> (accessed: 25.09.2023).
30. *Ottersen P., Dasgupta J., Blouin Ch.* The political origins of health inequity: prospects for change // The Lancet. — February 11, 2014. — URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(13\)62407-1/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(13)62407-1/fulltext) (accessed: 03.10.2023).
31. *Patrick S.* Rules of Order: Assessing the State of Global Governance // Carnegie Endowment for International Peace. — September 12, 2023. — URL: <https://carnegieendowment.org/2023/09/12/rules-of-order-assessing-state-of-global-governance-pub-90517> (accessed: 04.10.2023).
32. *Patrick S.* The Unruly World. The Case for Good Enough Global Governance // Foreign Affairs. — December 6, 2013. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/world/unruly-world> (accessed: 24.09.2023).
33. *Peeters J.* Collaborating to address our global public health challenges // McKinsey & Company. — June 12, 2018. — URL: <https://www.mckinsey.com/industries/life-sciences/our-insights/collaborating-to-address-our-global-public-health-challenges> (accessed: 03.10.2023).
34. Pfizer 2019 Annual Review Breakthroughs that change patients' lives, COVID-19 // Pfizer website. — URL: https://www.pfizer.com/sites/default/files/investors/financial_reports/annual_reports/2019/assets/pfizer-2019-annual-review.pdf (accessed: 04.10.2023).
35. *Posner E.* The Limits of the World Health Organization // LawFare. — April 21, 2020. — URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/limits-world-health-organization> (accessed: 28.09.2023).
36. *Ruggie J.* International regimes, transactions, and change: Embedded liberalism in the post-war economic order // International Organization. — Vol. 36. — 1982. — No. 2.
37. *Saxena K., Balani S.* The role of pharmaceutical industry in building resilient health system // Frontiers. — December 1, 2022. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2022.964899/full#B54> (accessed: 04.10.2023).
38. Secretary-General's António Guterres address to the General Assembly / United Nations. — September 20, 2022. — URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/>

- speeches/2022-09-20/secretary-generals-address-the-general-assembly (accessed: 24.09.2023).
39. *Sen K., Qadeer I.* Understanding the Context of Global Health Policies: Their Post-Colonial // World Review of Political Economy. — October 14, 2022. — URL: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.13169/worlrevpoliecon.13.3.0322> (accessed: 27.09.2023).
 40. United Nations Global Compact Communication on Progress Report, COVID-19 Response 2020 // Eli Lilly website. — URL: https://assets.ctfassets.net/srys4ukjcerm/1NNksnwwNZGqMMXOO4wcl/3754b6ecf7ddf7b140ef2b8744fff7c5United_Nations_Global_Compact_Communication_on_Progress_Report.pdf (accessed: 04.10.2023).
 41. WHO Results Report — Programme Budget 2018–2019. Driving impact in every country. A visual summary // WHO website. — URL: <https://www.who.int/about/accountability/results/2018-2019> (accessed: 26.09.2023).
 42. Zero draft of the WHO CA+ for the consideration of the Intergovernmental Negotiating Body at its fourth meeting. Document A/INB/4/3 on February 1, 2023 // WHO website. — URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-en.pdf (accessed: 03.10.2023).

Мурашко Марина Михайловна,

соискатель,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Marina M. Murashko,

The applicant for a degree of political sciences,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: marina_murashko@hotmail.com

ИТОГИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В ЕАЭС В 2023 ГОДУ: НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

THE OUTCOMES OF RUSSIA'S PRESIDENCY IN THE EAEU IN 2023: NEW INSTRUMENTS FOR EURASIAN COOPERATION

Аннотация: целью данной статьи является анализ деятельности Евразийской экономической комиссии в рамках задач, поставленных Российской Федерацией в связи с ее председательством в высших органах Евразийского экономического союза в 2023 году. Особое внимание уделено запуску финансовых инструментов и институтов для развития промышленной кооперации государств — членов Союза. Сделан вывод, что в целях реализации российских приоритетов ЕАЭС удалось не только решить тактические задачи евразийской экономической интеграции, но и достигнуть крупных целей стратегического характера для минимизации негативных последствий от внешних шоков, а также для адаптации стран Союза к новым геополитическим условиям.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, финансовый механизм промышленной кооперации, Евразийская перестраховочная компания, Евразийское рейтинговое агентство.

Abstract: the purpose of the article is to analyze the activities of the Eurasian Economic Commission under the Russian Federation's chairmanship in the Eurasian Economic Union in 2023. Special attention is paid to the launch of a new financial instruments and institutions for the development of industrial cooperation of the Union's member states. It is concluded that by implementing Russian priorities, the EAEU has managed to solve not only tactical tasks of Eurasian economic integration, but also to achieve some strategic goals to minimize the negative impacts of external challenges, as well as to adapt the EAEU member states to new geopolitical environment.

Key words: Eurasian economic union, eurasian integration, financial mechanism of industrial cooperation, Eurasian reinsurance company, Eurasian rating agency.

Состояние и динамика роста евразийской экономики

С января 2023 года Российская Федерация приняла председательство в структурах Евразийского экономического союза (ЕАЭС):

Высшем Евразийском экономическом совете, Совете Евразийской экономической комиссии и Евразийском межправительственном совете. Как правило, роль государства в качестве председателя подразумевает выражение наиболее насущных для него проблем и приоритетов, которые должны быть органично встроены в концепцию интеграционного объединения, логику его развития с учетом имеющихся возможностей. В своем официальном обращении к главам государств — членов ЕАЭС Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что Россия «будет делать всё возможное, чтобы способствовать дальнейшему углублению интеграции на всех направлениях — в политической, экономической, промышленной, финансовой и технологической сферах» [18].

С одной стороны, Россия, являясь по ряду объективных причин локомотивом евразийской интеграции, вправе претендовать на столь широкую повестку развития Союза. Однако, с другой стороны, российская сторона, оказавшись под давлением торговых ограничений, особенно заинтересована в решении проблемы импортозамещения и укреплении технологического суверенитета. По мнению официальных представителей ЕАЭС, у его государств-членов «есть задел и конкурентное преимущество в данном направлении, и для достижения технологической независимости им необходимо объединить свой промышленный, торговый и банковский потенциал» [17, с. 203].

В 2023 году возможности экономического сотрудничества стран ЕАЭС по-прежнему определялись негативным влиянием внешнеполитической обстановки в мире. По итогам 2022 года в ЕАЭС отмечено снижение совокупного ВВП на 1,6% по сравнению с предыдущим годом. Однако на национальных уровнях динамика была разнонаправленной: в Армении темпы экономического роста увеличились с 5,7 до 12,6%, в Кыргызстане — с 5,5 до 6,3%. В Казахстане, напротив, рост замедлился и сократился с 4,3 до 3,3%. В России и Беларуси спад экономической активности зафиксирован на уровне 4,7% и 2,1% соответственно.

Адаптироваться к внешним вызовам помог общий рынок. В 2022 году доля взаимной торговли выросла на 14%. В период с января по сентябрь 2023 года показатель увеличился на 9%. Положительная динамика была обеспечена ростом внутреннего производства в отдельных отраслях и переориентацией торговых

потоков. Значительно увеличился экспорт товаров в ЕАЭС из Кыргызстана (до 82%) и Казахстана (на 24%).

Помимо этого между странами Союза убедительно поддерживается положительная динамика в отношении платежей в национальных валютах. По итогам I квартала 2023 года доля национальных валют во взаимных расчетах превысила 90%.

Качественные и количественные изменения происходят и в торговле с третьими странами. Доля торговых отношений с Европейским союзом, который традиционно выступал основным торговым партнером ЕАЭС [1, с. 17], продолжает сокращаться. В 2021 году на Евросоюз пришлось 37% экспортных операций государств — членов ЕАЭС. В 2022 году было отмечено сокращение еще на 4%, и на текущий момент этот тренд остается нисходящим.

Произошла переориентация торговли товарами на рынки стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Продолжает расти товарооборот с КНР. В период с 2019 по 2022 год объем поставок в Китай вырос с 13,4 до 15,8%, за аналогичный период объем поставок в Турцию вырос с 5 до 8%, в Индию — с 2 до 5% [13, с. 5–13].

В целом ЕАЭС демонстрирует стабильное восстановление евразийской экономики. Отмечается, что как интеграционное объединение Союз продолжает сглаживать негативное воздействие внешних шоков [32]. Подтверждают это и несостоявшиеся расчеты международных экономических организаций, согласно которым в 2022 году реальный внутренний валовой продукт Союза должен был сократиться на 3%, однако максимальное сокращение было зафиксировано на уровне 1,6%. По предварительным оценкам экспертов, аналогичным образом ситуация будет выглядеть и по итогам 2023 года: прирост показателей ожидался до отметки 1,5%, однако уже за период с января по сентябрь 2023 года он превысил 3% [13, с. 3–15].

Новые финансовые механизмы и институты для поддержания экономической устойчивости

Прямое отношение к обеспечению устойчивости экономики Союза имеют решения и инициативы, которые были реализованы или запущены в ЕАЭС под председательством Российской Федерации в 2023 году.

В этом смысле новаторским шагом стало Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об оказании финансово-го содействия при реализации государствами — членами Евразийского экономического союза совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности», которое было принято лидерами «евразийской пятерки» по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 года [28].

На момент разработки механизма в ЕАЭС использовались инструменты Евразийского банка развития. Теперь промышленная кооперация может быть реализована за счет субсидирования совместных проектов из бюджета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в части процентной ставки Банка по выданным кредитам на развитие проектной деятельности. Бюджет будет формироваться за счет специальных пошлин в размере до 10% от пошлин за предыдущий год утверждения объема бюджета. Данная схема позволит сформировать фонд в размере 20 млн долл. США в год и реализовать проекты на сумму до 17 млрд рублей ежегодно. Максимальный размер субсидии на один проект в год не может превышать 350 млн рублей [4].

Список финансовых организаций — участников механизма объединяет 63 банка «евразийской пятерки», 8 институтов и одну международную организацию — Евразийский банк развития [2]. Кроме этого в перечне числятся банки, которые не входят в группу крупнейших кредитно-финансовых учреждений стран, но в полной мере удовлетворяют критериям отбора на участие в данном механизме. Решение об их привлечении является важным с точки зрения того, что оно будет способствовать продвижению регионального измерения промышленной кооперации, увеличивая количество бизнес-контактов между компаниями государств-членов [32].

Для права получения финансовой помощи в октябре 2023 года Евразийский межправительственный совет утвердил «Положения о порядке отбора совместных кооперационных проектов». Документ содержит требования к заемщикам и финансовым организациям, процедуре подачи заявки на участие в механизме, контролю за реализацией кооперационных проектов и ответственности каждой из сторон [29].

По заявлениям официальных представителей ЕЭК, новые возможности и предлагаемая льготная схема позволят странам Союза

эффективнее продвигать инициативы и значительно увеличить взаимные инвестиции [32].

В практику на наднациональном уровне новый формат финансирования будет внедрен в 2024 году. На его работу в первый год предусмотрено 1,5 млрд рублей [5]. В течение последующих пяти лет он будет действовать в пилотном режиме, адаптируясь к интересам и возможностям заинтересованных сторон. Учитывая тот факт, что появление данного механизма — это абсолютная новелла для евразийской интеграции, в Договор о создании ЕАЭС были внесены соответствующие изменения в части наделения Комиссии новыми полномочиями по финансированию многосторонних кооперационных проектов в промышленности. По состоянию на декабрь 2023 года в законодательных органах государств-членов идет ратификация этих нововведений.

Важнейшим условием для выдачи кредита является платежеспособность предприятия. Она закладывает основы для его репутационного статуса и определяет место в «кредитной таблице о рангах».

В марте 2022 года крупнейшие глобальные рейтинговые агентства приостановили свою деятельность в России из-за введенных против национальной финансовой системы санкций. Позже они отзывали также свои кредитные рейтинги, присвоенные отечественным компаниям.

Данные обстоятельства во многом способствовали тому, что на евразийском пространстве в 2023 году была реализована другая приоритетная задача российского председательства, а именно создание Евразийского рейтингового агентства (ЕРА). На заседании Высшего Евразийского экономического совета в мае 2023 года В.В. Путин подчеркнул, что наличие собственного рейтингового агентства позволит осуществлять оценку эффективности реализации того или иного инвестиционного проекта и потенциала его участников, свободную от политической конъюнктуры [23].

Следующим значимым достижением ЕЭК под российским председательством стало учреждение Евразийской перестраховочной компании [8]. Вопрос о ее создании присутствовал в повестке Союза с 2016 года, однако согласование позиций государств-членов потребовало времени, в том числе по причине существенных различий в сфере страхования внешнеэкономической деятельности на национальных уровнях [20, с. 218–228].

В июне 2022 года новые торговые ограничения и возникшие в связи с этим сложности со страхованием экспортных контрактов для России и Беларуси актуализировали вопрос о создании такой организации, и в октябре 2022 года лидеры стран ЕАЭС подписали Соглашение о создании Евразийской перестраховочной компании (ЕПК). Целями новой организации стали оказание страховой поддержки во взаимной и внешней торговле участникам стран Союза, стимулирование развития инвестиционного сотрудничества, обеспечение экспортных займов и взаимодействие с кредитными агентствами и страховщиками. В этой связи ЕПК дополняет спектр задач национальных агентств по страхованию на наднациональном уровне, перестраховывая сделки от рисков в рамках ЕАЭС и при необходимости в третьих странах [30].

Уставный капитал формируется на основе взносов государств-членов. Согласно открытым источникам, он составляет 15 млрд рублей: Российская Федерация обеспечивает 45% капитала, Беларусь — 30%, Казахстан — 20%, Республика Армения и Кыргызская Республика — по 3% каждая [6]. Прогнозируется, что благодаря работе ЕПК объем взаимной торговли внутри ЕАЭС может увеличиться на 6 млрд долл. США [20, с. 231].

Наконец, значимым шагом на пути совершенствования инструментов торгово-финансовой политики ЕАЭС стало решение по итогам заседания Евразийского межправительственного совета в июне 2023 года об учреждении Евразийского консорциума институтов развития. Его деятельность будет заключаться в создании институциональных условий для обмена опытом, поддержке бизнеса в государствах-членах, формировании согласованных подходов к реализации новых проектов. Стать участником консорциума могут также третьи страны.

Инициатором его создания выступила Кыргызская Республика в 2018 году. Концептуально этот вопрос отражен в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, представленной в 2018 году [30], и в документе «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», принятом в декабре 2020 года [27].

Окончательное решение о создании консорциума было принято в феврале 2022 года. На момент подписания Соглашения

в июне 2023 года в организацию вошли российское Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Национальный институт стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики, Центр стратегического развития Республики Армения. В декабре 2023 года четвертым участником стал Институт исследований экономической политики Кыргызской Республики [12]. Свой интерес в сотрудничестве выразили институты развития Беларуси, Узбекистана и Таджикистана [3]. Крупнейшие финансовые организации в регионе — Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития — заявили о готовности оказывать методическую помощь в наращивании компетенции нового проекта [5].

В качестве системного достижения рассматриваемой темы необходимо отметить публикацию аналитического Доклада ЕЭК «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах — членах Евразийского экономического союза». Подготовка документа на протяжении всего предыдущего года осуществлялась в соответствии с Планом мероприятий по реализации Стратегии-2025 при активном участии делового сообщества государств ЕАЭС [32].

Доклад снабжает представителей бизнеса в странах ЕАЭС информацией для разработки рекомендаций по созданию на национальных уровнях благоприятных условий для улучшения делового климата. В нем рассмотрены меры по либерализации политики регулирования предпринимательской деятельности, приведены результаты анализа международных рейтингов о состоянии инвестиционного климата в странах Союза и третьих странах [19]. Документ может служить своеобразным дополнительным инструментом для заинтересованных компаний как в государствах-членах, так на территориях торговых партнеров Союза. Этому способствует и тот факт, что для зарубежной аудитории Доклад переведен на английский язык.

В продолжение формирования нормативно-концептуальных рамок в декабре 2023 года была одобрена Рекомендация Коллегии ЕЭК «О создании наиболее благоприятных условий для учреждения и ведения бизнеса». В ней Коллегия уделяет первоочередное внимание оптимизации цифрового пространства в ЕАЭС, в котором осуществляется коммуникация сторон, осуществляющих предпринимательскую деятельность или заинтересованных в ней [26].

Таким образом, в целях реализации российского председательства Евразийской экономической комиссии совместно с уполномоченными органами государств-членов по итогам 2023 года удалось сформировать набор инструментов, которые будут способствовать дальнейшему развитию экономик ЕАЭС в условиях санкционного давления и трансформации мировой экономики в целом: внедрен механизм финансирования кооперационных проектов, заработали новые международные финансовые институты, открыт банк данных наилучших практик.

Перспективы развития промышленной кооперации в ЕАЭС

Несмотря на созданные барьеры в рамках Евразийского экономического союза, продолжают создаваться возможности для развития промышленности государств-членов и расширения рынков сбыта ее продукции.

Промышленная политика Союза реализуется в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). Страны-участницы самостоятельно разрабатывают и реализуют национальные промышленные стратегии, а также взаимодействуют в разных форматах по ключевым направлениям промышленного сотрудничества [27]. Оно призвано повышать устойчивость промышленного развития для построения конкурентоспособной на мировом рынке экономики стран ЕАЭС. Для этого уже созданы разные механизмы: евразийские технологические платформы, Евразийская сеть промышленной кооперации, евразийские инжиниринговые центры субконтрактации и трансфера технологий [11]. В 2020 году была запущена «Карта индустриализации Евразийского экономического союза» [25]. Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин, выступая на пленарной сессии Международной промышленной выставки «ИННОПРОМ. Казахстан» в сентябре 2023 года в Астане, заявил, что перечень Карты индустриализации включает в себя уже более 150 проектов в 25 отраслях на сумму более 26 трлн рублей [15].

Представляется, что в свете принятия нового финансового механизма потенциал промышленной кооперации будет значительно расширен. Его ценность была отмечена лидерами интеграционного объединения на заседании Высшего Евразийского эконо-

мического совета 25 декабря 2023 года. В качестве достижений Председатель Высшего Евразийского экономического совета, Президент РФ В.В. Путин среди первых выделил именно запуск специального финансового механизма. Для Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко разработанный финансовый механизм — это «хорошая новинка, которая позволит строить новые предприятия» и таким образом будет способствовать формированию общего евразийского рынка «в строгом духе экономического прагматизма». Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев обратил внимание, что потенциал внедряемого механизма может быть востребован для решения глобальных проблем. В случае положительных результатов практика его применения может быть использована и в агропромышленном комплексе. Такое стратегическое видение обусловлено тем фактом, что, несмотря на высокий уровень продовольственной самообеспеченности ЕАЭС, доля его экспорта остается низкой и составляет чуть более 2%. В связи с этим евразийский механизм кооперации может способствовать решению проблемы голода в мире — по оценкам экспертов, ресурсы стран ЕАЭС позволяют обеспечить продовольствием около 600 млн человек. Президент Кыргызской Республики С.Н. Жапаров, отмечая достоинства механизма, напомнил участникам встречи о том, что на сегодняшний день в части имеющегося потенциала и наработанной практики в реализации кооперационных проектов сохраняется крен в сторону промышленно развитых стран. В связи с этим он считает целесообразным параллельно с финансовыми механизмами поддержки при подготовке и отборе проектов предусмотреть эффективные механизмы по повышению потенциала институтов развития стран с малой экономикой и предложил для этого рассмотреть возможность выработки дополнительных критериев, которые повышают перспективы участия малоемких экономик в ключевых кооперационных проектах, нацеленных на создание цепочек с добавленной стоимостью и локализацию производств.

Финансовый механизм заслужил внимание и в дистанционном обращении Президента Республики Кубы М.М. Диас-Канеля. В частности, М.М. Диас-Канель подтвердил намерение страны углублять сотрудничество в торгово-инвестиционной сфере на евразийском рынке и подчеркнул, что карибская нация рассматри-

вает новый наднациональный механизм финансовой помощи для промышленного сотрудничества в Союзе как «прекрасную возможность для стран-наблюдателей, что для Кубы должно позволить продвигать совместные проекты» [10].

Сотрудничество Республики Куба и Евразийской экономической комиссии начало развиваться с 2018 года, когда стороны подписали Меморандум о взаимопонимании [14]. На его основе стороны координируют торговую и инвестиционную политику, взаимодействуют для устранения барьеров, препятствующих развитию торговли.

С 2020 года Куба имеет статус стороны-наблюдателя при ЕАЭС и стремится к активному участию в реализации планов Союза. Статус наблюдателя позволяет ей углублять сотрудничество во всех форматах, а для ЕАЭС присоединение Кубы выгодно с геополитической точки зрения: наличие партнера в другом регионе мира является важным условием для расширения своего влияния на международной арене [24, с. 26].

В развитие темы международного сотрудничества ЕАЭС в сфере внешней торговли необходимо отметить подписание 17 мая 2018 года в Астане Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Исламской Республикой Иран. Примечательно, что начало институционализации отношений с Ираном зародилось в период председательства России в ЕАЭС в 2018 году [7].

Таким образом, благодаря применению нового финансового инструмента поддержки кооперационных проектов на евразийском пространстве будут формироваться новые и укрепляться действующие инвестиционные связи, но, по сути дела, будут реализовываться задачи более широкого формата, нацеленные на развитие собственных производственных цепочек в Евразии. Увеличение объема взаимной торговли между странами «евразийской пятерки», как и с третьими странами, создает дополнительные возможности на этом пути.

Этому будет способствовать также факт того, что в пределах хозяйственно-экономического пространства ЕАЭС расположены три международных транспортных коридора: Транскаспийский международный транспортный маршрут (МКТ), коридоры Север — Юг и Восток — Запад. Интенсификация экономического сотрудничества с зарубежными странами и международными организа-

циями благодаря потенциалу МКТ соответствует осуществлению инициативы российского Президента о формировании Большого Евразийского партнерства (БЕП), озвученной еще в первый год работы ЕАЭС, в декабре 2015 года, в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации [31]. На уровне Союза она закреплена в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, принятой в 2018 году. В Стратегии-2025 концепция БЕП представлена в качестве основы для скоординированной работы с третьими странами, помимо этого отмечается, что Союз должен позиционировать себя как «ядро» Большого Евразийского партнерства.

На первом Евразийском экономическом форуме, который проходил в мае 2022 года, В.В. Путин подчеркнул, что данная инициатива подразумевает создание новых институциональных площадок, в том числе Евразийскую перестраховочную компанию и Евразийский экспортный центр, и требует повышенного внимания со стороны бизнеса, более активного участия Делового совета ЕЭК с внешнеторговыми партнерами [21]. Как демонстрируют итоги работы ЕЭК в 2023 году, задачи российского Президента реализуются, укрепляя авторитет ЕАЭС в мире.

Заключение

Потенциал Евразийского экономического союза продолжает демонстрировать свою устойчивость. В 2023 году под российским председательством в ЕАЭС были реализованы важные задачи, одна из которых была направлена на формирование условий для промышленной кооперации. При этом деятельность Москвы на данном треке соответствует не только реализации российской программы импортозамещения, но и модернизации промышленности стран Союза, а также укреплению международной правосубъектности ЕАЭС.

В то же время необходимо учитывать и потенциальные риски. В экспертном дискурсе отмечается, что стремительное перераспределение географии торговых партнеров ЕАЭС сопряжено с появлением новых вызовов, прежде всего из-за попадания стран Союза в условия, которые были бы сопоставимы с очередной зависимостью от международных рынков сбыта [32]. Недостаточен, по мнению экспертов, и уставной капитал Евразийской перестра-

ховочной компании для полноценной работы в условиях, которые рассматривались исходными на момент инициации проекта [10]. Сдерживающим фактором остается отсутствие задачи в ЕАЭС по формированию единой промышленной политики [24, с. 56].

Реальный мир меняется быстрее, чем институциональные и нормативно-правовые основы евразийской экономической интеграции. Тем не менее работа по их совершенствованию ведется в органах ЕАЭС постоянно. В мае 2023 года был принят III Большой Протокол, который содержит 33 поправки в Договор о ЕАЭС, и процесс его ратификации в странах ЕАЭС близок к завершению¹.

В 2024 году Евразийский экономический союз отмечает свой 10-летний юбилей. История его создания и развития тесно связана с преодолением глобальных экономических кризисов, и, как отмечается на высшем уровне, «с большинством из них Союз успешно справился, что однозначно говорит о его состоятельности как интеграционного объединения» [17].

В то же время едва ли тренды развития мировой экономики и политики сопоставимы с вызовами прошедшего десятилетия. Они делают критически важной задачу по пересмотру своих стратегических приоритетов. В этих целях на заседании Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2023 года лидерами «евразийской пятерки» была подписана Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь».

В текущих условиях потребность в новом документе долгосрочного планирования за горизонтом 2025 года для ЕАЭС очевидна. Более того, за три года с момента принятия Стратегии-2025 в декабре 2020 года государствам-членам удалось реализовать более половины запланированных мероприятий [32]. В связи с этим принятая Декларация конкретизирует выполнение текущих интересов евразийской экономической интеграции и ставит новые задачи. В 2024 году их воплощение в ЕАЭС будет осуществляться под председательством Республики Армения при поддержке обновленного состава ЕЭК и под руководством нового председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии.

¹ По состоянию на декабрь 2023 года пакет поправок прошел процедуру ратификации в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России. Сведения о ратификации Большого Протокола Национальным собранием Республики Армения в официальных источниках отсутствуют.

Литература

1. Белов В. Б. Итоги председательства России в ЕАЭС в 2018 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2019. — № 2 (8). — С. 13–20.
2. В ЕАЭС определили организации для финансового содействия кооперационным проектам в промышленности / Министерство экономического развития Российской Федерации. — 12.12.2023. — URL: <https://clck.ru/37Lk66> (дата обращения: 21.12.2023).
3. В ЕАЭС создан консорциум институтов развития / Евразийская экономическая комиссия. — 09.06.2023. — URL: <https://clck.ru/37LmkS> (дата обращения: 27.12.2023).
4. Главы правительств стран ЕАЭС утвердили правила отбора кооперационных проектов и оказания им финансового содействия / Евразийская экономическая комиссия. — 26.10.2023. — URL: <https://clck.ru/37Ljtn> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Дмитрий Вольвач: Создание Евразийского консорциума институтов развития — одно из ключевых направлений дальнейшего развития интеграции / Министерство экономического развития Российской Федерации. — 08.06.2023. — URL: <https://clck.ru/37Lmq3> (дата обращения: 25.12.2023).
6. Дума ратифицировала соглашение о создании Евразийской перестраховочной компании // Интерфакс. — 16.05.2023. — URL: <https://www.interfax.ru/business/901682> (дата обращения: 29.12.2023).
7. ЕАЭС и Иран создают полноформатную зону свободной торговли / Евразийская экономическая комиссия. — 25.12.2023. — URL: <https://clck.ru/37LnXM> (дата обращения: 25.12.2023).
8. ЕАЭС распределит страховые риски // Коммерсант. — 26.08.2023. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5526595> (дата обращения: 26.12.2023).
9. Евразийская перестраховочная компания нуждается в увеличении уставного капитала / Евразийский экономический форум. — 25.05.2023. — URL: <https://clck.ru/37LnsD> (дата обращения: 29.12.2023).
10. Заседание Высшего Евразийского экономического союза (ВЕЭС, 25 декабря 2023 г.) / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://clck.ru/37LnB8> (дата обращения: 25.12.2023).
11. Камалян А., Цыбульник Л., Пак А. Промышленная политика Евразийского экономического союза // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 66. — 2022. — № 11. — С. 28–40. — URL: <https://clck.ru/37MTd4> (дата обращения: 29.12.2023).
12. Консорциум институтов развития ЕАЭС расширил представительство в Киргизии / Агентство стратегических инициатив. — 18.12.2023. — URL: <https://asi.ru/news/197975/> (дата обращения: 22.12.2023).
13. Кузнецов А., Бердигулова А., Федоров К., Долговечный А., Бабаджанян В. Макроэкономический обзор ЕАБР. Июль 2023. — Алматы: Евразийский банк развития, 2023. — URL: <https://clck.ru/37LkVx> (дата обращения: 20.12.2023).
14. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Куба / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://clck.ru/37LnJQ> (дата обращения: 29.12.2023).
15. Михаил Мишустин принял участие в работе международной промышленной выставки «Иннопром. Казахстан» / Правительство России. — 25.09.2023. — URL: <http://government.ru/news/49593/> (дата обращения: 29.12.2023).
16. Мясникович М. В., Ковалёв В. С. Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — Т. 16. — 2022. № 2. — С. 11–17.
17. Мясникович М. В., Ковалёв В. С. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // Россия в глобальной политике. — Т. 21. — 2023. — № 2. — С. 207–218.
18. Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членам ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 году / Евразийская экономическая комиссия. — 23.01.2023. — URL: <https://clck.ru/37Lk7k> (дата обращения: 20.12.2023).
19. О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах — членах Евразийского экономического союза: доклад Евразийской экономической комиссии / Евра-

- зийская экономическая комиссия. — URL: <https://clck.ru/36VR6L> (дата обращения: 24.12.2023).
20. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли, 2023: междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2023 г.) / М.К. Глазатова (рук. авт. кол.), С.С. Аветисян, Д.А. Алешин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — 2023. — 306 с. — URL: <https://clck.ru/37MThf> (дата обращения: 22.12.2023).
 21. Пленарное заседание Евразийского экономического форума / Президент Российской Федерации. — 24.05.2023. — URL: <https://clck.ru/37LnoR> (дата обращения: 29.12.2023).
 22. Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014 г. / Президент Российской Федерации. — URL: <https://clck.ru/9fKb7> (дата обращения: 29.12.2023).
 23. Путин предложил учредить Евразийское рейтинговое агентство // Известия. — 2023. — 24 мая. — URL: <https://clck.ru/37Lkm7> (дата обращения: 26.12.2023).
 24. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84/2023 / [А.В. Точин, Т.М. Алиев, Е.С. Чимириш, А.Э. Безруков, К.С. Кузьмичев, Н.С. Пыжиков, Е.В. Стоянова; под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, А.П. Александрова, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 78 с. — URL: <https://clck.ru/37LkDj> (дата обращения: 23.12.2023).
 25. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 17.07.2020 № 15 «О карте индустриализации Евразийского экономического союза» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20mg0015/> (дата обращения: 29.12.2023).
 26. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 08.12.2023 № 36 «О создании наиболее благоприятных условий для учреждения и ведения бизнеса» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23rk0036/> (дата обращения: 24.12.2023).
 27. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 22.12.2023).
 28. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 25.05.2023 № 4 «Об оказании финансового содействия при реализации государствами — членами Евразийского экономического союза совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности» [документ не вступил в силу]. — URL: <https://base.garant.ru/406937950/> (дата обращения: 20.12.2023).
 29. Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 3 «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами — членами Евразийского экономического союза» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0003/> (дата обращения: 21.12.2023).
 30. Решение Совета ЕЭК от 05.12.2018 № 95 «О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета “О мерах по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза”» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18sr0095/> (дата обращения: 21.12.2023).
 31. Соглашение от 20.10.2022 «Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании» // Альфа-Софт. — URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22bn0188/> (дата обращения: 26.12.2023).
 32. Эксперты обсудили итоги председательства России в ЕАЭС в МИА «Россия сегодня» / Российский совет по международным делам. — URL: <https://clck.ru/37LkYU> (дата обращения: 22.12.2023).

Матюхин Денис Сергеевич,

магистрант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Denis S. Matyukhin,

Master's Degree Student,

The Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations, Moscow.

E-mail: Denissergm@gmail.com

РОЛЬ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕС

THE ROLE OF THE VISEGRAD GROUP IN THE GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF THE EU

Аннотация: в статье анализируются текущие проблемы и перспективы развития Вишеградской группы в контексте июньского саммита V4 в Братиславе, где премьер-министры Польши, Венгрии, Чехии и Словакии подвели итоги словацкого председательства в данном региональном объединении. Исследование содержит историческую справку о становлении и эволюции Вишеградской группы с 1991 года до наших дней. Внимание уделено главным причинам, по которым позиция Венгрии по вооруженному конфликту на Украине всегда имела в большей степени нейтральный характер. В статье помимо прочего приводится оценка активности и эффективности формата V4 с опорой на документы, принятые в период председательства Словакии в Группе. Изучению подвергается также влияние итогов парламентских выборов в Словакии и Польше во второй половине 2023 года на развитие «Вишеградской четверки». В завершающей части статьи констатируется, что в долгосрочной перспективе будущее Вишеградской группы определить затруднительно из-за отсутствия у Варшавы, Праги, Будапешта и Братиславы взаимных юридических обязательств в рамках указанного неформального объединения, не имеющего ни общего устава, ни наделенных контрольными функциями наднациональных органов.

Ключевые слова: Вишеградская группа, июньский саммит, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Украина, Россия, ЕС.

Abstract: the article analyses the current challenges and prospects for the development of the Visegrad Group in the context of the June V4 summit in Bratislava, where the prime ministers of Poland, Hungary, the Czech Republic and Slovakia summarized the results of the Slovak chairmanship in the regional association. The study provides a historical background on the formation and evolution of the Visegrad Group from 1991 to the present day. The article points out the main reasons why Hungary's position on the armed conflict in Ukraine has always been more neutral in nature. Among other things, the article assesses the activity and effectiveness of the V4 format with reference to the documents adopted during Slovakia's chairmanship of the Group. The study also examines the impact of the outcome of parliamentary elections in Slovakia and Poland in the second half of 2023 on the development of the Visegrad Four. The article concludes that in the long term the future of the Visegrad Group is difficult to determine due to the lack of mutual legal obligations of Warsaw, Prague, Budapest and Bratislava within the informal association, which has neither a common charter nor supranational bodies with control functions.

Key words: the Visegrad Group, June summit, Poland, Hungary, the Czech Republic, Slovakia, Ukraine, Russia, EU.

Повестка дня июньского саммита Вишеградской группы в столице Словакии

26 июня 2023 года в Братиславе на уровне глав правительств состоялся очередной саммит Вишеградской группы. В повестку дня мероприятия, в котором приняли участие премьер-министры Польши (Матеуш Моравецкий), Чехии (Петр Фиала), Венгрии (Виктор Орбан) и Словакии (Людовит Одор), входило обсуждение итогов годовичного председательства Словацкой Республики в формате V4 и дискуссии по вопросу дальнейших перспектив развития Вишеградской группы в целом. При беглом изучении риторики политических деятелей, принимавших участие в саммите, могла сформироваться ложная уверенность в том, что все те вселяющие надежду пафосные заявления о сплоченности стран V4, прозвучавшие, в частности, в выступлении премьер-министра М. Моравецкого [29], отражают по-настоящему высокий уровень партнерских отношений Варшавы, Будапешта, Праги и Братиславы, которые без каких-либо существенных политико-идеологических разногласий координируют взаимодействие в сфере противодействия нелегальной миграции, борьбы с изменением климата, укрепления энергетической отрасли и во многих других аспектах. В действительности же подобные позитивные формулировки призваны если не скрыть, то хотя бы сгладить глубокие разногласия стран — участниц Вишеградской группы, которые ярче всего проявляются при попытке выработки Польшей, Венгрией, Словакией и Чехией единого подхода к проблеме военной помощи киевскому режиму в контексте проведения Россией специальной военной операции (СВО) на Украине, а также скоординированной позиции по отношению к поставкам российских энергоносителей на европейский рынок. В этом смысле противоречия четырех государств оказались настолько сильными, что их наличие был вынужден вновь подтвердить сам глава польского правительства, который без желания вдаваться в подробности конфликта поспешил «вынести за скобки» указанное негативное обстоятельство и поторопился сконцентрировать общественность на том, что всё же «объединяет» группу V4 [30]. Однако, прежде чем подробно анализировать все те области

взаимодействия участников «Вишеградской четверки», которые их сплачивают или, напротив, провоцируют острую полемику между ними, следует исследовать основные этапы эволюции группы V4 в целях более ясного понимания ее текущего состояния и оценки вероятных перспектив развития.

Историческая справка о Вишеградской группе (1991 г. — настоящее время)

Вишеградская группа является неформальным объединением регионального сотрудничества Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, которые отстаивают свои собственные геополитические интересы в Центральной и Восточной Европе в рамках Европейского союза, а также предпринимают усилия по выработке единого подхода к вопросам миграционного законодательства, «зеленой повестки», безопасности, энергетических и инфраструктурных проектов, разных отраслей промышленного и сельскохозяйственного производства. Если рассматривать процесс становления V4, то его можно условно разделить на несколько этапов.

В 1991–1997 годах происходило оформление стратегических целей и задач стран-партнеров. В соответствии с подписанной 15 февраля 1991 года Декларацией Польша, Венгрия и Чехословакия, распавшаяся в 1993 году на Чехию и Словакию, провозгласили в целях объявления о своем новом внешнеполитическом курсе «восстановление государственной независимости, демократии и свободы», «устранение всех существующих социальных, экономических и духовных аспектов тоталитарной системы», «полное участие в европейской политической и экономической системе, а также в системе безопасности и законодательства» [32]. Создание Вишеградской группы было обусловлено целым рядом факторов: общим историческим и социалистическим прошлым стран, развивавшейся взаимосвязанной экономикой, стремлением стать частью «европейской семьи». В 1992 году страны сформировали ассоциацию свободной торговли (СЕФТА), которая должна была усилить торговое сотрудничество между сторонами и снять ряд тарифных барьеров посредством функционирования общей экономической зоны [15, с. 54]. При этом уже в 1997 году после первой сессии стран НАТО со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в рамках Совета североатлантического сотрудничества

и приглашения государств V4 на переговоры о присоединении к ЕС стало ясно, что Польша, Венгрия, Чехия и Словакия станут частью западных военных и политико-экономических структур.

В 1998–2004 годах взаимодействие стран V4 было сконцентрировано вокруг вступления в НАТО и ЕС. После того, как в 1999 году Польше, Венгрии и Чехии удалось стать частью Альянса (Словакия вступит в блок лишь в 2004 г.), в 2000 году страны создали Вишеградский фонд поддержки культурных и научных проектов, что позволило укрепить четырехстороннее сотрудничество в области финансирования гуманитарных проектов. Наконец, в 2004 году Вишеградской группе удалось претворить в жизнь положения новой Декларации V4, где указывалось на стратегическое значение вступления в европейские структуры и, таким образом, возможности стать частью ЕС [33].

В 2004–2008 годах велась борьба государств V4 за укрепление равного положения в ЕС и расширение сферы сотрудничества в ЦВЕ до формата V4+. На данном этапе ряд европейских стран выразили желание стать частью «Четверки», однако Польша, Венгрия, Словакия и Чехия из-за неготовности «размывать» исторический смысл объединения предложили всем желающим расширенный формат V4+, в котором впоследствии приняли участие Австрия, Хорватия, Украина и другие игроки. В рамках ЕС страны V4 отстаивали свои права и суверенитет при обсуждении проекта европейской конституции и Лиссабонского договора о реформировании системы управления Евросоюза.

В 2009–2013 годах Вишеградская группа взяла на себя роль ответственной структуры в реализации курса ЕС на востоке. Так, с течением лет вокруг созданной в 2009 году программы «Восточного партнерства» концентрировались усилия V4 по так называемой институционализации и «правовому сближению» Азербайджана, Украины, Грузии, Белоруссии, Армении и Молдавии со структурами ЕС. Как отмечает научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы М.Ю. Русакова, уже после 2022 года по решению Совета ЕС «Восточное партнерство» стало иметь для Брюсселя «стратегическое значение» [15, с. 55–56]. Подобный шаг, как представляется, не является удивительным, поскольку за официальными лозунгами о «приверженности построению общего пространства демократии, процветания и стабильности

на своих восточных границах» [15, с. 56] Евросоюз, в том числе и страны «Четверки», старается скрыть планы по постепенному «исключению» всех шести постсоветских республик из сферы влияния России и ее интеграционных проектов посредством выделения указанным бывшим республикам СССР значительных финансовых средств. Вместе с тем на этапе с 2009 по 2013 год обострились также определенные противоречия стран V4. Например, Братислава в отличие от своих трех партнеров не признала независимость Косово, а Варшава и Прага без участия других членов Группы дали согласие на размещение ПРО США в ЦВЕ.

В 2014–2022 годах формальное расширение сотрудничества V4 всё сильнее затруднялось из-за острых различий в их отношении к России. В отличие от Польши и Чехии Венгрия и Словакия выступили против наложения на Россию санкций в связи с воссоединением полуострова Крым с Российской Федерацией в 2014 году. В следовании столь сдержанному курсу как у Будапешта, так и у Братиславы имелись свои собственные мотивы. Так, согласно Докладу Института Европы РАН № 405 от 2023 года руководство Венгрии отнеслось «к шагу России с... пониманием», поскольку принимало во внимание некоторую общность судеб венгров и русских, проживавших некогда в составе единых метрополий, но затем из-за распада государств оказавшихся разделенными границами новых стран. Кроме того, российско-венгерские отношения в сфере экономики с начала XX века отличались всё более нарастающим взаимовыгодным прагматизмом, «воплотившимся в немало числе капиталоемких проектов» [19, с. 24–25].

Что же касается Словакии, то здесь, как отмечает старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН Ю.А. Щербакова, можно выделить тот факт, что в период нахождения Роберта Фицо на посту премьер-министра Словацкой Республики (2006–2010 гг.; 2012–2018 гг.) отношения Братиславы и Москвы в целом сохраняли довольно положительную динамику и развивались в том числе в области поставок российских энергоресурсов на европейский рынок, о чем свидетельствует, например, обширный комплекс соглашений и коммерческих контрактов, которые были заключены как во время визита Р. Фицо в Москву в мае 2007 года, так и в период нахождения в словацкой столице Президента России Д.А. Медведева в апреле 2010 года. Во многом

именно по инициативе Роберта Фицо, неоднократно выступавшего с осуждением призывов о размещении американских систем ПРО в Польше и Чехии и называвшего Россию «надежным партнером», между Словацкой Республикой и Российской Федерацией, в том числе по линии регионов, ведомственных и бизнес-структур, а также образовательных учреждений, «из года в год наблюдалась активизация... диалога, расширялись взаимовыгодные контакты» [20, с. 103–104]. Вместе с тем, опираясь на одну из статей Юрая Марушьяка, старшего научного сотрудника Института политических наук Словацкой академии наук, следует подчеркнуть, что после событий 2014 года внешняя политика Словакии по отношению к России стала иметь двойственный характер. С одной стороны, «отказавшись ранее от признания независимости сербской провинции Косово и грузинских территорий Абхазии и Южной Осетии», словацкое правительство, действуя в рамках единой риторики ЕС и НАТО, выступило за сохранение территориальной целостности Украины и отказалось признавать референдум о вхождении Республики Крым и г. Севастополь в состав Российской Федерации, охарактеризовав данное событие как «нарушение международного права». С другой стороны, сам Роберт Фицо, осознавая важность поставок российской нефти, газа и ядерного топлива в Словакию, в 2015–2016 годах не единожды поднимал вопрос о необходимости «отмены или смягчения» санкций против России. Конфликт на Украине, с точки зрения премьер-министра Фицо, является «частью геополитической конкуренции между Москвой и Вашингтоном» [10, с. 70].

В феврале 2022 года в контексте СВО России на Украине позиции стран Вишеградской группы снова разошлись из-за того, что Венгрия, как и в 2014 году, неуклонно старалась придерживаться нейтрального подхода в оценке проблем российско-украинских отношений. Здесь, однако, нельзя не заметить, что на уровне официальной риторики правительству В. Орбана приходится следовать общей антироссийской линии ЕС и НАТО: Будапешт «постоянно голосует в ООН вместе с большинством в поддержку Украины», а после угроз наложить вето на очередной пакет санкций против России всё же поддерживает его [19, с. 27]. Можно было бы вспомнить также и о принятии в начале марта 2022 года Кабинетом министров Венгрии распоряжения о регулировании размещения военных под-

разделений НАТО на территории страны, согласно которому власти дают разрешение на «передачу основных видов летальной военной техники, предназначенных для вооружённых сил Украины, по суше и воздуху другим государствам — членам Альянса» [19, с. 28].

И всё же, несмотря на формальную солидаризацию Будапешта со своими партнерами в рамках ЕС и союзниками по блоку НАТО, правительство Виктора Орбана всегда воздерживалось от инициирования шагов, которые прямо или косвенно ущемляли бы национальные интересы России. В соответствии со всё тем же распоряжением Кабинета министров, принятым в марте 2022 года, Венгрия дает разрешение на проход войск стран Альянса через свою территорию по суше и воздуху, «за исключением случая транзита на Украину», а также устанавливает запрет на любого рода транзит вооружений и военной техники государств — членов НАТО через венгерско-украинскую границу [19, с. 27–28]. В свою очередь, доверительные отношения между премьер-министром В. Орбаном и Президентом России В.В. Путиным стали предметом активных нападок как со стороны объединенной коалиции венгерской оппозиции, неудачно пытавшейся в рамках указанной риторики одержать над лидером партии ФИДЕС победу на парламентских выборах 3 апреля 2022 года, так и по линии Евросоюза, последовательно отказывавшего Венгрии в выплате положенных ей 5,8 млрд евро на восстановление экономики после пандемии COVID-19 и 24,3 млрд евро на модернизацию инфраструктуры страны. Венгерскую внешнюю политику неоднократно критиковали и украинские власти: президент В. Зеленский довольно часто обрушивался с упреками на премьер-министра В. Орбана за отказ помочь ВСУ летальным вооружением, а посол Украины в Венгрии Любовь Непоп «стала негласной участницей кампании в поддержку объединенной оппозиции» перед выборами в венгерский парламент [19, с. 28–29]. Негодование развитием экономических связей между Будапештом и Москвой выражали и в Варшаве, где, в частности, Президент Анджей Дуда в рамках одного из интервью телеканалу TVN-24 в марте 2022 года заявил о «непонимании» убеждений Виктора Орбана, который поддерживает увеличение поставок российских энергоносителей на венгерский рынок, несмотря на то что «война России против Украины сопровождается человеческими жертвами» [26].

Рассматривая официальную позицию Польши по СВО России на Украине, следует начать с того, что согласно ранее упомянутому Докладу Института Европы РАН № 405 от 2023 года в нынешнем российско-украинском конфликте Варшава последовательно придерживается тех концепций национальной безопасности, которые с 90-х годов XX века продолжают сохранять идею об «ограничении и в какой-то степени даже маргинализации роли России в регионе Центральной Европы». Данная идея основывается на необходимости для Польши оказывать «всестороннюю помощь европейским государствам, образовавшимся в результате распада СССР», и, прежде всего, так называемым независимым и демократическим правительствам Украины, Грузии и Молдавии, которые стремятся проводить интеграцию стран в евро-атлантические военно-политические структуры [19, с. 38]. Здесь в качестве дополнения можно было бы также отметить, что Республика Польша под руководством представителей национал-консервативной партии «Право и справедливость», де-факто проигравших осенние парламентские выборы в 2023 году после восьми лет непрерывного правления страной, придерживалась, как представляется, некой комбинации идей, изложенных еще в проекте «Междуморье» и Доктрине Гедройца — Мерошевского. «Междуморье», сформулированное главой межвоенной Польской Республики Ю. Пилсудским, предполагало образование подобия союза государств от Балтийского до Черного и Адриатического морей, где полякам была бы отведена главенствующая роль, а украинцы должны были бы выступать в роли «сдерживающего фактора» России [9, с. 114]. В свою очередь Ежи Гедройц и Юлиуш Мерошевский, представители польской антикоммунистической эмиграции, были убеждены в том, что Польша, используя «мирные» средства, ради сохранения статуса «суверенного игрока» должна стать для «молодых демократий» Восточной Европы (Украины, Белоруссии и Литвы) «проводником» в военно-политические и экономические структуры Запада [1, с. 107–109], что, очевидно, могло бы привести в дальнейшем к возникновению угрозы национальной безопасности России в регионе ЦВЕ.

В определенной степени начало СВО России на Украине позволило Польше, погрязшей в многочисленных конфликтах с наднациональными органами ЕС по целому спектру вопросов, сместить

внимание Евросоюза в сторону активного противостояния Москве посредством инициирования передачи Киеву вооружений, военной техники и колоссальных финансовых средств. По мнению российского исследователя О.Ю. Михалева, благодаря географической близости к зоне боевых действий и укреплению восприятия Украины в качестве «жертвы агрессии» «полякам стало легче убеждать своих партнеров в необходимости проведения более жесткой линии в отношении России» [12, с. 40], что оказалось решающим фактором как в усилении «восточного фланга» НАТО, так и в интенсификации польско-американского военного сотрудничества, выразившегося в направлении дополнительного контингента ВС США на территорию Республики Польша. Однако, как отмечает О.Ю. Михалев, «украинское направление никогда не было для Польши приоритетным, так как главная ее задача — интеграция в евроатлантические структуры». Исследователь подчеркивает, что украинские события Польша стремится использовать не только для укрепления геополитической роли в ЦВЕ, но и в целях поддержания национальной безопасности, поскольку в Варшаве Украина рассматривается, прежде всего, как последний рубеж, разделяющий страны Альянса и Россию с ее «имперскими амбициями» [13, с. 38].

В оценке позиций стран Вишеградской группы к СВО России на Украине невозможно также не уделить внимание и подходу Чехии. Как известно, после 24 февраля 2022 года Прага выступила в авангарде продвижения антироссийской санкционной повестки, заявив при этом о желании совместно с Варшавой и Вильнюсом поставлять Киеву энергетическое сырье, отметив важность перспективы вступления Украины в Евросоюз и запустив активный процесс передачи ВСУ тяжелого вооружения [19, с. 59–60]. Здесь требуется заметить, что кризис в российско-чешских отношениях наступил задолго до начала СВО на Украине и был связан в значительной степени с безосновательными подозрениями руководства Чехии в том, что Российская Федерация якобы систематически вмешивалась во внутренние дела государства, в том числе избирательную систему, через свою «обширную дипломатическую и агентурную сеть» в Европе. В связи с этим 17–18 апреля 2021 года чешское правительство выслало из страны 18 российских дипломатов, являвшихся, по мнению Праги, «сотрудниками ГРУ и СВР»

[16], стало активнее выступать с бездоказательными обвинениями в адрес Российской Федерации в контексте взрывов на военных складах во Врбетице, а также запретило компаниям из России принимать участие в тендерах на строительство АЭС в Дукованах. Москва в данной ситуации была вынуждена пойти на аналогичные меры дипломатического характера и позднее включить Чехию вместе с США в список «недружественных государств», в результате чего напряженность в отношениях между двумя сторонами значительно возросла. Как и прогнозировала профессор Л.Н. Шишелина в одной из своих аналитических статей для Российского совета по международным делам, «джинн русофобии», выпущенный в ходе «апрельского кризиса 2021 года», ликвидировал «с... политической арены Чехии все партии и движения, ранее осторожно продвигавшие идею о возможности прагматических отношений с Россией» [18].

Наконец, требуется рассмотреть и официальную позицию Словакии в отношении СВО России на Украине. Общеизвестен факт того, что с началом российско-украинского вооруженного конфликта Братислава под руководством кабинета Эдуарда Хегера заняла на дипломатическом уровне одну из наиболее активных проукраинских позиций, действуя в полном согласовании с директивами из Брюсселя и Вашингтона, поставляя боеприпасы и военную технику ВСУ и перечеркивая всю позитивную повестку в разных областях словацко-российских отношений, которая была создана за годы пребывания в должности премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Фактически внешнеполитический подход Словакии к Российской Федерации до того, как 30 сентября 2023 года в ходе парламентских выборов к власти в стране вновь вернулся Р. Фицо, питающий определенные симпатии к России и неоднократно высказывающий критические замечания в адрес США и Украины, радикализировался даже по отношению к содержанию Стратегии нацбезопасности, принятой словацким кабинетом в 2021 году. Так, в документе, несмотря на выделение необходимости «восстановления суверенитета и государственной целостности Украины, возвращение ей Крыма», подчеркивалось, что страна не намерена «отказываться от взаимодействия с Россией в тех сферах, где ее вытеснение было бы для Словакии катастрофично» [19, с. 83]. Публикацию вышеназванного ключе-

вого доктринального документа Словакии со столь сдержанными формулировками по отношению к Российской Федерации нельзя назвать случайностью. Так, по информации Доклада Института Европы РАН № 405 от 2023 года, большинство словацкого населения всегда относилось к России с известной долей симпатии, в то время как внешняя политика США никогда не пользовалась в стране сильной поддержкой. Об этом, как информируют авторы Доклада, свидетельствовали данные опросов: в начале февраля 2022 года, когда словацким парламентом после ожесточенных дебатов всё же было ратифицировано де-факто ущемляющее национальный суверенитет страны Соглашение о военном сотрудничестве с Соединенными Штатами, «64% жителей страны были против размещения военного контингента США в Словакии, 54% — не согласны с заключением какого-либо договора с Вашингтоном, 56% считали необходимым для прояснения ситуации провести общенациональный референдум» [19, с. 76, 79]. При этом даже на фоне вооруженного конфликта между Россией и Украиной, по данным Центра изучения общественного мнения GLOBSEC, упомянутом в одной из аналитических статей ведущего научного сотрудника Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН М.В. Ведерникова, «28% опрошенных считали, что Запад спровоцировал его развязывание, 47% относились скептически к намечаемому членству Украины в ЕС» [2, с. 65]. Однако находившееся тогда у власти в Словакии прозападное правительство Э. Хегера предпочитало игнорировать запрос общественности на корректировку внешнеполитического курса страны, чем и воспользовались находившиеся в оппозиции силы во главе с бывшим премьер-министром Р. Фицо, которые в глазах избирателей смогли умело увязать внутренние социально-экономические проблемы в Словацкой Республике с военной поддержкой Киева, требовавшей скорейшего сворачивания на государственном уровне.

Влияние прихода к власти в Словакии партии Роберта Фицо на единство стран Вишеградской группы будет проанализировано позднее, а сейчас, как представляется, важно выделить ключевые причины, по которым Венгрия в отличие от партнеров по V4 всегда стремилась придерживаться последовательно нейтральной линии в отношении СВО России на Украине.

Здесь необходимо отметить, что особая позиция венгерского правительства по российской спецоперации на Украине обусловлена рядом внутри- и внешнеполитических факторов. Венгрия под руководством кабинета В. Орбана, председательствовавшая по механизму ротации в Вишеградской группе с 1 июля 2021 года по 30 июня 2022 года и не выступившая ни с одной инициативой о региональных консультациях или совместном заявлении по украинскому кризису, с момента начала СВО всё чаще и сильнее обрушивалась с критикой в адрес киевских властей из-за нарушения последними прав закарпатских венгров, количество которых оценивается в 145–150 тысяч человек. Являясь национальным меньшинством де-факто, закарпатские венгры в соответствии с Законом «О коренных народах Украины» от 01.07.2021 не признаются таковыми в Киеве де-юре, что расценивается в Будапеште как очевидный пример дискриминации [8]. Более того, согласно Закону «О среднем образовании» от 16.01.2020 украинское правительство значительно сократило возможность для национальных меньшинств, в том числе для закарпатских венгров, получать образование в школах на родных языках, что также вызывает возмущение Венгрии [7]. Как ни парадоксально, но деструктивная образовательная и языковая политика режима В. Зеленского в определенной степени оказалась выгодной для премьер-министра Орбана и его сторонников в период весенних парламентских и президентских выборов в 2022 году, когда у правящей партии «ФИДЕС — Венгерский гражданский союз» появился весомый контраргумент в ожесточенных дебатах с либеральной оппозицией, неоднократно обвинявшей правительство Венгрии в отсутствии стремления усилить поддержку Украине и занять более жесткую позицию в отношении России.

Еще одной причиной, по которой венгерские власти придерживаются нейтрального подхода в вопросе украинского кризиса, выступает энергетический фактор. Венгрия традиционно является одним из крупнейших импортеров российского природного газа, и, несмотря на усиление санкционного давления ЕС на энергетический сектор России в связи с СВО на Украине, правительство В. Орбана проявляет заинтересованность в кратном увеличении поставок энергоносителей из Российской Федерации. Так, в августе 2022 года Будапешт заключил с компанией «Газпром» договор,

по которому с 1 сентября 2022 года венгерская сторона стала получать через «Балканский поток» (магистральное ответвление «Турецкого потока») дополнительные объемы природного газа (5,8 млн куб. м в сутки, или 2,12 млрд куб. м в год), что является весьма существенным прибавлением к двум действующим с сентября 2021 года контрактам между уже упомянутым «Газпромом» и венгерской MVM SEEnergy, в рамках которых в течение 15 лет российская сторона будет доставлять на территорию Венгрии 4,5 млрд куб. м газа в год [4]. Нельзя также не упомянуть тот факт, что кабинет В. Орбана последовательно выступает против введения санкций ЕС в отношении российской атомной госкорпорации «Росатом», мотивируя свою позицию тем, что сотрудничество с Россией в ядерной отрасли необходимо Венгрии для поддержания национальной энергетической безопасности. Именно поэтому в конце августа 2022 года венгерские власти выдали «Росатому» лицензию на строительство энергоблоков АЭС «Пакш-2», которое, как ожидается, начнется весной — летом 2024 года при участии западных компаний [6]. Все вышеперечисленные факторы являются, по мнению Л.Н. Шишелиной, очередным подтверждением того, что «Венгрия в отношениях с Россией руководствуется исключительно прагматическими соображениями». При этом позицию Будапешта, как отмечает Л.Н. Шишелина, нельзя назвать открыто пророссийской хотя бы потому, что две стороны никогда не выступали с совместным заявлением по вопросу своих диаспор на Украине [17, с. 28].

Далее в целях более детального исследования областей сотрудничества стран Вишеградской группы на современном этапе представляется необходимым уделить внимание всем тем мероприятиям и подписанным по их итогам совместным документам по линии V4, которые имели место в период председательства в «Четверке» Словакии и были обсуждены 26 июня 2023 года премьер-министрами стран-участниц на саммите в Братиславе.

Итоги председательства Словакии в Вишеградской группе (01.07.2022–30.06.2023)

Прежде всего, требуется подчеркнуть, что активность в области проведения совместных мероприятий в рамках Вишеградской группы в период годовичного председательства Словакии в целом

сохранялась в пределах устойчиво-негативной динамики. Согласно данным календаря событий, представленного на веб-сайте V4 [28], за период с 01.07.2022 по 30.06.2023 на словацкой территории были проведены 14 разных встреч между официальными представителями Польши, Венгрии, Чехии и, собственно, Словакии. Если учитывать, что за аналогичный годичный отрезок под председательством Венгрии с 01.07.2021 по 30.06.2022, на который пришлась острейшая фаза миграционного кризиса на польско-белорусской границе и начало СВО России на Украине, в том или ином виде было организовано всего лишь 18 мероприятий с привлечением площадки V4, то можно констатировать, что в формате «Вишеградской четверки» прочно устоялись серьезные кризисные явления. Их наступление, весьма вероятно, является следствием потери веры большинства стран-партнеров в эффективность консультационных механизмов данного регионального объединения, не являющегося с момента основания в 1991 году полноценной организацией с международно-правовой точки зрения и не имеющего вследствие этого даже какого-либо руководящего органа или постоянного административного секретариата. Интересно также и то, что начало кризиса Вишеградской группы прочно совпало с периодом венгерского председательства, когда страны V4 де-факто доказали бессилие формата «Четверки» перед по-настоящему серьезными миграционными и геополитическими вызовами. В целом сама площадка «Вишеградской четверки» продолжает играть важную роль лишь во внешней политике Польши, поскольку в период ее председательства в Группе с 01.07.2020 по 30.06.2021, когда мир столкнулся с угрозой глобальной пандемии коронавируса, в том или ином виде были проведены 87 различных встреч и консультаций на высоком и высшем уровнях.

Возвращаясь к анализу председательства Словакии в V4, следует отметить, что организованные словацкими властями мероприятия проходили как по линии руководителей профильных комитетов парламентов (например, встреча глав парламентских комитетов по сельскому хозяйству V4 в Братиславе от 14.10.2022) и отраслевых министерств стран «Четверки» (в частности, диалог между руководителями оборонных ведомств Группы в г. Банска-Штьявница от 26–27.09.2022), так и на уровне председателей правительств (к примеру, саммит Вишеградской группы в г. Коши-

це от 24.11.2022) и президентов государств-партнеров (встреча лидеров «Вишеградской четверки» в Братиславе от 11.10.2022). Названные встречи, имевшие характер консультаций и обменов мнениями, по своему содержанию затрагивали самый широкий спектр вопросов, связанных с вооруженным конфликтом на Украине, миграционными квотами ЕС, климатическими изменениями, энергетической и продовольственной безопасностью. Особое внимание следует обратить на те мероприятия, организованные Словакией в рамках V4, по итогам которых были приняты совместные заявления или декларации. Рассмотреть каждый из подобных документов потребуется отдельно.

Согласно все тем же данным календаря событий Вишеградской группы, первым документом, принятым по линии V4 в период словацкого председательства с 01.07.2022 по 30.06.2023, выступила «Совместная декларация министров сельского хозяйства стран Вишеградской группы, а также Болгарии, Хорватии, Румынии и Словении о проблемах и возможностях государств — членов ЕС в связи с инициативами Евросоюза в области углеродного земледелия» от 07.10.2022 [27]. Данная Декларация является ответом большинства стран Центральной и Восточной Европы, где экспорт продуктов сельскохозяйственного производства продолжает играть важнейшую роль в финансовом наполнении бюджета, на агропромышленную политику наднациональных органов Европейского союза, стремящихся в условиях глобальной борьбы с изменением климата сократить до нуля выбросы углекислого газа и его аналогов на территории ЕС к 2050 году и уже принявших в 2020 году в связи с этим два программных документа в области экологически чистой продовольственной безопасности — Стратегию по сохранению биоразнообразия и Стратегию «От фермы — к столу». Согласно Декларации страны-подписанты в целом одобряют генеральную линию Брюсселя по сокращению выбросов парниковых газов, связанных с сельскохозяйственной отраслью, поддержке секвестрации углерода (мер по долгосрочному хранению углерода в почве) и введению более ответственного управления водными и почвенными ресурсами. Вместе с тем в документе подчеркивается, что посредством распространения таких передовых с экологической точки зрения бизнес-практик, как углеродное земледелие, позволяющее предприятиям «вы-

сасывать» CO₂ из атмосферы и продавать углеродные кредиты крупным корпорациям, Евросоюз в целях недопущения угрозы стабильности производству пищевой продукции не должен оказывать административное давление на фермеров, представителей лесничеств и управляющих земельными участками за выбросы углекислого газа или приводить к снижению их конкурентоспособности в контексте глобальной экономики.

Второй документ под названием «Заключения глав делегаций парламентских комитетов по сельскому хозяйству V4» от 14.10.2022 [22] по своему содержанию во многом дублирует все те критические замечания в адрес агропромышленной политики ЕС, изложенные в Декларации от 07.10.2022. Ключевым же сигналом, который посылают авторы «Заключений» в Брюссель, является то, что предложенное Еврокомиссией 50%-ное сокращение использования химических пестицидов и других аналогичных средств защиты растений в сельском хозяйстве от текущего потребления стран-членов подорвет конкурентоспособность фермерских хозяйств в государствах Вишеградской группы и «создаст риск импорта некачественных продуктов питания из третьих стран». Де-факто стороны призвали ЕС внести смягчающие коррективы в Стратегию «От фермы — к столу» с учетом требований представителей фермерского хозяйства региона ЦВЕ, не желающих под действием столь жестких экологических ограничений становиться банкротами из-за притока на европейский рынок дешевой и не обремененной «зеленой повесткой» сельхозпродукции из граничащих с Евросоюзом стран, в первую очередь, очевидно, из Украины, мирового экспортера зерновых культур.

Третий по счету документ под названием «Заключения глав делегаций парламентских комитетов по экономическим вопросам» от 24.10.2022 был посвящен проблеме энергетической безопасности ЕС и сотрудничеству стран V4 в условиях высоких цен на энергоносители [23]. Подписанты, в частности, призвали ЕС обеспечить надежную и эффективную энергетическую инфраструктуру на всей территории объединения, в том числе за счет расширения диалога по поставкам энергоносителей с «надежными глобальными партнерами» и «использования потенциала совместных закупок природного газа», поскольку помимо прочего высокие цены на углеводороды вредят благосостоянию граждан

V4 и экономике региона ЦВЕ. Стороны традиционно выразили поддержку Украине в сфере поставок электроэнергии и обвинили Россию в использовании энергоносителей в качестве средства «геополитического шантажа». Не был обделен вниманием и переход Евросоюза к углеродной нейтральности, которая согласно документу не должна навредить конкурентоспособности промышленных предприятий V4. В целях обеспечения диверсификации поставок энергоносителей подписанты указали на важность строительства стратегического газового коридора V4 «Север — Юг» и открытия нового газопровода «Польша — Словакия».

В четвертом за время словацкого председательства документе под названием «Рамки расширения сотрудничества Вишеградской группы в области оборонного планирования» от 09.11.2022 [25] заместители глав оборонных ведомств V4 обозначили приоритетные направления сотрудничества стран-участниц в сфере обеспечения коллективной безопасности. Особый акцент документ делает на Группе планирования «Четверки» (V4 Planning Group), совместном органе экспертно-аналитического характера, созданном в марте 2014 года и ответственном за предоставление рекомендаций по сотрудничеству четырех стран в области единого оборонного планирования Руководящему органу государственных секретарей по вопросам обороны / директоров по оборонной политике / директоров по вопросам вооружений V4 (V4 Senior Body of State Secretaries / Defence Policy Directors / Armament Directors). Подписанты с удовлетворением указали на успешную реализацию двух главных оборонных проектов, в которых принимали участие государства-партнеры, — штаб Объединенной группы материально-технической поддержки V4 (V4 JLSG HQ) и Боевая группа V4 ЕС (the V4 EU Battlegroup). Стороны договорились продолжать четырехстороннее оборонное сотрудничество посредством организации совместных учений, встреч руководителей профильных ведомств и исполнения целей и задач Стратегической концепции НАТО и «Стратегического компаса» ЕС.

Наконец, заключительным документом «Четверки», опубликованным во время председательства Братиславы, выступила «Декларация парламентских комитетов по вопросам обороны и безопасности стран Вишеградской группы» от 04–05.12.2022 [24]. В документе были рассмотрены приоритеты и перспективы

сотрудничества Вишеградской группы в области безопасности и обороны, в том числе по линии Боевой группы V4, направленные как на укрепление оперативной совместимости вооруженных сил четырех стран, так и на усиление «восточного фланга» НАТО перед лицом «российской угрозы». Стороны отметили необходимость противодействия волнам нелегальных мигрантов, достигающих внешних границ ЕС, в частности по «западно-балканскому маршруту». Подписанты подчеркнули важность поддержки стратегической коммуникации для защиты от «гибридных угроз». В Декларации также явно прослеживается уже ставшая привычной антироссийская риторика: стороны называют СВО России на Украине «незаконной, неспровоцированной и неоправданной агрессивной войной» и призывают Российскую Федерацию де-факто капитулировать перед киевским режимом и вывести войска «со всей международно признанной территории Украины».

Далее проведем анализ перспектив Вишеградской группы в контексте парламентских выборов в Словакии и Польше в 2023 году, приведших к победе представителей оппозиционных партий двух стран.

Влияние смены правительств в Словакии и Польше во второй половине 2023 года на перспективы V4

Вопросы о существенных изменениях во внешнеполитическом курсе Словакии, в том числе в контексте вооруженного конфликта на Украине и взаимодействия с партнерами по линии Вишеградской группы, стали всё чаще появляться в разных СМИ стран Запада сразу же после того, как по итогам внеочередных парламентских выборов 30 сентября 2023 года пост премьер-министра Словацкой Республики вновь занял Роберт Фицо. Политик не раз заявлял о необходимости прекращения поставок вооружений и военной техники Киеву, называл президента Украины В. Зеленского «лжецом», а З. Чапутову и Э. Хегера, президента и премьер-министра Словакии, — «американскими слугами» [19, с. 82]. При этом, по мнению М.В. Ведерникова, Р. Фицо удалось победить в рамках внеочередных выборов и создать коалиционное правительство именно благодаря недовольству большинства словацкого населения нестабильным социально-экономическим положением в стране, вызванным, по убеждению избирателей, тем, что преж-

ние власти оказывали чрезмерную военную поддержку Украине. В действительности же, однако, как отмечает М.В. Ведерников, лидер партии Smer («Курс — социальная демократия»), призвавший к завершению боевых действий на Украине мирными средствами, не только не стал препятствовать заключению новых коммерческих сделок между словацкими военно-промышленными компаниями и ВСУ, но и не выразил готовности блокировать логистический коридор через Словакию, по которому вооружения стран Североатлантического альянса доставляются на украинскую территорию. Тем не менее, с точки зрения М.В. Ведерникова, Роберт Фицо в целом действует прагматично, а само его возвращение к власти в Словакии явно указывает на то, что количество стран — членов ЕС и НАТО, желающих снизить военную поддержку Украине, будет увеличиваться всё более стремительно [3].

Несмотря на то что новое коалиционное правительство Словакии, вероятно, предпочтет и дальше ограничиваться лишь демонстративными жестами в вопросе отказа от военной помощи Киеву, этого, скорее всего, окажется достаточно для того, чтобы спровоцировать Прагу и Варшаву пойти в будущем на определенную корректировку отношений с Братиславой в сторону снижения взаимного доверия. При этом действующий премьер-министр Словакии и его венгерский коллега разделяют общие взгляды относительно СВО России на Украине, выступают с резкой критикой антироссийских санкций и настаивают на решении вооруженного конфликта между Киевом и Москвой дипломатическими средствами в отличие от представителей властей Польши и Чехии, пока еще настаивающих на продолжении боевых действий и усилении военной поддержки Украины. Подобного рода ситуация, безусловно, наносит известный ущерб единству Вишеградской группы и вносит смятение в рядах союзников и партнеров по НАТО и ЕС.

Вместе с тем судить о том, повлияет ли возвращение Роберта Фицо к власти в Словакии на углубление и расширение кризиса V4, представляется чрезвычайно затруднительной задачей, поскольку сам формат данного сотрудничества не подразумевает под собой наличие у стран-участниц юридически подкрепленных обязательств друг перед другом. Приведенный факт позволяет поддерживать формальное существование Вишеградской группы, даже несмотря на появление тенденций к потере у большинства государств-

партнеров серьезного интереса как к проведению частых совместных обсуждений разных проблем ЕС и глобальной политики, так и к инициированию, по крайней мере в долгосрочной перспективе, дискуссий о необходимости превращения «Четверки» в настоящую региональную организацию с обязательными к исполнению уставными документами и, возможно, специальными контролирующими органами. Вероятно, стран-участниц V4 устраивает принцип взаимодействия, при котором заседания Группы проходят в большей степени для выработки скоординированной позиции в ответ на внешние вызовы, среди которых можно было бы выделить обострение отношений с Евросоюзом по вопросу поставок украинского зерна на европейские рынки, нелегальную миграцию из государств Ближнего Востока и Африки, «зеленую повестку» ЕС, диверсификацию поставок энергоносителей и, конечно, конфликт на Украине. Сам Р. Фицо в конце октября 2023 года уже успел подтвердить единую позицию «Четверки» по проблеме сокращения фондов Евросоюза из-за поддержки Украины. Премьер-министр Словакии отметил, что указанные фонды ЕС, направленные на поддержку европейских фермеров и борьбу с социально-экономическим неравенством в странах — членах Европейского союза, не могут быть урезаны [5]. Подобного рода жесты указывают на то, что участники Вишеградской группы всё же стараются поддерживать некоторую скоординированность действий, однако этого, как представляется, недостаточно для того, чтобы в будущем V4 имела шансы на превращение в полноценную организацию.

Изучая изменения в рамках Вишеградской группы, невозможно не уделить внимания внутривнутриполитической ситуации в Польше, где 15 октября 2023 года по итогам выборов в Сейм и Сенат Республики Польша национал-консервативная партия «Право и справедливость» (ПиС), непрерывно правившая страной с 2015 года, де-факто потерпела поражение от объединенной лево-либеральной оппозиции во главе с лидером «Гражданской коалиции» Дональдом Туском. 13 декабря по условиям ранее достигнутого соглашения с коллегами из «Новых левых» и «Третьего пути» Д. Туск сформировал коалиционное правительство и официально вступил в должность премьер-министра Польши. Следует отметить, что к неудаче ПиС на выборах привел целый комплекс внутри- и внешнеполитических вызовов, с которыми сторонникам Я. Качиньского спра-

виться, очевидно, не удалось. Рейтинг национал-консерваторов страдал из-за продолжавшихся многотысячных протестов сторонников права на аборт, а также вследствие колоссального роста трат как на гуманитарную и иную помощь 2 млн украинских беженцев, так и на военную поддержку киевского режима в борьбе с Россией. Все эти проблемы требовали решения на фоне конфликта с ЕС по вопросу задержек с переводом средств по линии Фонда реконструкции, обострения отношений с Германией из-за дискуссий о послевоенных репарациях и воздействия боевых действий на Украине на снижение уровня благосостояния польских граждан [11, с. 395–397]. В связи с этим Дональд Туск, сохранивший налаженные связи с наднациональными органами Евросоюза еще со времен пребывания в должности председателя Европейского совета в 2014–2019 годах, уже смог сделать первый шаг по восстановлению отношений с Брюсселем: 15 декабря новому премьер-министру Польши удалось убедить главу Еврокомиссии Урсулу фон дер Ляйен в необходимости перевода Варшаве до конца 2023 года 5 млрд евро в виде аванса из Фонда реконструкции ЕС на декарбонизацию промышленности [21]. Очевидно, Д. Туск не остановится на достигнутом и под лозунгом возвращения в «европейскую семью» постарается принять все меры для «перезапуска» и углубления отношений с Евросоюзом. В связи с этим может измениться и конфигурация взаимоотношений в рамках Вишеградской группы. С одной стороны, Д. Туск на данный момент выступает за продолжение финансирования Украины в конфликте с Россией, что в будущем, возможно, приведет к возникновению недопонимания между польским премьер-министром и его словацким и венгерским коллегами. С другой стороны, сглаживанию противоречий в данной ситуации может поспособствовать общая загруженность нового коалиционного правительства решением внутренних социально-экономических проблем Польши, а также «очищением» государственных органов и СМИ Республики Польша от наиболее ярких сторонников Пис. Нельзя забывать также и о том, что восстановление доверия по линии Брюссель — Варшава займет довольно длительное время. Кроме того, как ни парадоксально, но кабинет Д. Туска стал действовать по линии партии Я. Качиньского в вопросе запрета на импорт украинской сельскохозяйственной продукции: после 15 сентября 2023 года,

когда ЕС снял с Украины общеевропейское эмбарго на товары агропромышленного комплекса, Варшава так и не последовала примеру Брюсселя. И даже вернувшемуся на должность министра иностранных дел Республики Польша Радославу Сикорскому, который 22 декабря 2023 года в ходе визита в Киев пытался уверить украинское руководство в желании Польши «перевернуть страницу» в двусторонних отношениях, не удалось сгладить негативный эффект от неутешительного по своему содержанию заявления министра сельского хозяйства Республики Польша Чеслава Секерского. По словам Ч. Секерского, польская сторона, несмотря на возможные штрафы от Еврокомиссии, сохранит временную «блокаду на импорт зерна с Украины» ради восстановления баланса на национальном рынке сельхозпродукции [14].

Всё это указывает на важные обстоятельства в контексте проблемы единства по линии Вишеградской группы. Польша вне зависимости от партийной принадлежности властей не торопится ради наполнения украинского бюджета и поддержания глобальной продовольственной безопасности наносить ущерб своим национальным интересам и снимать эмбарго на поставки дешевого зерна с Украины, демпингующего общеевропейские цены на сельхозпродукцию и разоряющего фермеров в странах ЦВЕ, где экспорт сельскохозяйственных товаров занимает одну из важнейших статей дохода. В указанной ситуации, по крайней мере в краткосрочной перспективе, единство стран V4 по столь чувствительному вопросу позволит им сместить внимание от расхождений по спецоперации России на Украине и сконцентрироваться на отстаивании своих прав в дискуссии с Еврокомиссией. В долгосрочной же перспективе, однако, определить будущее развития Вишеградской группы, как отмечалось ранее, всё так же трудно, поскольку отсутствует ясность в том, как государства-участники планируют перевести данный формат на принципиально новый уровень и будут ли вообще предпринимать какие-либо шаги ради достижения названной цели. На данный момент, как представляется, среди партнеров по V4 не наблюдается даже робких инициатив по преобразованию Группы в региональную организацию. Неизвестно также, попытается ли Дональд Туск «оживить» формат «Четверки». Перспективы на приведенном направлении, безусловно, есть, однако, возможно, для обеспечения успеха

потребуется «реанимировать» «Восточное партнерство», программы которого, по официальной риторике Брюсселя, направлены на «политическую и социально-экономическую интеграцию» шести (после исключения Белоруссии из проекта в 2022 г. — пяти) постсоветских республик со структурами ЕС, а в действительности — на нанесение ущерба национальным интересам России в регионе ЦВЕ и на Кавказе. «Восточное партнерство» фактически находится в затажном кризисе: последний саммит в его рамках был проведен в 2021 году. Здесь ключевую роль мог бы сыграть убежденный сторонник Евросоюза Д. Туск. Так, актуализировав тему «Партнерства», новому премьер-министру Польши, вероятно, удалось бы заручиться поддержкой Европейского союза на передачу Вишеградской группе ведущей роли в укреплении связей с пятью бывшими республиками СССР по линии вышеназванного проекта. Вместе с тем представить подобное развитие событий на текущий момент времени довольно сложно, а это означает, что перспективы каких-либо реформ в рамках V4 продолжают оставаться туманными.

***Оценка перспектив развития Вишеградской группы
в контексте июньской встречи
премьер-министров стран V4 в Братиславе***

Резюмируя изложенное выше, приходится констатировать, что будущее «Вишеградской четверки», так и не преобразовавшейся из неформального консультационного форума по обмену мнениями в вопросах экономики, безопасности, миграции и геополитики в полноценную с международно-правовой точки зрения организацию с юридически обязывающим уставом и наделенными контролирующими функциями органами, будет с высокой степенью вероятности оставаться неустойчивым и неопределенным, поскольку формат V4 с момента его основания в 1991 году продолжает быть заложником узконаправленных и основанных на национальном эгоизме интересов Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, которые по-разному оценивают роль Вишеградской группы в реализации своей стратегии в регионе ЦВЕ и на глобальной арене в целом и отнюдь не всегда готовы идти на уступки друг другу во многих важных вопросах. Подтверждением тому являются статистические данные календаря событий V4, согласно которому гораздо

большую активность в период председательства в Группе всегда проявляет Польша, тогда как Венгрия, имевшая впоследствии аналогичную возможность выступить с какими-либо инициативами и идеями во время начала СВО России на Украине и наплыва украинских беженцев в Европу, свела консультации по линии «Четверки» до минимума и предпочла лишь формально заверить партнеров по ЕС и НАТО в неприятии «агрессии» Российской Федерации. Свидетельством уже давно наметившихся кризисных тенденций в рамках регионального объединения выступили неоднозначные итоги словацкого председательства в V4, когда стало понятно, что камнем преткновения в отношениях четырех стран продолжит оставаться вопрос оказания скоординированной военной помощи киевскому режиму, в частности из-за особой позиции Венгрии, не желающей жертвовать своей энергетической безопасностью ради поддержания иллюзии скоординированности в Группе и разрывать взаимовыгодные экономические отношения с Россией, которая поставляет на венгерскую территорию внушительные объемы природного газа и участвует в строительстве энергоблоков АЭС «Пакш-2».

Вместе с тем поводом для осторожной надежды на то, что систематически подписываемых по линии V4 ни к чему не обязывающих деклараций и пафосных взаимных уверений лидеров четырех государств в эффективности объединения будет достаточно для удержания формата «Четверки» на плаву, является определенная преемственность в единстве подходов властей Польши, Венгрии, Чехии и Словакии к таким ключевым проблемам ЕС, как переход к углеродной нейтральности в экономике, нелегальная миграция из беднейших стран мира, энергетическая, продовольственная и военная безопасность. Взаимопонимание в вышеперечисленных областях было в очередной раз проявлено при подведении итогов председательства Словакии в Вишеградской группе на встрече руководителей правительств четырех стран в Братиславе 26 июня 2023 года. На ней, в частности со стороны премьер-министра Республики Польша М. Моравецкого, было заявлено, что «европейская климатическая политика подрывает конкурентоспособность европейской промышленности» [31]. Тон высказывания был выдержан в рамках всё той же риторики, к которой прибегали министры сельского хозяйства стран V4+ в Декларации от 07.10.2022,

где подписанты выражают беспокойство за благосостояние представителей агропромышленного сектора в регионе ЦВЕ из-за жестких производственных ограничений Еврокомиссии по экологическим условиям стратегии «От фермы — к столу», а также главы делегаций парламентских комитетов «Четверки» по сельскому хозяйству в «Заключениях» от 14.10.2022, которые содержат критику политики Брюсселя по двукратному сокращению применения химических пестицидов.

Более того, на саммите в Братиславе стороны на фоне СВО России на Украине вновь подчеркнули стремление диверсифицировать поставки энергоносителей, поэтапно и без вреда для экономики отказаться от использования угля и совместно развивать отрасль атомной энергетики, несмотря на кардинальную разницу в подходах к сотрудничеству с российскими компаниями в данной сфере. Во многом приведенная позиция дублирует по своему содержанию «Заключения глав делегаций парламентских комитетов по экономическим вопросам» от 24.10.2022, где содержатся также обвинения России в «энергетическом шантаже», призывы к ЕС найти альтернативных поставщиков природного газа и нефти и заверения в скором завершении ключевых газовых проектов по линии V4. Кроме того, главы правительств «Четверки» согласились с тем, что НАТО является «ключевым элементом поддержания мира и стабильности» в Евро-Атлантике. К подобному выводу пришли и заместители министров обороны V4 на встрече в г. Пезинок 9 ноября 2022 года, по итогам которой был закреплен курс на развитие Боевой группы V4, в том числе в соответствии с задачами и целями Стратегической концепции НАТО 2022 года. Наконец, по итогам саммита в Братиславе премьер-министры выразили Еврокомиссии единогласный протест в связи с обсуждением в Брюсселе квот на мигрантов и так называемого миграционного пакта, который в случае принятия подразумевал бы ежегодную «релокацию» 30 тыс. мигрантов в те государства — члены Евросоюза, где их общее количество относительно минимально. Критические замечания в адрес исполнительных органов ЕС в связи с отсутствием эффективных решений по вопросу нелегальной миграции звучали и в Декларации парламентских комитетов по обороне и безопасности стран V4 от 04–05.12.2022, акцентирующей внимание на «западно-балканском маршруте» мигрантов.

Принимая во внимание приведенную выше информацию, следует отметить, что пока Польше, Венгрии, Чехии и Словакии удастся с переменным успехом сглаживать серьезные расхождения в подходах к Украине и России за счет смещения внимания в сторону тех проблем Евросоюза, по которым четыре страны выработали проверенную временем скоординированную стратегию. К подобным вопросам, как уже отмечалось ранее, относятся «зеленая повестка» в промышленности и сельском хозяйстве ЕС, диверсификация поставок энергоносителей, совместное оборонное планирование и нелегальная миграция. Вместе с тем в долгосрочной перспективе определить вектор развития Вишеградской группы представляется скорее затруднительным, поскольку устойчивость V4 слишком сильно зависит от колебаний внешнеполитического курса каждой из четырех стран, не имеющих друг перед другом в рамках неформальной с международно-правовой точки зрения «Четверки» каких-либо юридических обязательств, которые вытекали бы из реально действующего устава и находились под защитой наделенных санкционной силой наднациональных органов.

Литература

1. Буневич Д.С. «Восточная политика» Гедройца — Мерошевского или «прометеизм 2.0»? // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сб. ст. / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. — М.: Кучково поле, 2020. — 176 с. — URL: <https://www.invissin.ru/upload/books/Польша%20в%20борьбе%20за%20Восточную%20Европу,%201920–2020.pdf> (дата обращения: 23.12.2023).
2. Ведерников М.В. 2022: пик политической турбулентности в Словакии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — № 1 (31). — С. 58–67. — URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/1–2023/Vedernikov12023.pdf> (дата обращения: 23.12.2023).
3. Ведерников М.В.Р. Фицо и военная помощь Украине: что поменялось? / РСМД. — 2023. — 16 нояб. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/r-fitso-i-voennaya-pomoshch-ukraine-chto-pomenyalos/> (дата обращения: 23.12.2023).
4. Венгрия договорилась о сверхконтрактных поставках газа из России и отсрочке платежей // Ведомости. — 11.04.2023. — URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/11/970491-vengriya-sverhkontraktnih-postavkah#> (дата обращения: 15.08.2023).
5. В Словакии отвергли сокращение фондов ЕС из-за поддержки Украины // ТАСС. — 31.10.2023. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19162753> (дата обращения: 23.12.2023).
6. Западные компании продолжают участие в строительстве АЭС «Пакш-2» в Венгрии // РИА Новости. — 21.07.2023. — URL: <https://ria.ru/amp/20230721/paksh-2-1885402978.html> (дата обращения: 15.08.2023).
7. Зеленский подписал закон об образовании, который урежет обучение на русском языке // Интерфакс. — 13.03.2020. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7974723/amp> (дата обращения: 15.08.2023).
8. Зеленский подписал закон о коренных народах Украины // Интерфакс. — 21.07.2021. — URL: <https://www.interfax.ru/amp/780094> (дата обращения: 15.08.2023).

9. *Лыкошина Л.С.* Польша и украинский кризис // Россия и современный мир. — 2015. — № 3 (88). — С. 113–126. — URL: http://rossovimir.ru/files/2015_PCM_3.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
10. *Марушьяк Ю.* Словакия и Россия: между национальными интересами и идентичностью // Современная Европа. — 2017. — № 7. — С. 66–77. — URL: <http://visegradeuropa.eu/wp-content/uploads/2018/03/Марушьяк-3.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
11. *Матюхин Д.С.* Парламентские выборы в Республике Польша 2023: стратегии ключевых партий и возможные результаты // Вестник ученых-международников. — 2023. — № 2 (24). — С. 390–406. — URL: http://www.vestnikum.ru/documents/46/Вестник_СМУ_ДА_224_2023_.pdf (дата обращения: 24.12.2023).
12. *Михалев О.Ю.* Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине // Современная Европа. — 2022. — № 5. — С. 34–47. — URL: https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=modeur&year=2022&vol=2022&iss=5&file=ModEur_2205003Mikhalev.pdf (дата обращения: 23.12.2023).
13. *Михалев О.Ю.* Приоритеты политики Польши в отношении Украины // Современная Европа. — 2023. — № 6. — С. 38–48. — URL: <http://www.sov-europe.ru/2023-6/priority-politiki-polshi-v-otnoshenii-ukrainy.html> (дата обращения: 23.12.2023).
14. Польша и Украина поговорили как сосед с соседом // Коммерсантъ. — 22.12.2023. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6424986> (дата обращения: 24.12.2023).
15. *Русакова М.Ю.* Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве // Современная Европа. — 2021. — № 1. — С. 52–61. — URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/1-2021/Rusakova-1-21.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
16. Чехия вышлет 18 российских дипломатов // РБК. — 17.04.2021. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2021/607b225d9a794730673878fb> (дата обращения: 23.12.2023).
17. *Шишелина Л.Н.* Венгрия и конфликт на Украине // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — № 3. — С. 26–36. — URL: <http://vestnikieran.institutefeurpe.ru/images/3-2023/Shishelina32023.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
18. *Шишелина Л.Н.* Драматический weekend российско-чешских отношений / РСМД. — 2021. — 28 апр. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dramaticheskii-weekend-rossiysko-cheshskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 23.12.2023).
19. *Шишелина Л.Н.* и др. Вишеградские страны на фоне украинского кризиса. — М.: Ин-т Европы РАН, 2023. — 126 с. — (Доклады Института Европы). — URL: <http://visegradeuropa.eu/wp-content/uploads/2023/12/405.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
20. *Щербакова Ю.А.* Словацкие политики и отношения Словакии с Россией и ЕС. Страны Восточной Европы и Россия: развитие отношений в 2005–2015 гг. — М.: ИНИОН РАН, 2015. — 139 с. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovatskie-politiki-i-otnosheniya-slovakii-s-rossiey-i-es/viewer> (дата обращения: 21.12.2023).
21. Afera po słowach Tuska. Kto stoi za KPO? // Money.pl. — 15.12.2023. — URL: <https://www.money.pl/gospodarka/donald-tusk-oglasza-5-mld-euro-z-kpo-dla-polski-pis-zarzuca-partyjna-blazenade-6973983489334048a.html> (accessed: 24.12.2023).
22. Conclusions of the Heads of delegations of the V4 Parliamentary Agricultural Committees (Bratislava, 14 October 2022) // Visegradgroup.eu. — 14.10.2022. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=507> (accessed: 16.08.2023).
23. Conclusions of the Heads of delegations of the V4 Parliamentary Economic Affairs Committees (Bratislava, 23–24 October 2022) // Visegradgroup.eu. — 24.10.2022. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=508> (accessed: 16.08.2023).
24. Declaration of the Defence and Security Committees of Parliaments of the Visegrad Group // Visegradgroup.eu. — 04–05.12.2022. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=509> (accessed: 18.08.2023).
25. Framework for an Enhanced Visegrad Group Defence Planning Cooperation // Visegradgroup.eu. — 09.11.2022. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=505> (accessed: 17.08.2023).
26. It will cost dearly. Duda on Orban's position on Ukraine // World Today News. — 27.03.2022. — URL: <https://www.world-today-news.com/it-will-cost-dearly-duda-on-orbans-position-on-ukraine/> (accessed: 22.12.2023).

27. Joint Declaration of the Ministers of Agriculture of the Visegrad Group and Bulgaria, Croatia, Romania, and Slovenia on the challenges and opportunities of Member States in relation to EU carbon farming initiatives // Visegradgroup.eu. — 07.10.2022. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=506> (accessed: 16.08.2023).
28. Official website of the Visegrad Group (V4): the Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia. Calendar of selected events // Visegradgroup.eu. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar> (accessed: 16.08.2023).
29. Premierzy V4 w Bratysławie o wspólnych interesach i dalszej współpracy // Euractiv.pl. — 27.06.2023. — URL: <https://www.euractiv.pl/section/bezpieczenstwo-i-obrona/news/premierzy-v4-w-bratyslawie-o-wspolnych-interesach-i-dalszej-wspolpracy/> (accessed: 14.08.2023).
30. Przywódcy krajów Grupy Wyszehradzkiej jednym głosem podczas szczytu w Bratysławie: Nie zgadzamy się na przymusowe kwoty migrantów! // Wacławfelczak.com. — 26.06.2023. — URL: <https://www.waclawfelczak.com/node/4472> (accessed: 15.08.2023).
31. Szczyt Grupy Wyszehradzkiej w Bratysławie. Premierzy państw grupy dyskutują o zagrożeniach regionu // Polsatnews.pl. — 26.06.2023. — URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc-amp/2023-06-26/szczyt-grupy-wyszehradzkiej-w-bratyslawie-premierzy-panstw-grupy-dyskutuja-o-zagrozeniach-regionu/> (accessed: 18.08.2023).
32. Visegrad Declaration 1991 // Visegradgroup.eu. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (accessed: 15.08.2023).
33. Visegrad Declaration 2004 // Visegradgroup.eu. — URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1> (accessed: 15.08.2023).

Секачева Алла Борисовна,

кандидат экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alla B. Sekacheva,

Candidate of Economic Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: aline_ph@rambler.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОСОЮЗА СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

THE CURRENT STATE OF THE EU'S ENERGY RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF NORTH AFRICA AND THE PROSPECTS FOR THEIR DEVELOPMENT

Аннотация: энергетический сектор Евросоюза в настоящее время находится в сложном положении. Санкционная политика ЕС в отношении России, проводимая во многом под давлением США, привела к тому, что энергетика стала одним из наиболее пострадавших секторов европейской экономики. Поскольку Российская Федерация в последнее десятилетие являлась самым крупным поставщиком энергоносителей в Европу, то возникла острая необходимость найти ей замену среди других стран. В связи с этим возникло повышенное внимание Евросоюза к североафриканским государствам, прежде всего к Алжиру, Ливии и Египту, в которых имеются значительные запасы углеводородов.

Вместе с тем найти общие точки соприкосновения в отношениях со странами Северной Африки Евросоюзу будет непросто, поскольку все они в разные периоды своей истории являлись колониями западноевропейских государств и негативное восприятие их политики сохраняется до сегодняшнего дня. К тому же функционирующая в настоящее время система неэквивалентного обмена в торговых отношениях ЕС с североафриканскими странами не позволяет ему в одностороннем порядке, как это было ранее, диктовать свои условия по добыче, обработке и последующему экспорту энергоносителей из данного региона.

Ключевые слова: Евросоюз, Северная Африка, климатическая политика, энергетика, экономические отношения.

Abstract: the energy sector of the European Union is currently in a difficult situation. The EU's sanctions policy against Russia, carried out mostly under pressure from the United States, has led to the fact that energy has become one of the most affected sectors of the European economy. Since the Russian Federation has been the largest energy supplier to Europe in the previous decade, there is an urgent need to find its replacement among other countries. In this regard, the European Union increased attention to the North African states, first of all, to Algeria, Libya and Egypt, which have significant hydrocarbon reserves.

At the same time, it will not be easy for the European Union to find common ground in relations with the countries of North Africa, since all of them were colonies of Western European states at different periods of their history, and the negative perception of their policies continues up to nowadays. In addition, the currently functioning system of non-equivalent exchange in the EU's trade relations with North African countries does not allow it to dictate unilaterally its conditions for the extraction, processing and subsequent export of energy resources from this region, as it was before.

Key words: the European Union, North Africa, climate policy, energy, economic relations.

Введение

В последние десятилетия среди всех субъектов мировой экономики Евросоюз наиболее последовательно настаивал на ускорении перехода от традиционной энергетики, основанной на добыче и использовании углеводородов, к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), прежде всего солнечной и ветровой. Для обеспечения данного перехода в ЕС были разработаны и вступили в силу многие нормативные правовые документы по климатической политике, основной целью которых является решение экологических проблем, вызванных потреблением углеводородов. В частности, поставлена задача — достичь их нулевого выброса в атмосферу (углеродной нейтральности) к 2050 году. При этом стандарты в отношении охраны окружающей среды ЕС пытается внедрить на глобальном уровне и закрепить в международном праве. Он постепенно навязывает их развивающимся странам, в том числе государствам Северной Африки. Такая стратегия получила распространённое название «экологического колониализма», и в настоящее время она является одним из компонентов созданной в середине XX века неокOLONIALЬНОЙ системы взаимодействия стран Западной Европы с североафриканскими государствами после получения ими формальной независимости. Это позволило бывшим метрополиям сохранить неэквивалентный обмен товарами и услугами в отношениях со своими прежними колониями, продолжать беспрепятственно эксплуатировать месторождения полезных ископаемых, в первую очередь энергоресурсов, и стимулировать вывоз капитала. Данная политика стала одной из основных причин роста социально-экономической дифференциации, усиления политической нестабильности, возникновения разного рода вооружённых конфликтов в Северной Африке.

Влияние климатической политики Евросоюза на энергетические отношения со странами Северной Африки

Поскольку ЕС присоединился к Парижскому соглашению по климату, инициированному в 2015 году, то уже в 2018 году в соответствии с требованиями данного Соглашения Еврокомиссией (ЕК) была разработана долгосрочная стратегия до 2050 года «Чистая планета для всех» — европейское стратегическое долгосрочное видение процветающей, современной, конкурентоспособной и климатически нейтральной экономики. В соответствии с этой стратегией проводится модернизация энергетического сектора [7]. Дальнейшим этапом в ЕС стало принятие ЕК в 2019 году ряда политических и законодательных инициатив под названием «Европейский зеленый курс», предусматривающий резкое увеличение доли ВИЭ в энергетике Европы [9]. В рамках данного курса в мае 2022 года вступила в силу 8-я Программа действий в области окружающей среды до 2030 года, в которой поставлена задача — добиться постепенного отказа от субсидий на ископаемое топливо [14].

Следует отметить, что Евросоюзу удалось добиться определенных успехов в своей климатической политике. Так, в 2022 году ветряные и солнечные электростанции произвели 22% электроэнергии в ЕС, газовые — 20%, угольные — 16% [2]. Как указано на официальном сайте Всемирного экономического форума (ВЭФ), выбросы парниковых газов в ЕС во всех секторах экономики снизились на 32% с 1990 по 2020 год. При этом в энергетической отрасли произошло их наибольшее сокращение — на 46%. В дальнейшем, к 2030 году, планируется более чем вдвое уменьшить их объемы [33], в то время как в США и Китае они только возрастают.

Тем не менее большинство экспертов отмечают, что отказаться от использования традиционных энергоносителей (нефти, газа и угля) в энергетике Евросоюзу в ближайшей перспективе не удастся. Данное утверждение доказательно еще тем, что в глобальном масштабе восстановление экономической активности после пандемии коронавируса привело к увеличению мирового спроса на энергию примерно на 4%, большая часть которого была удовлетворена за счет ископаемого топлива [25]. По данным ООН, несмотря на рекордный рост использования ВИЭ (в 2021 г. — увеличение на 17%), в середине 2022 года мир столкнулся с крупнейшим за всю историю

энергетическим кризисом. Как считают эксперты ООН, данный кризис усугубился специальной военной операцией (СВО) России на Украине, и поэтому «цены на ископаемое топливо — уголь, нефть и природный газ — уже к концу 2021 г. резко выросли, что создало угрозу энергетической бедности для миллиардов людей» [26].

Вместе с тем после начала СВО политика Евросоюза под давлением США¹ была направлена на ускоренный отказ от импорта российских углеводородов (план REPowerEU). Такое решение потребует от ЕС, с одной стороны, резкого снижения потребления углеводородов, а с другой — диверсификации поставок природного газа. В любом случае необходимы будут дополнительные инвестиции, в том числе в повышение энергоэффективности, увеличение доли ВИЭ, развитие инфраструктуры, наращивание импорта СПГ и трубопроводных поставок из «нероссийских источников», а также ускорение производства возобновляемого водорода и биометана [19].

Из «нероссийских источников» энергетических ресурсов наибольший интерес для ЕС вследствие длительных исторических связей и тесных экономических отношений представляют страны Северной Африки. Они относятся к числу наиболее развитых экономик Африканского континента (около 1/3 его совокупного ВВП), а географическое положение этих государств делает их, по мнению европейских исследователей, естественными партнерами ЕС [34].

Энергетические ресурсы в странах Северной Африки и проблемы их добычи и экспорта

Согласно классификации ООН к региону Северной Африки относится Алжир, Египет, Западная Сахара, Ливия, Марокко, Судан и Тунис [27]. В некоторых западных источниках в североафриканскую зону включают также Мавританию, Южный Судан, Канарские острова, Эфиопию, Эритрею и Мадейру, но исключают признанную отдельными государствами ООН Западную Сахару. Из этих стран Алжир, Ливия, Марокко и Тунис также входят в объединение Магриб, которое исторически является западной частью Арабского мира. В России к Северной Африке относят Алжир, Египет, Ливию, Марокко, Судан, Тунис и Мавританию.

¹ Так, еще в 2018 году Президент США Д. Трамп заявил, что Германия получает слишком много энергоносителей из России (около 60–70%) и «находится у нее в плену». *Источник:* [28].

Североафриканские страны, главным образом Алжир, Ливия и Египет, обладают 4% мировых запасов нефти и газа, и на их территории находятся около 40 крупных месторождений углеводородов. В настоящее время на нефть и газ из стран Северной Африки и Ближнего Востока (от Марокко на западе до региона Загрос в Иране на востоке) приходится около 44% от их общего объема в мире [22].

Для ЕС, который стремится стать мировым лидером в зеленой энергетике, определяющим фактором в двусторонних отношениях выступает то, что Северная Африка не только является важнейшим нефтегазодобывающим регионом мира, но и обладает потенциалом стать одним из центров производства ВИЭ в мировой энергетике. Этому способствует благоприятное географическое положение субрегиона между Европой, Африкой и Ближним Востоком, что делает его стратегически важным транзитным коридором для глобальных энергетических рынков. Поскольку в настоящее время североафриканские страны сталкиваются с рядом сложных социально-экономических трудностей, прежде всего бедностью, а также с высоким уровнем структурной безработицы в контексте быстрого демографического роста, то энергетические ресурсы являются важнейшим товаром, позволяющим им разрешить указанные проблемы. Текущая ситуация в этих странах в сфере энергетики характеризуется динамичным ростом спроса на энергию, низкой энергоэффективностью и невысокими внутренними ценами на энергоносители из-за значительных субсидий на их использование [31].

Нефтегазовые запасы Северной Африки, как уже указывалось ранее, в основном сосредоточены в трех странах — Алжире, Ливии и Египте. Так, в 2010-е годы добыча и последующий экспорт углеводородов являлись весомыми статьями внешней торговли Алжира и главными источниками пополнения его финансовых ресурсов — они составляли примерно 1/3 часть ВВП страны, около 60% доходов государственного бюджета, 95% стоимостного объема экспорта. Эта страна занимает 10-е место в мире по запасам природного газа и экспортирует примерно половину его добычи. Главным торговым партнером Алжира является Евросоюз, и порядка 50% его внешнеторговых операций осуществляется со странами — членами данного интеграционного объединения.

При этом Франция и Италия традиционно являются лидерами во внешнеторговых связях с этой страной.

Продукция горнодобывающей промышленности Алжира составляет более 96% алжирского экспорта в ЕС, и он является третьим по величине поставщиком энергоносителей в Европу [8]. Однако отказ Парижа признать преступления в Алжире в период его колониального правления могут негативно отразиться на поставках энергоносителей во Францию и одновременно «на ее имидже и влиянии в Северной Африке, а также в регионе Сахеля и Сахары» [1].

Другая североафриканская страна — Ливия — обладает самыми большими доказанными запасами сырой нефти в Африке, которую она экспортирует в основном на европейские рынки. Кроме того, на ее территории находятся пятые по величине доказанные запасы природного газа на континенте. В 2011 году экспорт углеводородов из Ливии практически полностью прекратился, и в этой стране на фоне гражданской войны возник острый экономический кризис (реальный ВВП сократился на 60% за год), который не преодолен до настоящего времени. Поскольку нефтяная отрасль является главным сектором национальной экономики и основным источником валютных доходов, то борьба за контроль над ней стала основной причиной вооруженных столкновений между разными политическими силами. Поэтому добыча нефти в 2017 году достигла пятилетнего максимума и стимулировала рост ВВП [14]. Вместе с тем политическая нестабильность и высокий уровень коррупции не позволяют этой стране наладить полномасштабное торгово-экономическое сотрудничество с другими странами и, прежде всего, с ЕС.

Египет является третьим по величине производителем природного газа в Африке после Алжира и Нигерии. В настоящее время он его экспортирует с шельфовых месторождений, освоенных американской компанией «Chevron». В свою очередь, итальянская корпорация «Eni» в декабре 2017 года начала добычу газа на крупнейшем в Средиземном море месторождении Зохран, находящемся в морской экономической зоне Египта. Помимо этого контроль над Суэцким каналом и эксплуатация нефтяного трубопровода Суэц-Средиземноморье (SUMED) являются весомыми статьями доходов государственного бюджета этой страны [31].

Вместе с тем односторонняя ориентация этих североафриканских стран на добычу и экспорт энергоносителей является одной

из главных причин возникающих в них структурных социально-экономических и финансовых дисбалансов. Так, профессор итальянского филиала американского университета Джона Хопкинса Симона Тальяпьетрана небезосновательно полагает, что стратегии получения ресурсной ренты в данных государствах «наносит ущерб экономическому росту и ставят экономику и государственные бюджеты в зависимость от одного сектора и одного товарного рынка, который, кроме того, неустойчив». Но одновременно она указывает, что в странах Северной Африки цены на энергоносители искусственно занижены для всех потребителей не только по социальным, но и по политическим причинам. Поэтому Тальяпьетрана в духе либеральных экономических концепций считает, что «эти всеобщие субсидии на потребление энергии являются сильным сдерживающим фактором для более рационального и эффективного использования энергии и инвестиций в энергетический сектор, включая ВИЭ» [31].

Такое мнение автора сложно разделить. Вопрос, конечно, не в субсидиях, без которых невозможно поддерживать хотя бы минимальный прожиточный уровень в североафриканских странах. Существующая в них длительное время неокOLONиальная модель экономики препятствует решению неотложных социально-экономических задач и не способствует экономическому росту. Поэтому возникает стремление этих государств перейти на новый уровень развития и таким образом избавиться от односторонней ориентации на Западную Европу. Так, представитель Ливии М.А. Лихниаш на международной конференции «Продовольственная и энергетическая безопасность в Северной Африке в условиях глобального многогранного кризиса» (октябрь 2022 г.) отметил, что настало время для государств региона снизить свою зависимость от импорта, больше полагаться на региональные цепочки создания стоимости, перейти к внедрению ВИЭ и эффективно использовать человеческий капитал.

Представители других стран Северной Африки указали на проблемы, препятствующие решению этих задач. В частности, они отметили, что ограниченный доступ к продовольствию и энергии связан с сохраняющимися структурными диспропорциями, включая ограниченную диверсификацию, низкую долю внутрорегиональной торговли и невысокую производительность сельского хозяйства.

Вследствие указанных факторов «необходимость укрепления продовольственной и энергетической безопасности ставится на первое место в политической повестке дня Северной Африки» [30].

Такие тенденции развития в североафриканских странах учитываются в энергетической политике ЕС. Поэтому основной упор в ней сделан на ускоренное развитие зеленой энергетики, которое, по замыслу европейских политиков, будет способствовать не только решению экологических проблем, но и обеспечению энергетической независимости Евросоюза, что позволит ему по-прежнему диктовать свои условия в отношениях с североафриканскими странами.

Перспективы энергетического взаимодействия Евросоюза со странами Северной Африки

Как уже отмечалось ранее, Евросоюзу удалось добиться определенных успехов в создании зеленой энергетики. Кроме того, после начала СВО России на Украине энергетическая политика Брюсселя ориентирована на ускоренный отказ от импорта российских углеводородов (план REPowerEU). Для решения вопроса об энергопоставках в ЕС из нероссийских источников значение североафриканских стран для ЕС резко возрастает. Поэтому особое внимание в последние годы Брюссель уделяет расширению взаимодействия с ними в энергетической сфере, прежде всего с тремя ресурсобеспеченными странами этого региона — Алжиром, Ливией и Египтом.

Вместе с тем можно предположить, что сохранить прежнюю модель взаимоотношений со странами Северной Африки Евросоюзу будет весьма проблематично. Кроме того, способность указанных стран увеличить экспорт в краткосрочной перспективе ограничена, и поэтому любое значительное увеличение добычи энергоносителей потребует крупных инвестиций. Так, на 27-й Конференции ООН по вопросам изменения климата, которая прошла с 6 по 18 ноября 2022 года в Египте, были сделаны заявления о необходимости поддерживать финансирование развивающихся стран, а также передать технологии, которые позволят снизить негативные последствия от изменения климата [3, с. 13]. Другими словами, Евросоюзу придется не только обеспечить приток инвестиций в Северную Африку, но и пойти на определенные уступки североафриканским странам при реализации совместных проектов.

Так, например, до начала СВО России на Украине валовая добыча сырой нефти и природного газа в Алжире постепенно сокращалась, главным образом из-за неоднократных задержек с реализацией проектов, вызванных бюрократическими препятствиями, трудностями с привлечением инвестиций, неразвитой инфраструктурой и техническими проблемами. И хотя, по оценкам западных экспертов, Алжир занимает 3-е место в мире по запасам сланцевого газа, но, учитывая удаленность его месторождений, отсутствие инфраструктуры и доступности к участкам, а также дорог и трубопроводов для транспортировки материалов и другие проблемы [31], наладить добычу газа без привлечения значительных инвестиций представляется трудновыполнимым мероприятием.

Ситуация существенно изменилась в последние годы. Американские журналисты М. Далтон и Э. Сильверс в своей статье во влиятельной деловой газете «The Wall Street Journal» от 12 сентября 2023 года отметили, что Европа твердо намерена заменить российский газ поставками из Алжира и Азербайджана. Они указали, что в пустыне Сахара итальянская энергетическая корпорация «Eni» совместно с алжирской государственной корпорацией «Sonatrach» в течение 2023 года ввела в строй десятки скважин, из которых добывается природный газ для последующего экспорта в Евросоюз. В статье указывается, что три трубопровода, проложенные по дну Средиземного моря, перекачивают значительные объемы алжирского газа для европейских потребителей. В настоящее время, по утверждению Далтона и Сильверса, алжирские официальные лица устанавливают деловые контакты с предполагаемыми покупателями в Германии, Нидерландах и других странах ЕС, предлагая им заключить выгодные двусторонние газовые сделки. Так, корпорация «Eni» планирует резко увеличить экспорт газа из Алжира в ЕС в последнем квартале 2023 года. Алжирское правительство проводит также переговоры с американскими энергетическими корпорациями «Chevron» и «Exxon Mobil», которые позволят им впервые добывать газ в этой стране [13].

Наряду с этим можно предположить, что попытки США и других стран — членов ЕС обойти Францию, которая традиционно считает Алжир зоной своего влияния, в вопросах поставок природного газа могут обострить противоречия внутри западного блока. Неясно также, каким образом увеличение экспорта природного газа

повлияет на энергетическую стратегию Евросоюза, поскольку в его официальных документах предусматривается постепенная декарбонизация газового сектора [12].

Для американских журналистов вполне понятно, что между Алжиром и Россией установились давние дружеские отношения, поскольку эта страна закупает значительное количество российского вооружения и военной техники. В то же самое время они утверждают, что потребности ЕС в алжирском газе «стали испытанием для этих взаимоотношений» [13]. Но Россия никогда не ставила каких-либо условий Алжиру в отношении его внешнеэкономической политики, так как она и сама сейчас стремится восстановить нормальные экономические связи с Евросоюзом. Хотя санкционная политика Брюсселя и обусловила резкий рост мировых цен на энергоносители в 2023 году, но именно она позволила Алжиру добиваться более выгодных и справедливых договоренностей в торговле с европейскими странами. При этом он отнюдь не намерен менять свою политику в отношении России. Состоявшийся в июне 2023 года официальный визит Президента Алжира А. Теббуна в Москву и подписание Декларации о стратегическом сотрудничестве, в которой предусмотрена реализация большого количества совместных планов и программ — «от противодействия фальсификации истории до сотрудничества в области ядерных технологий» [4], подтверждают этот тезис.

Конфликт в Ливии, тоже давнем партнере России в североафриканском регионе, вследствие многих причин затянулся, и сейчас существует мало перспектив его разрешения в кратко- и среднесрочном периодах. В сущности в настоящее время единой политики по отношению к Ливии в Евросоюзе нет, но предполагается, что в случае полного распада этой страны, Брюссель будет играть ключевую роль в стабилизации ситуации и новом государственном строительстве [24]. Однако при любых сценариях развития событий одной из основных проблем в отношениях между политическими группировками этой страны будет оставаться контроль за экспортом нефти [26].

Что касается Египта, то, по утверждениям европейских экспертов, после недавних открытий природного газа в своей морской экономической зоне он может стать региональным газовым хабом, что принесло бы «пользу всем вовлеченным региональным игро-

кам» [31]. Таким образом, эта страна в перспективе способна наладить крупномасштабное производство сжиженного природного газа (СПГ), экологически чистого водорода и аммиака и, таким образом, стать значительным мировым энергетическим центром [6].

Вместе с тем основной упор в энергетических отношениях со странами Северной Африки, как уже указывалось ранее, Евросоюз делает на развитие зеленой энергетики. Как предполагается, в странах — экспортерах природного газа, таких как Алжир, Ливия и Египет, это позволило бы обеспечить его дополнительные поставки за счет снижения потребления на внутренних рынках, что даст возможность этим странам получать дополнительные доходы, если рост цен на газ будет иметь положительную динамику.

Действительно, страны Северной Африки имеют значительный потенциал солнечных и ветровых энергетических ресурсов, которые, по оценочным данным, принадлежат к рангу крупнейших в мире. Под давлением ЕС в рамках Парижского соглашения по климату все страны Северной Африки приняли планы по сокращению выбросов парниковых газов на период 2020–2030-х годов. Так, Алжир, Марокко и Тунис включили в них конкретные цели по внедрению ВИЭ, в то время как Египет утвердил аналогичные цели в рамках национальных энергетических стратегий (табл. 1).

При этом страны Северной Африки обязались за счет собственных усилий добиться лишь незначительного сокращения выбросов парниковых газов, но пообещали гораздо более существенные действия только в том случае, если будет предоставлена внешняя финансовая поддержка.

Таблица 1

Обязательства стран Северной Африки по снижению объемов выбросов парниковых газов [31]

Страна	Безусловные цели по сокращению выбросов	Условные цели по сокращению выбросов	Меры по внедрению ВИЭ
Алжир	7% к 2030 г. по сравнению с BAU ¹	К 2030 г. на 22% по сравнению с BAU	27% в производстве электроэнергии к 2030 г.

¹ BAU — business as usual (политика, принятая до подписания Парижского соглашения).

Окончание таблицы 1

Египет	<i>Конкретная цель не определена</i>	<i>Конкретная цель не определена</i>	<i>Не определено</i> По официальным данным, 42% в производстве электроэнергии к 2035 г.
Марокко	17% к 2030 г. по сравнению с ВАУ	42% к 2030 г. по сравнению с ВАУ	52% в производстве электроэнергии к 2030 г.
Тунис	13% к 2030 г. по сравнению с 2010 г.	41% к 2030 г. по сравнению с 2010 г.	30% производства электроэнергии к 2030 г.

По оценкам Всемирного банка, только Египту и Марокко потребуется около 100 млрд долл. инвестиций в производство ВИЭ в период с 2016 по 2030 год для достижения поставленных целей. Считается, что североафриканские государства могут существенно расширить масштабы их внедрения при содействии международных частных инвестиций. Однако разные барьеры, прежде всего правовые и финансовые, продолжают препятствовать более активному участию международных инвесторов в развитии зеленой энергетики в регионе Северной Африки [31]. Таким образом, международное финансирование призвано сыграть решающую роль в содействии достижению целей Парижского соглашения по климату в странах Северной Африки и, следовательно, в содействии широкомасштабному внедрению ВИЭ. В конечном счете развитие зеленой энергетики в этих государствах рассматривается ЕС как возможное решение энергетических потребностей Европы. Так, итальянская энергетическая группа «Eni» и алжирская компания «Sonatrach» планируют в конце 2023 года начать строительство третьей по счету солнечной установки в Алжире.

Ветровая энергетика имеет значительные перспективы в Марокко, на побережье которого наблюдаются высокие скорости ветра, имеющие постоянную динамику, что даст возможность обеспечить большую выработку электроэнергии [20], поскольку эта страна не имеет значимых запасов углеводородов. В русле такой политики в 2022 году Брюссель и Рабат подписали так называемое

Зеленое партнерство, которое направлено на продвижение внешнего измерения Европейского зеленого соглашения «посредством действий на местах». Существующие интерконнекторы между Марокко и Испанией, которые с 2019 года экспортируют электроэнергию на Пиренейский полуостров, могут быть использованы для подключения к европейской энергосистеме. В перспективе рассматривается также проект прокладки подводного кабеля из Марокко в Великобританию стоимостью 22 млрд долл.

Такую деятельность европейских государственных и корпоративных структур в североафриканских странах часто называют новой формой «экологического колониализма, который обеспечивает энергией Европу за счет коренного населения Северной Африки». При этом развитие зеленой энергетики не только не снижает напряженность в регионе, но часто усиливает ее. Так, например, строительство, а затем введение в эксплуатацию ветряной электростанции в Западной Сахаре, профинансированные марокканским правительством, вызвали протест Фронта Полисарио, который обвинил соседнюю страну в «закреплении оккупации». Кроме того, начиная с 2021 года снова обострились давние противоречия между Марокко и Алжиром, в том числе по энергетическим вопросам.

Что касается Ливии, то существует экспертное мнение, что переход к зеленой энергетике в этой стране может позволить восстановить ее экономику на устойчивой основе [6]. Данное суждение опирается на оценки Международного энергетического агентства, аналитики которого утверждают, что почти 90% мирового производства электроэнергии в 2050 году будет обеспечиваться за счет ВИЭ, из которых на солнечную и ветровую энергетику придется почти 70% [23].

Безусловно, Евросоюз и европейские корпорации заинтересованы в сохранении своего влияния в Северной Африке, и поэтому они разрабатывают экономические проекты, в том числе высокотехнологичные, к реализации которых планируют привлечь страны этого региона. Одной из таких наукоемких разработок в ЕС является водородная энергетика, и особое место в ее планах отведено Северной Африке, на долю которой, как прогнозируется, будет приходиться до 80% поставок в Европу данного энергоносителя. Вместе с тем эти планы подвергаются вполне обоснованной критике. Например, компания «Eni» взяла обязательство

построить в Алжире завод по производству экологически чистого водорода, но в таком случае стоимость единицы энергии будет в 11 раз больше, чем у природного газа. И таких несоответствий в энергетической стратегии ЕС на африканском направлении достаточно много [18].

Используя экономический кризис в ЕС, североафриканские страны пытаются реализовывать проекты в энергетической сфере, ориентированные на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. Так, например, в Египте в 2019 году начато строительство нефтехимического комплекса «Тахрир» стоимостью 11 млрд долл., который кроме нефтепродуктов будет производить этилен, полиэтилен и полипропилен. Ожидается, что его строительство будет завершено в 2026 году [32].

В Марокко особое внимание в национальных проектах уделяется производству СПГ. В этой стране планируют создать терминал сжиженного природного газа стоимостью 4,6 млрд долл., поскольку правительство Марокко намерено увеличить долю СПГ в энергетическом секторе до 13% к 2025 году. В Тунисе газопровод «Южный Тунис» стоимостью 1,6 млрд долл. проложен с целью сократить импорт природного газа, так как 90% энергии в этой стране вырабатывается газовыми электростанциями, но 50% газа поступает от внешних источников [10].

Вместе с тем следует указать, что стремление по-прежнему использовать углеводороды в национальных энергетических системах встречает сопротивление среди влиятельной части африканской элиты, поддерживающей зеленый курс Евросоюза и его климатическую политику. Так, по данным американской неправительственной организации «Energy Monitor», в Африке в стадии реализации находятся новые газовые проекты на сумму 400 млрд долл., которые, по мнению многих экологических организаций континента, «лучше было бы потратить на новую зеленую экономику» [16].

Но такую точку зрения не разделяют многие африканские экономисты. Европейские корпорации, как показывают объективные данные, доминируют на энергетических рынках Африки, не планируя при этом передачу местным предприятиям современных технологий. Любые переговоры по данному вопросу, по оценкам африканских аналитиков, — «это фарс». «Поддержка, получаемая от правительств стран базирования, в форме репатриации

прибыли в размере почти 100%, а также создание рабочих мест за счет аутсорсинга для граждан этих государств объясняют, почему филантропическая деятельность многонациональных корпораций вызывает сомнения» [21]. В данном случае не являются исключением страны Ближнего Востока и Северной Африки (MENA), которые, по мнению иранских экономистов, невзирая на высокий уровень безработицы, дефицит бюджета, низкий доход на душу населения, значительную внешнюю задолженность, рост неравенства, в настоящее время сталкиваются с серьезной проблемой оттока капитала [17].

В связи с указанными проблемами, по оценке консалтинговой компании «Fitch Solutions», большинство стран Северной Африки не смогли решить свои социально-экономические проблемы в 2023 году, что привело к замедлению экономического роста с 4,7% в 2022 году до 2,8% в 2023 году. Без сомнения, это негативно отразилось на реализации перспективных энергетических проектов, а «повышенные политические риски на фоне широко распространенного социального недовольства являются ключевой угрозой макроэкономической стабильности в регионе» [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что энергетическое взаимодействие Евросоюза со странами Северной Африки вступило в период длительной неопределенности, во многом обусловленной усилением геополитической напряженности в разных регионах мира, связанной с попытками Запада сохранить доминирующую роль в мировой политике и экономике.

Заключение

Проблемы в энергетических отношениях ЕС со странами Северной Африки возникли еще до начала СВО России на Украине, и они обусловлены не столько экономическими, сколько политическими причинами. «Неспособность отвечать на актуальные вопросы политической повестки дня и отсутствие нового взгляда на ситуацию привели к кризису элит и партийно-политических систем европейских стран» [5, с. 7].

В настоящее время такая ситуация в Евросоюзе только усугубилась, что не может не отражаться на перспективах реализации энергетических проектов в Северной Африке с участием европейских компаний. В перспективе для ЕС будет всё труднее выдерживать

конкуренцию с Россией и Китаем в этом регионе, поскольку у этих стран нет тяжелого груза, связанного с колониальным прошлым Северной Африки. Вследствие этого североафриканские страны не склонны безоговорочно следовать заодно с антироссийской и антикитайской политикой Запада, особенно в исключительно важной для них сфере энергетики. Поэтому для того, чтобы сохранить свое влияние в Северной Африке, Евросоюз будет вынужден идти на уступки североафриканским странам в таком чувствительном для обеих сторон вопросе, как энергетика. При этом формирование полицентричной модели мироустройства дает весомые шансы государствам Северной Африки повысить свой статус в мировой экономике и в целом в системе международных отношений, что позволит им использовать свои энергетические ресурсы для решения назревших социально-экономических проблем.

Литература

1. *Амира А.* Макрон отказался извиняться за колониальное прошлое. Чем ответят алжирцы? — URL: <https://inosmi.ru/20230116/>.html (дата обращения: 12.01.2023).
2. В ЕС доля энергии из возобновляемых источников впервые обогнала долю газа. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2023/> (дата обращения: 29.07.2023).
3. *Жильцов С.С.* Климатическая повестка: проблемы и новые вызовы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2023. — № 1 (35).
4. Новый этап отношений. О чем договорился Путин с президентом Алжира. — URL: <https://ria.ru/20230615/afrika-1878380478.html?ysclid=lnusgl7mg6578912894> (дата обращения: 20.09.2023).
5. *Яковенко А.В.* Европа в эпоху перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2020. — № 1 (23).
6. Achref Chibani. Green Power Politics in North African Countries: Continuity or Change? — March 1, 2023. — URL: <https://arabcenterdc.org/resource/green-power-politics-in-north-african-countries-continuity-or-change> (accessed: 19.07.2023).
7. A Clean Planet for all — A European strategic long-term vision for a prosperous, modern, competitive and climate neutral economy. — 28.11.2018. — COM (2018) 773. — URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (accessed: 21.05.2023).
8. *Adel Abdel Ghafar.* Toward a recalibration of EU-North Africa relations. — 31 May 2017. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/toward-a-recalibration-of-eu-north-africa-relations/> (accessed: 15.10.2023).
9. A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent. — December 11, 2019. — URL: <https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/> (accessed: 21.07.2023).
10. Africa Oil & Gas Project Watch: North Africa. — URL: <https://africa-oilweek.com/Articles/africa-oil-gas-project-watch-north-africa> (accessed: 29.10.2023).
11. Another Challenging Year For North African Economies. — November 9, 2022. — URL: <https://www.fitchsolutions.com/country-risk/another-challenging-year-north-african-economies-09-11-2022> (accessed: 20.10.2023).
12. Clean energy. The European Green Deal. — December 2019. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_19_6723 (accessed: 20.05.2023).
13. *Dalton M., Sylvers E.* The Unexpected New Winners in the Global Energy War. — September 12, 2023. — URL: <https://www.wsj.com/world/europe/global-energy-europe-russia-africa-gas-ab98af2f> (accessed: 16.10.2023).

14. Economy of Libya. — URL: <https://fanack.com/libya/economy-of-libya>. — June 10, 2020 (accessed: 17.01.2023).
15. Environment Action Programme to 2030. — May 2, 2022. — URL: <https://environment.ec.europa.eu/strategy/environment-action-programme-2030> (accessed: 27.06.2023).
16. Ferris N. Exclusive: African civil society speaks out against continent's \$400bn gas trap. — September 14, 2022. — URL: <https://www.energymonitor.ai/power/exclusive-civil-society-speaks-out-against-africa-400bn-gas-trap/?cf-view> (accessed: 29.10.2023).
17. Heydari Hassan, Jariani Farzaneh. Analyzing Effective Factors of Capital Outflow from the Middle East and North African Countries (MENA). — December 2020. — URL: https://www.researchgate.net/publication/347190608_Analyzing_Effective_Factors_of_Capital_Outflow_from_the_Middle_East_and_North_African_Countries_MENA (accessed: 22.10.2023).
18. Hydrogen from North Africa — a neocolonial resource grab. — URL: <https://corporateeurope.org/en/2022/05/hydrogen-north-africa-neocolonial-resource-grab> (accessed: 29.07.2023).
19. Implementing the repower EU action plan: investment needs, hydrogen accelerator and achieving the bio-methane targets. — May 18, 2022. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT> (accessed: 28.07.2023).
20. Isenburg T. Wind energy in North Africa. — December 6, 2022. — URL: <https://medienbuero-afrika.de/wind-energy-in-north-africa/> (accessed: 31.10.2023).
21. Lere Amusan. Multinational Corporations' (MNCs) Engagement in Africa. — April 2018. — URL: https://www.researchgate.net/publication/327308549_Multinational_corporations'_engagement_in_Africa_messiahs (accessed: 20.10.2023).
22. Lučić D., Bosworth W. Regional Geology and Petroleum Systems of the Main Reservoirs and Source Rocks of North Africa and the Middle East. — URL: <https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-96794> (accessed: 29.10.2023).
23. Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector. — October 2021. — URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (accessed: 15.10.2023).
24. Pusztai W. Libya's conflict. — November 4, 2019. — URL: <https://www.iss.europa.eu/content/libyas-conflict> (accessed: 20.04.2023).
25. Renewables 2022 Global Status Report. — URL: <https://www.ren21.net/gsr-2022> (accessed: 01.02.2023).
26. Renewables 2022 Global Status Report. — URL: <https://www.unep.org/resources/report/renewables-2022> (accessed: 01.02.2023).
27. Sakhri M. The Libyan Political Scene: Opposite Paths and Prospects for a Settlement. — August 20, 2022. — URL: <https://www.politics-dz.com/the-libyan-political-scene-opposite-paths-and-prospects-for-a-settlement> (accessed: 23.07.2023).
28. Schwartz I. Trump vs. NATO Sec: We're Supposed To Protect You While Germany Sends Billions To Russians, «Very Sad». — URL: <https://www.realclearpolitics.com/video/2018/07/11/.html> (accessed: 29.07.2023).
29. Standard country or area codes for statistical use (M49) / United Nations. — 2023. — URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/#geo-regions> (accessed: 26.03.2023).
30. Sustainable food production, trade and political stability can ensure food and energy security in North Africa. — October 18, 2022. — URL: <https://www.uneca.org/stories/> (accessed: 29.07.2023).
31. Tagliapietra S. Energy in North Africa: Challenges and Opportunities. — March 4, 2019. — URL: <https://atlantic-community.org/energy-in-north-africa-challenges-and-opportunities> (accessed: 29.07.2023).
32. Tahrir Petrochemicals Complex, Egypt's biggest of its kind. — February 20, 2023. — URL: <https://constructionreviewonline.com/projects/tahrir-petrochemicals-complex-egypts-biggest-petrochemicals-complex> (accessed: 19.07.2023).
33. The European Union has cut greenhouse gas emissions in every sector — except this one. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/09/eu-greenhouse-gas-emissions-transport> (accessed: 29.07.2023).
34. Wolff G.B., Dadush U., Demertzis M. Europe's role in North Africa: development, investment and migration. — April 8, 2017. — URL: <https://www.bruegel.org/policy-brief/europes-role-north-africa-development-investment-and-migration> (accessed: 26.09.2023).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Овчарук Александр Петрович,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва.

Alexandr P. Ovcharuk,

Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher,
Russian Academy of Sciences Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations Russian Academy
of Sciences, Moscow.

E-mail: oapetrovich@imemo.ru

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

POLAND'S POLICY IN THE UKRAINIAN CRISIS AND ITS CONSEQUENCES FOR RUSSIA

Аннотация: в представленной статье рассмотрена внешняя политика Республики Польша в отношении Украины за последние годы украинского кризиса. Основное внимание уделено динамике развития польско-украинских отношений в условиях формирования нового мирового порядка, усилившего противостояние между Россией и Западом, существенно осложнившего политико-экономическую ситуацию в Европе. Особенность польско-украинских отношений состоит в том, что они обусловлены многими противоречиями прошлого и настоящего, попытками националистических сил в Европе взять реванш после Второй мировой войны с использованием военно-политической ситуации на Украине, способной коренным образом изменить ее государственность и судьбу народа. Польша в украинском конфликте стала одним из главных спонсоров и вдохновителей киевского режима, через который она начала вмешиваться в экономическую, политическую и военную обстановку на Украине, создавая тем самым угрозу безопасности России. Этими обстоятельствами и вызвана актуальность данной темы, которая еще очень мало освещена в научной литературе. Цель исследования — рассмотреть состояние, основные тренды, приоритеты и перспективы отношений между Варшавой и Киевом, установить последствия, степень рисков для России и Украины от активного польского участия в украинском кризисе.

Ключевые слова: польско-украинские отношения, украинский кризис, Россия, Польша, Украина, НАТО, ЕС.

Abstract: the presented article considers the foreign policy of the Republic of Poland towards Ukraine in recent years of the Ukrainian crisis. The main attention is paid to the dynamics of the development of Polish-Ukrainian relations in the context of the formation of a new world order, which has intensified the confrontation between Russia and the West, significantly complicated the political and economic situation in Europe. The peculiarity of Polish-Ukrainian relations is that they are caused by many contradictions of the past and present, attempts by nationalist forces in Europe to take revenge after World War II using the military-political situation in Ukraine, which can radically change its statehood and the fate of the people. Poland is one of the main sponsors and inspirers of the Kiev regime in the Ukrainian conflict, through which it began to interfere in the economic, political and military situation in this country, thereby creating a threat to Russia's security. These factors are the reason for the relevance of this topic, which is still poorly covered in the scientific literature. The purpose of the study is to consider the state, main trends, priorities and prospects of between Warsaw and Kiev, to establish the consequences and degree of risks for Russia and Ukraine from active Polish participation in the Ukrainian crisis.

Key words: Polish-Ukrainian relations, Ukrainian crisis, Russia, Poland, Ukraine, NATO, EU.

Польско-украинские идеологические нарративы

В последнее десятилетие Республика Польша под влиянием США взяла курс на активное экономическое и военно-политическое ослабление Российской Федерации в целях недопущения ее становления в качестве одного из мировых центров силы. В этих целях она воспользовалась обстановкой на Украине, открыто поддержав там «оранжевую революцию» и приход к власти радикальных русофобских, националистических сил. Проукраинские политики Польши, используя антироссийские лозунги, призвали украинцев вступить в ЕС, НАТО и другие восточноевропейские союзы, которые якобы могут обеспечить им демократию, социально-экономическое благосостояние и безопасность. Как отмечают исследователи, «официальная Варшава последовательно стремилась поддержать укрепление прозападного вектора развития Украины» [7, с. 185] и с возникновением украинского военного конфликта, преследуя собственные интересы, оказала украинскому режиму всестороннюю политическую, военную и гуманитарную помощь.

Польское руководство усилило свое внимание к Украине в 2014 году после осуществления там государственного переворота, поддержав тогда украинскую оппозицию националистического толка [4, с. 142–154]. Оно выступило с резкой критикой присоединения Крыма к России, развернуло идеологическую работу по ориентации Украины на Запад, приняло участие в антироссийских санкциях и поставках вооружений в зону так называемой Антитеррористической операции (АТО) на Донбассе, а правящая

партия «Право и справедливость» (ПиС) встала под черно-красный флаг Украинской повстанческой армии (УПА) [2, с. 39–47]. Польша заметно усилила также милитаристскую политику, укрепляя собственные вооруженные силы и восточный фланг НАТО в Европе за счет военнослужащих и вооружений США.

Основная риторика поляков на тему украинского кризиса сводилась к тому, что якобы реализация планов России по дестабилизации Украины представляет угрозу европейской системе безопасности и украинцы защищают от «российской агрессии» не только себя, но и всю Европу. Тем самым польские политические силы настойчиво убеждали европейские государства в том, что они должны оказать Украине всяческую военную, финансовую и гуманитарную помощь, ускорить процесс ее принятия в члены ЕС и НАТО.

Благодаря совместным усилиям руководства обеих стран в последние годы несколько снизился уровень неприязни между украинцами и поляками, вызванной трагическими событиями исторического прошлого. На официальном уровне были приняты меры по примирению и формированию общей исторической памяти двух народов, развитию диалога, сглаживанию острых вопросов польско-украинских отношений в целях улучшения взаимопонимания и расширения добрососедских торгово-экономических связей. Польша оказала киевскому режиму реальную военную поддержку, хотя не безвозмездно — за счет других государств, а также временно приняла более 3,5 млн украинских переселенцев, выехавших из Украины за время проведения Россией специальной военной операции (СВО). В результате этого «на волне сочувствия к Украине Польше удалось стать заметной силой в проводимой на Западе антироссийской кампании» [8, с. 34–47]. Избранный в 2020 году на второй президентский срок А. Дуда в своей инаугурационной речи обещал украинским властям помочь в восстановлении полного суверенитета и территориальной целостности страны — возвращении Крыма и Донбасса, рассматривая Россию в качестве главного врага Польши на востоке.

Как показывает анализ, польско-украинские отношения стали сильно политизированными, обе стороны пытаются манипулировать историческими фактами, чтобы скрыть или сфальсифицировать правду, привлекая к этому беспринципных ученых. Исходящие из пропагандистской среды Польши и Украины

идеологические нарративы основаны на русофобии под видом критики советского прошлого с переносом всей исторической «ответственности» только на Россию и русских. Подобная идеологическая пропаганда не может сохранить устойчивость и долгосрочность двусторонних отношений, а лишь на определенное время снимает их остроту. К тому же их вектор определяется лично президентами и лидерами правящих партий двух стран, а не народами и общественно-политическими силами. Основными индикаторами будущего тренда польско-украинских отношений, как представляется, будут всё же не политические и конъюнктурные интересы, а социально-экономические и культурные условия для сближения поляков и украинцев.

Польско-украинские отношения в последнее время выстраивались на противоречивых государственных подходах. В частности, в январе 2018 года польские власти спровоцировали их обострение, приняв поправки к Закону об учреждении Института национальной памяти, которые запрещают пропаганду украинского национализма и вводят уголовную ответственность за отрицание преступлений украинских националистов. Члены ОУН-УПА, бандеровцы были признаны в Польше международными военными преступниками, а киевский режим, наоборот, принял Закон об их национальной героизации. Украинские власти отрицательно отреагировали на данное решение поляков, восприняв его как «оскорбление украинской нации». Верховная рада Украины потребовала от Президента А. Дуды наложить на него вето, а в украинском обществе усилились антипольские настроения. Бывший министр обороны А. Кузьмук даже угрожал Польше вооруженным конфликтом.

Данное весомое противоречие всё же не помешало руководителям двух стран ради совместной антироссийской политики продолжить тесное сотрудничество, и 9 марта 2022 года польский Сейм в знак солидарности с украинскими властями в противостоянии России решил оказать им «всестороннюю поддержку» в военной операции. В апреле 2022 года Варшава приняла Закон, упрощающий положение многочисленных украинских переселенцев, который дал им практически такие же права, как и полякам, за исключением участия в выборах страны. В ответ на это Киев уже в июле 2022 года тоже принял Закон о наделении поляков особым статусом на Украине, назвал его «знаком благодарности»

польскому народу за солидарность, а польский Президент А. Дуда воспринял этот украинский Закон как «символический акт искупления Украиной вины за “Волынскую резню”, когда украинцы убивали поляков» [14].

В соответствии с данным Законом граждане Польши на Украине могут наравне с украинцами трудоустраиваться, вести экономическую деятельность, получать соцобеспечение, образование и медицинское обслуживание. Вместе с тем ряд зарубежных специалистов видят в этом Законе серьезный риск для суверенитета Украины и считают, что «за внешне благовидной инициативой скрывается большая игра Польши, которая издавна ведется на пространстве Центральной и Восточной Европы» [1]. Несомненно, эти политические ходы Польши необходимо рассматривать как временную тактическую меру, поскольку еще вчера осуждавшие украинский национализм поляки сегодня не станут выстраивать равноправные отношения с украинцами.

Эти выводы подтверждают события последнего времени: в середине сентября 2023 года в официальных польско-украинских отношениях начался очередной кризис, вызванный выступлением украинского Президента на Генеральной Ассамблее ООН, в котором он обвинил Польшу в «подрыве солидарности» из-за продления ею эмбарго на экспорт в Европу украинского зерна, продаваемого на польских рынках по низким ценам. Такая недобросовестная конкуренция отрицательно повлияла на польских производителей сельхозпродукции, которые выступили с массовым протестом.

В связи с этим премьер-министр М. Маровецкий заявил, что Польша не будет осуществлять новые поставки оружия на Украину, а Президент А. Дуда отказался от запланированной встречи с украинским Президентом и в оскорбительном тоне сравнил Украину с «утопающим», который тянет на дно своего спасателя, цепляясь за всё, что можно. Отношения осложнила избирательная кампания в Сейм Польши в октябре 2023 года, в ходе которой политическими силами активно разыгрывался польско-украинский конфликт. На этом фоне польские политики стали предъявлять счет Украине за оказанную помощь в размере 23,5 млрд долл. США, угрожать блокированием возможного ее вступления в ЕС, требовать отзыва иска против Польши в ВТО, проведения эксгумации тел жертв Волынской резни в 1943 году и др. [11]. Польша прак-

тически начала против Украины торгово-экономическую войну, блокируя ее экспорт сельхозпродукции, закрывая въезд и выезд транспорта. Примечательно, что США не приняли должные меры по урегулированию конфликта своих сателлитов, преследуя перед президентскими выборами собственные интересы.

В связи с «зерновым» польско-украинским конфликтом Президент Польши в ходе недавнего заседания Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что его страна будет «эффективно и решительно» защищать собственные интересы. При этом в польских СМИ он отметил, что «зерновой конфликт — незначительный». Это говорит о нежелании Польши пока разрывать с Украиной сложившиеся до этого времени отношения. Такая тактика Польши позволяет ей оставить себе поле для маневра в выстраивании дальнейших отношений с Украиной с учетом реально складывающейся военно-политической обстановки в этой стране. Неспособность сторонами урегулировать конфликт может сохранять в себе серьезные последствия, в частности рост антиукраинских настроений, продолжение акций по блокированию контрольно-пропускных пунктов украинско-польской границы польскими перевозчиками, а также это может сказаться на решении вопроса о евроинтеграции Украины и др.

Вместе с тем попытки правящих политических сил обеих стран улучшить украинско-польское взаимопонимание, найти новые компромиссы для решения этнополитических, экономических и других противоречий между двумя народами безуспешны. Главная причина в том, что каждая из сторон, декларируя свое желание развивать отношения, в первую очередь преследует собственные интересы, и, как считает эксперт М. Ведерников, «для Польши, где исторический аспект является ключевым фактором внешней политики, затушевать застарелую вражду, ...изменить отношение в обществе в угоду политической конъюнктуре быстро не получится» [6]. Всё это в очередной раз подтверждает тезис о том, что в двусторонних отношениях поляки руководствовались и будут руководствоваться исключительно выгодным для себя прагматизмом, используя Украину в качестве средства для достижения своих политических, военных и экономических целей.

Нет оснований надеяться и на то, что поляки откажутся от своих сложившихся стереотипов, антиукраинской предвзятости и бес-

компромиссности. Неприязнь польского общества к украинским мигрантам и беженцам растет повсеместно, выдвигаются требования о сокращении и отмене им государственной помощи. В связи с этим украинцы начинают отдавать социально-экономический и гуманитарный приоритет Германии, куда они в последнее время начали активно уезжать. Все эти факторы создают серьезные риски для будущего польско-украинских отношений, которые, по весьма объективной оценке главы МИД Польши Збигнева Рау, «входят в фазу деконъюнктуры, а для возвращения к исходной точке потребуются титанические усилия» [20].

Польская политическая экспансия на Украину

Польша активно способствовала изменению украинского внешнеполитического курса в западном направлении и приветствовала принятие Украиной 23 декабря 2014 года Закона об отказе от внеблокового статуса, внесение поправок 21 февраля 2019 года в Конституцию страны, закрепляющих ее стремление к полноправному членству в ЕС и НАТО, а также «Стратегию военной безопасности Украины» от 25 марта 2021 года, в которой признала Россию своим «военным противником». Эти три документа стали юридической базой и положили начало для возникновения вооруженного конфликта, а также для разрушения украинской государственности.

Основания для такого вывода имеются, если учесть намерения Польши ввести «миротворческую» миссию НАТО на территорию Западной Украины и согласие Брюсселя на самостоятельное участие в ней Варшавы. Под предлогом такой миссии Польша может попытаться решить свою стратегическую задачу — вернуть восточные земли бывшей Речи Посполитой, создав новую «буферную зону» на границе с Россией, но уже за счет нынешних центральных областей Украины. По мнению политолога Д. Офицерова-Бельского, «попытки присоединить западные регионы Украины рано или поздно будут предприняты, Польша никогда не откажется от претензий на эти территории, но руководящее указание в итоге будет дано из Вашингтона» [6].

Вопрос о возможном территориальном разделе Украины или даже о ее исчезновении с карты мира стал предметом международных политических дискуссий последних лет не случайно. В частности, историк И. Полонский приходит к выводу, что про-

тивостоять польской экспансии Украина сегодня не в состоянии, а поляки знают, что она — «политический банкрот и выжидают, когда можно будет воплотить давнюю мечту польских националистов о возвращении контроля над “Восточной Малопольшей”» [10].

Для решения вопроса о возврате или компенсации оставленного поляками имущества на своих бывших восточных территориях польское руководство методично проводило политику европеизации Украины с использованием законодательных норм ЕС. В этих целях оно убедило украинские власти принять в 2014 году Декларацию солидарности парламентов Украины, Польши и Литвы по событиям Второй мировой войны, согласно которой за развязывание военного конфликта ответственность в равной степени возложена на фашистскую Германию и СССР. Этот документ дает юридические основания Польше официально рассматривать земли Западной Украины польскими, а подписанное в апреле 2023 года польско-украинское соглашение о поставках вооружений и послевоенном восстановлении — возможностью для экономической и военной экспансии Польши на эти украинские территории. Принимающие такие решения законодательная и исполнительная власти Украины не могли не видеть эти не так уже и скрытые риски для национальной безопасности собственной страны.

В последние годы на территории Украины, особенно западных ее областей, Польша активно проводила политику «мягкой силы» и полонизации украинского населения. В частности, всем украинцам польского происхождения была предоставлена возможность получения паспортов граждан Республики Польша и приобретения «карты поляка» для идентификации их «польских корней». Была оказана также поддержка украинцам непольского происхождения, родители которых до 1939 года находились на бывшей польской территории. Постоянно развивались культурные связи: создавались польские центры и средства массовой информации, организовывалось обучение польскому языку в школах и вузах.

В ходе визита в Польшу 5 апреля 2023 года глава киевского режима повторил слова А. Дуды, сказанные им ранее в Киеве, что «в будущем между нашими народами не будет существовать никаких границ — политических, экономических и — что очень важно — исторических» [5]. В связи с этим польские эксперты стали рассматривать возможные варианты и формы объединения двух

стран, в том числе возрождение Речи Посполитой путем присоединения Украины к «большому и сильному польскому государству», в результате чего «вопрос о вступлении Киева в ЕС и НАТО был бы решен сам собой» [16].

Данная польская стратегия в отношении обессиленной Украины по созданию, скорее, конфедеративного, чем федеративного государства находилась на повестке дня правых сил Польши. Она является не чем иным, как польской политической экспансией на восток, которую поляки всегда считали своей «цивилизационной» миссией, а украинцы воспринимали ее как «колониальный» период в их истории. Украинские события последних лет стали поводом для этой миссии Польши по вовлечению Украины в строительство новой европейской политической архитектуры по американскому проекту. Тем самым польские власти поставили на украинский кон свою национальную безопасность на восточных рубежах и международную репутацию, емкий рынок сбыта товаров и услуг, источник неограниченных ресурсов, судьбу поляков, населяющих западные области Украины.

Польша — участник прокси-войны на Украине против России

В целом «польское понимание “восточной политики” строится, главным образом, не на экономическом базисе, ...а на отрыве постсоветских стран от России» [3, с. 249]. Поэтому власти Польши уже давно открыто пытаются переориентировать Украину исключительно на Запад, искусственно спровоцировавший российско-украинский военный конфликт. Польша и другие западные антироссийские силы перевели этот конфликт «в формат тотальной гибридной войны, выдвинувшей на первый план вопрос изменения существующего миропорядка» [13, с. 27–43], и официально провозгласили свои истинные цели: вести войну «до последнего украинца». Это является аргументом, доказывающим, что экзистенциальная опасность для украинцев исходит не из России, как пытаются утверждать польские пропагандисты, а с Запада, не заинтересованного в скором и мирном решении конфликта, спасении сотен тысяч человеческих жизней.

С самого начала СВО на Украине Президент Польши А. Дуда выступил не за мирные переговоры, а напротив, за эскалацию кон-

фликта, призвав западные страны усилить всестороннюю помощь и санкционный режим, отказаться от какого-либо диалога с Россией. Такая политика польских властей в отношении украинского конфликта изначально способствовала его затягиванию, была направлена на ослабление своих главных конкурентов в Европе — российской и украинской армий, в том числе ценой гибели на поле боя русских и украинцев. Если польские и европейские политики действительно хотели бы прекратить военное противостояние, то должны были бы немедленно «призвать к переговорам и установлению скорейшего мира, понимая, что затягивание конфликта вредно в первую очередь для самой Украины» [15].

Более того, польские военнослужащие продолжают незаконно принимать непосредственное участие в боевых действиях против России под украинским флагом, прикрываясь статусом наемников или добровольцев. Несмотря на то что всё больше появляется информации о гибели польских наемников в боях на Украине, руководство Польши тщательно скрывает их количество. По словам польских официальных представителей, Польша поставила в зону конфликта значительное число военной техники и вооружений. На польском аэродроме в г. Жешуве размещен охраняемый американскими ЗРК Patriot военный транспортный хаб Украины, куда поступает основное вооружение стран НАТО для ВСУ, которое затем переправляется наземным транспортом на Украину. На территории Польши совместно с немцами поляки готовят украинские экипажи для танков Leopard и осуществляют их ремонт.

В связи с этим американский военный аналитик и специалист по постсоветскому пространству Скотт Риттер считает, что Польша «слишком увлеклась поддержкой Украины», наивно надеясь на способность НАТО вооружить ее для победы над Россией. Он утверждает, что Польша сегодня «не готова и не обладает необходимым военным потенциалом», а НАТО не может и не способна вступить в вооруженный конфликт на Украине. Поэтому Польша пытается вовлечь в масштабную войну США. По мнению американца, Польша — это «пешка на американской шахматной доске», которой США готовы пожертвовать в любой момент, но особую тревогу у него вызывает то, что «поляки своими безответственными действиями подвергают опасности всю планету» ради спасения киевского националистического режима [17].

Проводимую Варшавой политику в отношении Украины отличают «неприкрытая враждебность в отношении Москвы и представление о продолжении многовековой конкуренции с ней за доминирование в Восточной Европе» [9, с. 188–204]. В целом польское руководство в настоящее время придерживается иррациональной политики в отношении украинского кризиса, ориентированной на его эскалацию. Тем самым Польша провоцирует Россию на ответные адекватные меры. При этом поляки не учитывают тот факт, что Россия является ядерной державой. Расчет польских политиков на дестабилизацию России, а тем более на ее «уничтожение» невозможно и абсурдно.

Как отмечают польские специалисты, такая проамериканская безальтернативная политика и отсутствие в ней многовекторности подвергают Польшу «серьезной опасности», хотя ее правительство пытается убедить поляков, что эскалация конфликта на Украине якобы в их национальных интересах. Она внесла в польское общество большую разделительную линию по проблеме обеспечения безопасности Польши: с одной стороны, находятся те, кто поддерживает военные поставки Украине, ошибочно считая, что это «снимет российскую угрозу» для поляков, а с другой стороны, есть «последовательно выступающие за сохранение польского нейтралитета и предоставление помощи Украине только в гуманитарном плане», что привело бы к скорейшему миру на восточной границе [18]. Такую сложившуюся ситуацию в обществе подтверждает известный польский ученый Анна Разьны, образно отмечая, что есть много польских патриотов, не согласных «с деградацией Польши до уровня поджигательницы войны и служанки бандеровской Украины». Она однозначно утверждает, что следствием такой милитаристской политики сегодняшнего правительства Польши в отношении Украины являются программы США, НАТО и ЕС против России и Белоруссии. Именно эти программы навязали Польше «диктатуру терпимости к возрожденному на Украине национализму и связанному с ним геноциду» [19].

Заключение

Проведенное исследование польско-украинских отношений свидетельствует о том, что на территории Европы с непосредственным участием США и Великобритании формируется новый

расклад сил, который предопределяет внешнюю европейскую и украинскую политику Польши. Полностью зависимые от США Польша и Украина не в состоянии проводить сегодня самостоятельную стратегическую политику, в том числе друг с другом. Одним из наглядных примером данного вывода является тот факт, что Польша, как и весь объединенный Запад, синхронно, под единым дирижерским управлением играли и играют отведенные им роли на украинской внешнеполитической сцене: вначале активно вооружали Украину, оказывали ей финансовую помощь, поддерживали ее курс на евроинтеграцию и членство в Североатлантическом альянсе, а в сложное для нее время стали сокращать поставки вооружений и материальную поддержку, заявлять о возможном блокировании вступления в ЕС и НАТО, запрещать транзит украинского зерна, планировать прекращение гуманитарной помощи украинцам в европейских странах и др.

За польской коммуникационной дипломатией сегодня скрываются далеко идущие планы извлечь из начавшегося передела мира максимум выгоды для себя, добиться стратегического преимущества, используя для этого складывающиеся геополитические возможности и доступные способы политико-экономической, культурной экспансии на украинском треке. Не исключено, что при определенных обстоятельствах в ходе развития украинского кризиса Польша может пойти на частичное присоединение территории Украины, создание из числа оставшихся украинских областей новой «санитарной зоны» с Россией. Подобные польские устремления поддерживают Великобритания и США, которые заинтересованы в крупном польском государстве в Европе, способном противостоять России и странам ЕС. Только Россия в состоянии сорвать эти планы коллективного Запада и Польши в отношении Украины.

В современных геополитических реалиях польские экспансионистские замыслы в отношении Украины являются трудновыполнимыми. Навязываемый Украине Польшей европейский либерализм и чуждые ей «европейские ценности» не приживаются, но польские власти действуют на опережение и ищут возможность использовать ситуацию в своих интересах, жертвуя при этом собственным социально-экономическим положением, безопасностью и будущей политической репутацией.

Украинцы и другие народы, проживающие на территории Украины, в том числе в ее западной части, никогда не примут польские исторические и идеологические нарративы, не смирятся со своим нахождением в составе Польши, не интегрируются и не ассимилируются в польское общество, не откажутся от независимости. Свою позицию по отношению к экспансии поляков западные украинские националисты заявили еще в 2018 году во время факельного шествия под лозунгом «Город Львов — не для польских панов». Моноэтническая Польша, со своей стороны, не сможет социализировать западных украинцев и предоставить им равные с поляками права. Этому в первую очередь будут противиться польские националистические силы, что сейчас и проявляется.

Вряд ли когда-нибудь украинцы забудут операцию «Висла», польскую «панщину», рабским трудом угнетавшую их предков, а поляки не смирятся с утратой своей собственности на территории Украины и «Волынской трагедией». Правовое признание украинским режимом «убийц поляков» героями никогда не примут потомки польских жертв, которые составляют общественное мнение в стране.

Поляки не смогли интегрировать украинцев в польское общество за многовековую историю двусторонних отношений, не смогут это сделать и в будущем, поскольку они разные по ментальности, вероисповеданию и духовности народы, имеющие свои традиции, обычаи и обладающие собственной исторической памятью и идеологией, хотя принадлежат к одной славянской группе. Поэтому никаким политическим режимам двух стран не удастся осуществить анонсированное стирание «исторических границ». Нужны другие, естественные основы для их объединения: социально-экономическая и культурная интеграция, новые идейно-политические ценности, учет национальных интересов.

В научных кругах Польши справедливо считают, что польская авантюристическая политика в украинском кризисе обречена на провал. Она «тащит» Польшу в пропасть, а в итоге приведет к потере ею и России, и Украины. Причина этого кроется в том, что «польские элиты страдают русофобским детерминизмом, а Украина является лишь его спусковым крючком» [15]. Несомненно, проводимая до настоящего политика польского руководства лишь дополнит негативные страницы истории польско-украинских

отношений тем, что Польша способствовала незаконному приходу к власти на Украине националистических сил и кровопролитию в стране, навязыванию украинцам своих национальных идей и «западных ценностей», которые она сама далеко не всегда принимает.

Октябрьские выборы 2023 года в парламент Польши показали, насколько «усилилась поляризация политической жизни: борьба двух партий стала главным нервом польской политики» [12, с. 18]. Пришедшая к власти в Польше леволиберальная коалиция продолжит классическую концепцию польской внешней политики в отношении Украины, исходя из своих стратегических интересов и геополитических возможностей, поскольку программные установки консерваторов и демократов по этому вопросу практически одинаковы. Перспектива польско-украинских отношений будет во многом зависеть от позиций Брюсселя и Вашингтона, на которые ориентированы эти ведущие политические силы Польши.

Литература

1. *Васильков В.* Эксперты о законе об особом статусе поляков: рискует стать инструментом колонизации Украины. — Минск: Изд. дом «Беларусь сегодня», 2022. — URL: <https://www.sb.by/articles/prizraki-lyublinkoy-unii.html?amp=1> (дата обращения: 16.10.2023).
2. *Вержбицки А.* Украина и Польша: национализм и геополитика // Вопросы национализма. — 2014. — № 2 (18). — С. 39–47.
3. *Габарта А.А., Буневич Д.С., Воронников В.В.* Польша в современном мире: монография / под. общ. ред. Е.А. Акифьева. — М.: МГИМО–Университет, 2021. — 273 с.
4. *Звягина Д.А.* Польско-украинские отношения: детерминанты прошлого, перспективы будущего // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. — 2016. — № 3. — С. 142–154.
5. *Каверин Д.* Зеленский на встрече с Дудой заявил, что между Украиной и Польшей скоро не будет границ // Газета.Ru. 05.04.2023. — URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/04/05/20142193.shtml?ysclid=ip5ohdabm2532679887> (дата обращения: 12.04.2023).
6. *Кузмяк А.* Гонор донора: в чем состоит польская стратегия по разделу Украины. Варшава ждет, чем закончится военный конфликт // Известия. 13.07.2023. — URL: <https://iz.ru/1542636/andrei-kuzmak/gonor-donora-v-chem-sostoit-polskaia-strategiia-po-razdelu-ukrainy> (дата обращения: 04.10.2023).
7. *Лыкошина Л.С.* Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе // Проблемы европейской безопасности: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; ред. кол.: Пархалина (гл. ред.) и др. — М.: ИНИОН РАН. — 2016. — 232 с.
8. *Михалев О.Ю.* Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине // Современная Европа. — 2022. — № 5. — С. 34–47.
9. *Носович А.А.* Куда заведет Польша? // Россия в глобальной политике. — Т. 20. — 2022. — № 1. — С. 188–204.
10. *Полонский И.* Польша заберет Западную Украину, а Киев с этим согласится // Военное обозрение. — 21.03.2018. — URL: <https://topwar.ru/138157-kak-polsha-zaberet-zapadnuyu-ukrainu.html> (дата обращения: 18.11.2023).
11. *Польский политик предложила взыскать с Украины 100 млрд злотых за оказанную помощь* // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18986867?ysclid=Inn3nfbual938777650> (дата обращения: 12.10.2023).

12. *Путинцев И.С.* «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. — Т. 15. — 2023. — № 1. — С. 18–33.
13. *Цедилина Е.* Украинский разлом (анатомия вооруженного конфликта) // Россия и новые государства Евразии. — 2022. — № II (LV). — С. 27–43.
14. *Bezeka W.* Ustawa o specjalnym statusie Polaków na Ukrainie: pozytywny krok w kierunku Polski czy pusty gest? — 13.07.2022. — URL: <https://pl.sputniknews.com/20220713/ustawa-o-specjalnym-statusie-polakow-na-ukrainie-pozytywny-krok-w-kierunku-polski-czy-pusty-gest-18089019.html> (accessed: 14.10.2022).
15. *Bieleń S.* Kiedy przekazują miecze na lemieszę? // Myśl Polska. — 2023. — Nr. 15–16. — URL: <https://myslpolska.info/2023/04/12/bielen-kiedy-przekazuja-miecze-na-lemiesze/> (accessed: 16.04.2023).
16. *Grosse T.* Odbudujmy Rzeczpospolitą. Tym razem z Ukrainą // Rzeczpospolita. — 05.04.2023. — URL: <https://www.rp.pl/opinie-polityczno-spoleczne/art38274791-tomasz-grzegorz-grosse-odbudujmy-rzeczpospolita-tym-razem-z-ukraina> (accessed: 16.04.2023).
17. *Piskorski M.* Ritter: Jesteście pionkiem na amerykańskiej szachownicy // Myśl Polska. — 23 lutego 2023. — URL: <https://myslpolska.info/2023/02/23/ritter-jestescie-pionkiem-na-amerykanskiej-szachownicy/> (accessed: 16.04.2023).
18. *Radzikowski M.* Linia podziału // Myśl Polska. — 26.01.2023. — URL: <https://myslpolska.info/2023/01/26/radzikowski-linia-podzialu/> (accessed: 16.04.2023).
19. *Raźny A.* Upadek cywilizacyjny Polski // Myśl Polska. — 2023. — № 5–6. — URL: <https://myslpolska.info/2023/02/03/prof-anna-razny-upadek-cywilizacyjny-polski/> (accessed: 18.02.2023).
20. Szef polskiego MSZ Rau nazwał starania o przywrócenie stosunków z Kijowem “tytanicznymi” // Pravda Pl. — 02.10.2023. — URL: <https://pravda-pl.com/poland/2023/10/02/10391.html> (accessed: 06.10.2023).

Казимир Леонид Артурович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Leonid A. Kazimir,

Postgraduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: leonid.sled@yandex.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

THE KEY DIRECTIONS OF UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY

Аннотация: в последние годы Узбекистан проводит в Центральной Азии активную внешнюю политику. Расширяется политическое и торгово-экономическое сотрудничество с Россией; Узбекистан участвует в реализации инфраструктурных проектов в регионе. Возросло взаимодействие с западными странами, которые проявляют интерес к Узбекистану, вовлекая его в многосторонние форматы сотрудничества. В то же время узбекская сторона, как и остальные страны Центральной Азии, сталкивается с региональными проблемами, прежде всего в водно-энергетической сфере. В итоге Узбекистан стремится усилить свое влияние в Центральной Азии и одновременно расширить сотрудничество с внерегиональными государствами. Внешнеполитический курс страны направлен на решение экономических проблем и привлечение иностранных инвестиций.

Ключевые слова: Узбекистан, внешняя политика, Центральная Азия, внерегиональные государства, водные ресурсы.

Abstract: in recent years Uzbekistan has been pursuing an active foreign policy in Central Asia. The republic participates in the implementation of infrastructure projects in the region and expands its political and economic cooperation with Russia. At the same time, Uzbekistan develops interaction with Western states, which demonstrate their interest in working with the Central Asian republic and involve it in multilateral formats of international cooperation. However, like the rest of Central Asia countries, Uzbekistan is facing regional problems, primarily in the water and energy sectors. The challenge pushes the republic to strengthen its influence in the region and to develop cooperation with extra-regional states. The Uzbekistan's foreign policy course is aimed at solving economic problems and attracting foreign investments.

Key words: extra-regional states, foreign policy, water resources, Uzbekistan, Central Asia.

Введение

После прихода к власти в 2016 году нового Президента Шавката Мирзиёева внешняя политика Узбекистана претерпела кардинальные изменения. Официальный Ташкент отказался от изоля-

сионистского курса, перейдя к развитию торгово-экономического сотрудничества и реализации транспортных проектов в Центральной Азии, «хотя до прихода к власти Президента Ш. Мирзиёева отношения между Узбекистаном и другими странами Центральной Азии были напряженными и конфликтными» [6, с. 7–13]. «Наибольшее количество проблем возникало в сфере использования водно-энергетических ресурсов, которые после распада СССР стали одной из основных региональных проблем» [25, с. 147–160].

После 2016 года Узбекистан по-новому расставил акценты во внешней политике и стал выступать инициатором разных инфраструктурных проектов в регионе [7, с. 23–31]. Были восстановлены двусторонние отношения с ближайшими соседями — центральноазиатскими государствами, а также улучшены отношения с внерегиональными акторами — ЕС и США [18, с. 7–20]. Значительно улучшились и получили развитие отношения Узбекистана с Россией, торгово-экономическое сотрудничество с которой в 2022–2023 годах получило новый импульс.

Внешняя политика Узбекистана реагировала на усиление влияния региональных проблем, прежде всего «в водно-энергетической сфере, которая является одной из актуальных для всех стран региона» [8, с. 19–31]. Центральная Азия по-прежнему сталкивается с нарастанием водного кризиса, что поставило вопрос об активизации переговорного процесса между странами региона. Для Узбекистана значение данной проблемы возросло в связи с тем, что водные ресурсы поступают в страну через трансграничные водотоки. Данная ситуация предопределила повышение внимания к данной проблематике со стороны нового Президента.

Новые акценты во внешней политике

В феврале 2017 года в Узбекистане была принята Стратегия действий. В документе отражены пять основных направлений развития Узбекистана, в том числе внешнеполитический вектор. Согласно документу усилия Узбекистана должны быть направлены на формирование из соседних государств пояса добрососедства. На это же направлено и развитие отношений с ближайшими соседями — Казахстаном и Туркменистаном. Помимо политических контактов узбекская сторона предполагала расширить сотрудни-

чество в торгово-экономической и транспортной сферах. В марте 2017 года глава Узбекистана прибыл в Туркменистан, где подписал Договор о стратегическом партнерстве. Были достигнуты договоренности о перспективных направлениях сотрудничества. Были открыты новые железнодорожный и автомобильный мосты по маршруту Туркменабад — Фараб через Амударью [1].

Узбекистан проявлял интерес к развитию отношений с Туркменистаном в энергетической сфере. В 2017 году началось обсуждение вопроса, связанного с участием Узбекистана в разведке и освоении углеводородных ресурсов. В частности, Узбекистан проявил интерес к проекту газопровода, который продвигал Туркменистан — ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия). Данный проект в перспективе не только мог дать новый маршрут для выхода туркменского газа на внешний рынок, но и создать условия для экспорта углеводородных ресурсов Узбекистана. Ожидалось, что узбекская сторона выступит в качестве экспортера углеводородных ресурсов на внешние рынки [4, с. 64–84].

В том же году Узбекистан подписал с Казахстаном Декларацию о дальнейшем углублении стратегического партнерства и укреплении добрососедства. Тем самым была открыта новая страница в отношениях двух центральноазиатских государств, которые являются наиболее мощными в экономическом плане и имеют региональные амбиции. Длительный период времени центральноазиатские страны конкурировали за лидирующие позиции в регионе, что сдерживало взаимодействие в рамках региона, затрудняло сотрудничество по широкому кругу региональных проблем. Декларация должна была значительно улучшить ситуацию. Помимо этого, государства подписали документы, затрагивающие вопросы экономического сотрудничества и военной сферы.

В 2018 году казахстанско-узбекские отношения получили новый импульс. В марте того же года государства Центральной Азии достигли договоренностей о создании совместных предприятий в строительной и автомобильной отраслях. Ключевое значение для двух государств имела транспортная сфера. В целом усилия сторон были направлены на расширение торгово-экономического сотрудничества и увеличение объемов торговли. В этот же период Узбекистан приступил к обсуждению с Туркменистаном вопросов двустороннего сотрудничества. «Ключевыми темами переговоров

стали вопросы, касающиеся реализации двух проектов: транспортного коридора Китай — Центральная Азия — Ближний Восток и совместной разработки месторождений, расположенных в туркменской части шельфа Каспийского моря» [13].

Водно-энергетический фактор в политике Узбекистана

После получения независимости Узбекистан был вынужден решать вопросы, связанные с водными ресурсами. В основном проблемы возникали с соседними государствами, которые имели иные интересы в водно-энергетической сфере. Основная причина обострения отношений между странами верхнего течения (Таджикистан, Кыргызстан) и нижнего течения (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) трансграничных рек — это режим водостока. Интересы Таджикистана и Кыргызстана расходились со взглядами Узбекистана на решение проблем в водно-энергетической сфере.

С момента распада СССР Узбекистан проводил курс на установление полного контроля над водными ресурсами. В 1993 году был принят Закон «О воде и водопользовании», который установил контроль государства над водными ресурсами. Однако реализовать подобный подход Узбекистану было сложно, поскольку он зависел от политики стран, которые находились в верхнем течении трансграничных водотоков. Не случайно длительное время Узбекистан протестовал против строительства Таджикистаном Рогунской ГЭС. К этому узбекскую сторону подталкивали опасения, что строительство ГЭС усилит дефицит водных ресурсов, необходимых для выращивания сельскохозяйственных культур [9, с. 90–100]. Узбекистан выступал против реализации этого проекта, усматривая в этом угрозу для своей безопасности в сфере водных ресурсов. В то же время таджикская сторона неуклонно стремилась возвести Рогунскую ГЭС, привлекая к строительству российские и международные компании, однако, несмотря на это, реализовать инфраструктурный проект не получилось.

В результате изменения позиции Узбекистана удалось нормализовать двусторонние отношения с Таджикистаном. В марте 2018 года Ш. Мирзиёев заявил, что «Узбекистан заинтересован в развитии таджикской электроэнергетики». В совместном заявлении президентов двух стран отмечалось, что «узбекская сторона выразила готовность всесторонне рассмотреть возможность уча-

ствия в строительстве гидроэнергетических сооружений в Таджикистане, в том числе Рогунской ГЭС, с учетом соблюдения общепризнанных международных норм и стандартов по строительству таких объектов» [14].

Пересмотр Узбекистаном своей позиции был связан с планами по закупке электроэнергии. Одним из источников ее приобретения могла стать Рогунская ГЭС. В этом случае узбекская сторона могла принять участие в достройке этого объекта. Тема сотрудничества в водно-энергетической сфере затрагивалась на встрече глав государств Узбекистана и Таджикистана, которая прошла в июне 2018 года. Узбекистан высказал заинтересованность увеличить поставки товаров в Таджикистан. Эта проблематика обсуждалась в том числе в августе того же года. Переговоры президентов двух государств привели к «подписанию договора о стратегическом партнерстве» [22]. Помимо этого страны достигли договоренности относительно строительства гидроэлектростанции на реке Зарафшан. В целом переговоры между Узбекистаном и Таджикистаном, которые прошли в 2018 году, позволили вывести торгово-экономические и политические отношения на новый уровень. Был проявлен интерес к увеличению товарооборота.

Аналогичные меры принимал Узбекистан в отношениях с Кыргызской Республикой. В частности, «были подписаны межправительственные соглашения с Таджикистаном и Кыргызстаном по открытию кредитных линий в размере 100 млн долл.» [20].

Однако изменения в отношениях между странами Центральной Азии не привели к прорыву в решении водно-энергетических проблем. В результате «страны не смогли найти компромиссное решение, отложив его на будущее [5, с. 100–119].

Сложно проходили переговоры между Узбекистаном и Кыргызстаном по вопросам границы. Ключевой была проблема анклавов, которые находились на территории каждого из государств. Тем не менее «в декабре 2017 года страны подписали соответствующее соглашение, а в августе Узбекистан и Киргизия договорились, что киргизский анклав Барак, расположенный на территории Узбекистана, перейдет под контроль узбекских властей. В этом случае внутри страны перестанет существовать участок территории, принадлежащий другому государству. В обмен Кыргызстан получит участок узбекской территории» [11].

Оказать помощь в разрешении водно-энергетических противоречий пытались международные организации. В частности, с рядом инициатив выступил Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии. В 2017 году он разработал проект конвенции, которая предлагала странам Центральной Азии учитывать взаимные интересы при использовании водных ресурсов Центральной Азии. Документ был направлен на более эффективное использование водных ресурсов рек Сырдарья и Амударья, которые играют большую роль в развитии стран региона. Узбекская сторона стремилась к разрешению водно-энергетических противоречий с учетом фактора Афганистана. «Афганистан стал рассматриваться не только как источник угроз, но и как страна, имеющая большой потенциал для совместного взаимодействия» [23, с. 34–41].

Стратегия развития Узбекистана

Изменение геополитической ситуации в мире, активизация сотрудничества между странами региона и усиление вовлеченности внерегиональных акторов в развитие Центральной Азии поставили вопрос о разработке нового документа, в котором были бы определены внешнеполитические приоритеты. На развитии Узбекистана сказалась и пандемия [10, с. 8–17], тем более что в 2021 году закончился срок действия Стратегии действий, принятой в 2017 году. В результате в 2022 году была принята Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы [19].

Документ определил амбициозные цели развития Узбекистана на последующие годы. Во внешней политике Узбекистан поставил ряд задач, выполнение которых должно способствовать развитию узбекского государства. Условно задачи можно разделить на региональные, которые касаются Центральной Азии, и глобальные. В рамках региона Узбекистан поставил задачу поднять на высокий уровень тесное сотрудничество в таких областях, как безопасность, торгово-экономическая, водная и культурно-гуманитарная сферы, энергетика, транспорт [19].

Страны постсоветского пространства сгруппированы в документе все вместе. Отмечается важность развития отношений с традиционными стратегическими партнерами в рамках СНГ. Таким образом, документ четко очертил приоритеты внешней политики Узбекистана.

Помимо этого официальный Ташкент определил в качестве приоритетных направлений проведение «совещаний (межправительственных комиссий, политических консультаций, комиссий межпарламентского сотрудничества и др.) на основе механизмов всех форматов диалога на высшем уровне и двустороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии, а также обеспечение ежегодной регулярной организации Консультативных встреч глав государств Центральной Азии и активное участие в них» [19]. Одним из важных направлений внешней политики Узбекистана в рамках Центральной Азии должна стать организация работы по разработке Стратегии регионального сотрудничества по Центральной Азии.

Документ четко определил развитие сотрудничества с ЕС по широкому кругу вопросов, а также взаимодействие «с традиционными стратегическими партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Китай, Республика Корея, Япония)» и «расширение стратегического и всестороннего сотрудничества с США, Канадой и странами Америки».

Повышенное внимание к Узбекистану проявляли США. «Узбекистан продолжит оставаться фокусной страной для новой администрации Дж. Байдена в регионе Центральной Азии. Не в последнюю очередь это обусловлено следующими факторами: во-первых, общей границей с Афганистаном, равно как и его геополитическим/географическим расположением в срединной части Центральной Азии; во-вторых, наличием в Узбекистане довольно развитой инфраструктуры, а также разветвленной сети трубопроводов, проходящих по территории этой страны...» [3, с. 51–68].

Одним из приоритетных направлений внешней политики Узбекистана стало выдвижение и поддержка инициатив в транспортной сфере. В частности, в сентябре 2023 года Узбекистан и Казахстан договорились о расширении грузоперевозок железнодорожным транспортом, в том числе транзитных грузов. Так, «стороны договорились приложить совместные усилия для организации сквозного рефрижераторного поезда, который будет курсировать между республиками, а также использовать секции для вывоза плодоовощной продукции из Казахстана в Узбекистан. Кроме того, достигнуто соглашение в вопросе отправки рефрижераторных секций из Узбекистана в Россию через Казахстан» [21].

Разворот во внешней политике

Можно говорить о том, что начиная с 2017 года Узбекистан придерживается новой модели внешнеполитического взаимодействия и экономического развития. Настоящим прорывом в политике Узбекистана стало участие в консультативных встречах президентов стран Центральной Азии. Начало их проведению было положено в 2018 году. Они позволили «начать предметный диалог по поиску дополнительных стимулов развития торгово-экономических отношений, снятию барьеров для перемещения товаров, услуг и капиталов, а также созданию стабильной региональной обстановки» [12, с. 121–134].

В этом процессе были заинтересованы все страны региона. Предыдущие десятилетия прошли в Центральной Азии в обстановке острого соперничества и конфронтации, взаимных претензий по широкому кругу двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Отражением заинтересованности Узбекистана в развитии отношений с соседями по региону стало продолжение участия официального Ташкента в пятисторонних консультативных встречах глав центральноазиатских государств. Этот механизм позволил создать благоприятный фон для сотрудничества пяти государств, формировать общую повестку по ключевым вопросам регионального развития. В сентябре 2023 года прошла пятая встреча руководителей центральноазиатских государств, на которой обсуждался широкий круг проблем развития региона [15]. Данный формат оказался востребованным и одновременно привлекательным для стран Центральной Азии. Государства региона получили возможность обсуждения широкого круга региональных проблем без жестких обязательств.

Политика в отношении внерегиональных акторов

Наряду с расширением взаимодействия со странами Центральной Азии Узбекистан активизировал связи с внерегиональными акторами. В последние годы Узбекистан развивает отношения с Россией.

В последние годы политика Узбекистана направлена на диверсификацию политических контактов и экономических связей. Ташкент стремится получать политические дивиденды и извлекать

экономические выгоды от расширения сотрудничества в рамках региона и с внерегиональными акторами. «В обозримой перспективе перед Узбекистаном стоит задача перехода к экспортно ориентированной экономике, способной привлекать и эффективно осваивать инвестиции, как внутренние, так и внешние. Для этого национальная экономика должна быть более открытой и интегрированной в региональную и мировую экономики. Логика экономических реформ, которые Ташкент планирует осуществить в ближайшие годы, будет стимулировать поиск приемлемых форм региональной кооперации» [24, с. 124–136].

В 2017–2018 годах Узбекистан кардинально изменил экономические отношения с Россией и Китаем. В апреле 2017 года Россия и Узбекистан подписали соглашение на 15 млрд долл. При этом порядка 11 млрд долл. представляли собой российские инвестиции в объекты в Узбекистане. Затем, в 2018 году, российский Президент совершил визит в Узбекистан, в ходе которого были подписаны соглашения на сумму в 27 млрд долл. Прорывом стало соглашение о строительстве в Узбекистане промышленной АЭС.

Россия и Узбекистан подписали комплексную программу экономического сотрудничества на 2022–2026 годы [17]. Помимо этого Узбекистан проявил интерес к реализации энергетического проекта в трехстороннем формате: Россия — Казахстан — Узбекистан. Данный проект предполагает экспорт российского газа в центральноазиатские государства. В частности, были достигнуты и начали реализовываться договоренности о поставках газа в Узбекистан с октября 2023 года. По словам Президента России Владимира Путина, «сначала поставки в каждую страну будут составлять по 3 млрд м³ газа в год, а потом могут быть увеличены» [16]. Помимо этого «в рамках дорожной карты с “Газпромом” в Узбекистане планируется заменить три газоперекачивающих установки, полностью отремонтировать и восстановить 11 различных видов газоперекачивающих устройств, построить 22 км новых магистральных газопроводов и отремонтировать 56 км газопроводов» [16].

Одновременно с этим Россия и Узбекистан начали переговоры о подписании среднесрочного и долгосрочного контрактов по поставкам российского газа. Помимо этого российская компания «Газпромнефть» примет участие в освоении узбекских месторождений.

Практически одновременно с подписанием соглашений между Россией и Узбекистаном шло развитие узбекско-китайских экономических отношений. Так, в мае 2017 года Ташкент и Пекин подписали соглашения о поставках продукции промышленных предприятий и сельского хозяйства и инвестициях со стороны Китая на общую сумму в 22 млрд долл. В последние годы Китай является ключевым торгово-экономическим партнером Узбекистана, лидируя по объему инвестиций и предоставленных кредитов.

Таким образом, Россия и Китай выступают основными торгово-экономическими партнерами Узбекистана. В свою очередь, узбекская сторона стремится извлекать выгоды от сотрудничества с Москвой и Пекином, сохраняя при этом баланс между крупными партнерами.

В целом Узбекистан стремится принимать участие в разных инфраструктурных проектах, как в рамках Центральной Азии, так и с внерегиональными государствами. Узбекская сторона поддерживает сотрудничество с Индией, Пакистаном и Афганистаном в области строительства транзитной железной дороги. Другим проектом является создание транспортного коридора с участием России и Кыргызстана.

Новым поворотом в политике Узбекистана стало улучшение отношений с западными странами. Произошел разворот Узбекистана в сторону развития сотрудничества с США и ЕС. В частности, Узбекистан принял участие в мероприятии, которое организовали США, — американская сторона провела в 2023 году саммит с лидерами пяти центральноазиатских государств, который был направлен на усиление влияния американской администрации на страны Центральной Азии [2].

Заключение

Таким образом, в последние годы Узбекистан проводит активную внешнюю политику как в Центральной Азии, так и с внерегиональными государствами. Реализация совместных проектов рассматривается в качестве инструмента достижения целей экономического развития. Усилия узбекской стороны направлены на минимизацию рисков, связанных с дестабилизацией мировой экономики и усилением турбулентности в мировой политике.

В то же время на политику Узбекистана сильное влияние оказывают нерешенные проблемы в Центральной Азии. Прежде всего, это касается водно-энергетической сферы. В условиях сохраняющегося обострения отношений России и Запада узбекская сторона сталкивается с давлением со стороны ЕС и США, которые угрожают санкциями государствам, сотрудничающим с российской стороной.

Литература

1. В Центральной Азии создадут единый международный транспортный хаб. — URL: <https://ia-centr.ru/publications/v-tsentralnoy-azii-sozdadadut-edinyu-mezhdunarodnyu-transportnyu-khab/> (дата обращения: 23.02.2024).
2. *Гасымов Н., Романов Р.* В Нью-Йорке впервые прошел саммит лидеров стран Центральной Азии и США. — 21.09.2023. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/21/996235-v-nyu-i-orke-vpervie-proshel-sammit-tsentralnoi-azii-i-ssha?ysclid=ip4de1w8p778330321> (дата обращения: 18.02.2024).
3. *Гегелашвили Н.А., Модникова И.В.* Узбекистан и Казахстан — фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона // США. Канада. Экономика — политика — культура. — 2021. — № 5. — С. 51–68.
4. *Грозин А.В.* 2023. Туркмено-китайское энергетическое партнерство в условиях мировой геоэкономической турбулентности // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3 (23). — С. 64–84.
5. *Дадабаева З.А.* Климатические изменения и водные проблемы в Центральной Азии в XXI веке: риски дезинтеграции // Геоэкономика энергетики. — 2023. — № 3. — С. 100–119. — URL: https://doi.org/10.48137/26870703_2023_23_3_100.
6. *Жильцов С.С.* Революционные волны на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. — 2005. — № 6 (42). — С. 7–13.
7. *Жильцов С.С.* Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. — Т. 19. — 2016. — № 1. — С. 23–31.
8. *Жильцов С.С.* [и др.] Центральная Азия на современном этапе: новая волна водно-энергетического сотрудничества и создания трубопроводной архитектуры / С.С. Жильцов, Л.А. Пархомчик, Д.Е. Слизовский, Н.П. Медведев // Центральная Азия и Кавказ. — Т. 21. — 2018. — № 2. — С. 19–31.
9. *Жильцов С.С., Бименова А.* Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. — Т. 18. — 2015. — № 1. — С. 90–100.
10. *Жильцов С.С.* Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства // Проблемы постсоветского пространства. — Т. 7. — 2020. — № 1. — С. 8–17.
11. *Зверинцева Т.* Границы без дружбы. Почему анклав стал головной болью стран Центральной Азии. — 2018. — 17 авг. — URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=10127> (дата обращения: 02.02.2024).
12. *Махмудов Р.* Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. — 2021. — № 1. — С. 121–134.
13. *Панфилова В.* Ташкент и Ашхабад взялись за глобальные проекты // Независимая газета. — 2018. — 21 апр.
14. *Панфилова В.* Рахмон и Мирзиёев побратались // Независимая газета. — 2018. — 12 марта.
15. Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Таджикистане // Итоги. — 2023. — 15 сент. — URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/09/15/5-aya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-tadzhikistane-itogi/> (дата обращения: 17.02.2024).
16. Россия начинает поставки газа в Узбекистан через территорию Казахстана. — 2023. — 6 окт. — URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2023/10/06/rossiya-nachinaet-postavki-gaza-v-uzbekistan-cherez-territoriyu-kazahstana> (дата обращения: 11.02.2024).

17. Россия и Узбекистан подписали комплексную программу экономического сотрудничества на 2022–2026 годы / Мин-во экономического развития РФ. — 19.11.2021. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_uzbekistan_podpisali_kompleksnuyu_programmu_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_na_2022_2026_gody.html (дата обращения: 02.02.2023).
18. Современная мировая политика / под ред. Е.П. Бажанова. — М.: Дашков и К^о, 2019. — С. 7–20.
19. Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы [утв. Указом Президента Республики Узбекистан от 28.01.2022]. — URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=684053_strategiya_razvitiya_novogo_uzbekistana_na_2022-2026_gody_\(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_28_01_2022_g_n_up-60\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=684053_strategiya_razvitiya_novogo_uzbekistana_na_2022-2026_gody_(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_28_01_2022_g_n_up-60)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (дата обращения: 23.01.2024).
20. Товарооборот Узбекистана со странами Центральной Азии с начала года вырос почти на 50%. — 2018. — 13 июля. — URL: <https://podrobno.uz/cat/economic/tovarooborot-uzbekistana-so-strana/> (дата обращения: 02.03.2024).
21. Узбекистан и Казахстан договорились о расширении грузоперевозок. — 2023. — 25 сент. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/09/25/uzbekistan-i-kazahstan-dogovorilis-o-rasshirenii-gruzoperevozok> (дата обращения: 23.02.2024).
22. *Шустов А.* Эмомали Рахмон в Ташкенте: итоги стратегического визита. — 2018. — 21 авг. — URL: <http://eurasia.expert/emomali-rakhmon-v-tashkente-itogi-strategicheskogo-vizita/> (дата обращения: 15.02.2024).
23. *Эргашев Б.И.* Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Русская политология. — 2021. — № 3. — С. 34–41.
24. *Эргашев Б.И.* Принцип «сбалансированной равноудаленности в отношении мировых центров силы» во внешней политике Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. — 2020. — № 1. — С. 124–136.
25. *Blank St.* Whither the New Great Game in Central Asia? // Journal of Eurasian Studies. — 2012. — No. 3. — P. 147–160.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Хаджи Александр Сергеевич,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexander S. Khadzhi,

postgraduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: haji.sasha@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПОЛИТИКИ СССР

EVOLUTION OF THE USSR ENERGY POLICY

Аннотация: в XXI веке Россия столкнулась с новыми вызовами на международной арене. С 2014 года Запад начал активное давление на отечественный топливно-энергетический комплекс, что сформировало необходимость трансформации к новым реалиям. Москва имеет исторический опыт адаптации энергетического сектора к политической и экономической ситуации: в XX веке СССР прошел серьезный путь формирования устойчивой и эффективно функционирующей энергетической системы.

Периодизация отечественного ТЭК в советскую эпоху включает в себя три основных этапа: период восстановления (1922–1929 гг.), период развития и послевоенного устройства (1930–1956 гг.), период экспорта и наращивания объемов добычи (1956–1991 гг.). Каждый из этапов связан с разными характерными для того времени препятствиями и вызовами. Повороты в советской энергетической политике и ее трансформация после Второй мировой войны обеспечили многолетнее развитие экономики страны и выступили драйвером для преодоления постсоветских кризисных явлений для России.

В статье анализируются основные этапы развития советской энергетической политики, выявляются особенности каждого периода. Исследуются изменения в подходах СССР к энергетике во внутренней политике и международных связях. Основное внимание уделяется особой роли нефтегазового сектора как ключевого элемента советской экономики и внешней политики после Второй мировой войны.

Ключевые слова: история, энергетика, энергетическая политика, Россия, СССР, нефть, газ, международные отношения.

Abstract: in the 21st century, Russia faced new challenges in global politics. Since 2014, the West began to actively pressurize energy complex of Russia, which formed the need for transformation to new realities. Moscow has a historical experience of energy sector adaptation to political and economic situation: in the XX century the USSR passed a serious way of forming a stable and effectively functioning energy system.

The periodization of the Russian fuel and energy sector in the Soviet era includes three main stages: the period of restoration (1922–1929), the period of development and post-war organization (1930–1956), and the period of export and increased production (1956–1991). Each of the stages is associated with different obstacles and challenges of the time. The turns in the Soviet energy policy and its transformation after World War II ensured the long-term development of the country's economy and acted as a driver for Russia to overcome the post-Soviet crisis phenomena.

The article analyzes the main stages of development of the Soviet energy policy, identifying the characteristic features of each period. Changes in the USSR's approach to energy in domestic politics and international relations are investigated. The main attention is paid to the special role of the oil and gas sector as a key element of the Soviet economy and foreign policy after World War II.

Key words: history, energy, energy policy, Russia, USSR, oil, gas, international relations.

Введение

В 2022 году Россия вновь столкнулась с необходимостью трансформации энергетической политики. Активно продвигаемая на Западе антироссийская риторика, беспрецедентное санкционное давление и тренд на «дерусификацию» энергетической системы Европы поставили перед Россией задачи эффективно адаптировать национальную энергетическую политику, а также перестроить международные энергетические связи.

Россия имеет полувековой опыт позитивных торгово-экономических связей с партнерами по всему миру, энергетический сектор выступает важным элементом двусторонних отношений. Высокое значение российских энергоресурсов многократно подчеркивалось не только руководством России, но также политическими лидерами и экспертами за рубежом.

С 2014 года коллективный Запад начал разворачивать агрессивную политику в отношении России. Давление и попытки подрыва экономики и промышленности стали визитной карточкой Вашингтона и его союзников по ЕС и НАТО. Апогеем политики США по дестабилизации европейского региона стала полная дестабилизация энергетической системы в Европе: выходящие один за другим санкционные списки, а также фактическое уничтожение ключевых инфраструктурных проектов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» поставили под угрозу развитие экономики, энергетики и промышленности многих стран.

Однако у России уже есть исторический опыт корректировки энергетической политики в соответствии с мировыми политическими и экономическими реалиями: в течение XX века отечественный ТЭК проходил через несколько этапов трансформации,

энергетических поворотов. Поворот 1950–1960-х годов ознаменовал становление нефтегазового сектора в качестве одного из ключевых элементов экономики СССР, а затем России — нефть и газ стали важной статьёй экспорта, а темпы добычи и производства продукции значительно выросли.

После распада Советского Союза Россия приобрела в наследство не только значительную сырьевую базу, но также контакты и связи с другими странами, которые по-прежнему нуждались в ответственном поставщике и надёжном партнере.

Правильное понимание процессов и явлений, с которыми сталкивается отечественный ТЭК сегодня, а также эффективное прогнозирование возможны только с учетом анализа исторических основ и особенностей формирования нефтегазовой политики, выявления закономерностей и сравнения тенденций прошлого и настоящего.

Первый и второй энергетические повороты. Начало трансформации нефтегазовой промышленности в СССР

Развитие нефтегазовой промышленности в России началось во второй половине XIX века, но затем было заторможено в начале 1900-х годов. В качестве причин отмечают: высокий уровень монополизации отрасли, технологические и организационные ошибки, а также политические и экономические потрясения на территории страны [15]. При этом нельзя однозначно констатировать отставание в развитии нефтегазового сектора в сравнении с другими странами. Предпосылки и условия для активного использования недр зародились в один и тот же промежуток времени, и большую роль сыграли промышленная революция и внедрение машинной техники.

Историю развития нефтегазовой отрасли в СССР возможно разделить на три основных периода, которые связаны с тремя энергетическими поворотами: первый — с 1920 по 1929 год, второй — с 1930 по 1956 год, третий — с 1956 по 1991 год [15–18].

Первый период связан с восстановлением страны после окончания Гражданской войны, началом реализации плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), который стал первым перспективным проектом по развитию

экономики и энергетической отрасли молодого советского государства, а также заложил основы будущей энергетической политики СССР [8].

Данный период характеризуется преобладанием угля в энергетическом балансе страны. Как отмечает историк А.А. Иголкин, советское руководство уделило недостаточное внимание нефти: это подтверждается расстановкой приоритетов увеличения добычи и, соответственно, использования энергоресурсов: на первом месте стоял уголь, затем шли сланец, торф и древесное топливо. Нефть обеспечивала децентрализацию системы управления в развивающейся советской экономике, что в корне противоречило политическим и идеологическим принципам управления в советском государстве [13].

Тем не менее СССР признавал значительную роль нефти в экономике страны и придавал особое значение «черному золоту»: азербайджанские и кавказские месторождения активно эксплуатировались, а также предпринимались попытки технологической модернизации. Добываемые нефть и нефтепродукты использовались, прежде всего, для экспорта. Как уже отмечалось, спрос на нефть и нефтепродукты во всем мире постепенно увеличивался и был обусловлен автомобилизацией и широким машиностроением. Экспорт нефти позволил СССР получать значительные валютные поступления для реализации экономических планов, а также предоставил возможность стране выйти из экономической изоляции (табл. 1) [17].

Таблица 1

Объемы экспорта нефти и нефтепродуктов СССР¹

Год	1913	1928	1938	1950	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Нефть, тыс. тонн	0,7	248	168	303	2906	3897	5923	9093	12458	17825
Нефтепродукты, тыс. тонн	952	2534	1221	778	5090	6170	7757	9045	12887	15393

Доктор исторических наук, профессор В.П. Карпов отмечает, что в историографии нефтегазовой промышленности, особенно

¹ Составлено автором на основе [18; 24, с. 745].

это характерно для советской науки, исследователи противопоставляют дореволюционный и советский периоды в развитии отрасли. Отмечается «хищническая эксплуатация месторождений», невнимание правительства к нуждам нефтегазовой промышленности до 1917 года. Лишь революция и сдвиг в экономической политике государства позволили изменить отношение к роли полезных ископаемых в развитии страны [15].

К концу 1920-х советское правительство действительно меняло свой подход к нефти. Промышленность в период первой пятилетки (1928–1932 гг.) развивалась в русле энергетической концепции [22]. Индустриализация страны требовала также большего внедрения машинной техники: строительство новых заводов и комбинатов; развитие авиации и авиационной промышленности; распространение и внедрение сельскохозяйственной техники; судостроение и обеспечение морской логистики; увеличение обороноспособности страны с одновременным ростом числа грузовой и бронированной техники, — это и многое другое требовало всё большего числа горюче-смазочных материалов (табл. 2).

Таблица 2

Объемы добычи нефти в СССР¹

Год	1922	1927	1932	1937	1940	1945	1950	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Тыс. тонн	4658	10285	21422	28540	31120	19434	37878	70793	83806	98346	113216	129557	147859

Газовый сектор развивался первоначально в тени нефтяного: первые структуры газовой промышленности сформировались в рамках нефтяных трестов, таких как «Азнефть» и «Грознефть». В этот период газовая промышленность не привлекала особого внимания: лишь на рубеже 30-х годов прошлого века начали активно подниматься вопросы перспектив использования газа в индустриализации страны [29].

Второй период связан с сокращением доли нефтяного экспорта, а также с формированием новой роли нефти в государственной политике: нужно было обеспечивать промышлен-

¹ Составлено автором на основе [24, с. 262; 25, с. 184].

ное развитие страны, а не отправлять драгоценный ресурс за рубеж. Это не только потребовало наращивания объемов добычи и производства, но и обусловило необходимость поиска новых месторождений, освоение которых позволило бы стране полностью обеспечивать себя нефтью и нефтепродуктами.

Экспортные показатели нефти на протяжении всего периода постепенно снижались. Помимо обеспечения задач индустриализации страны, «черное золото» начало приобретать также значение стратегического ресурса в системе обороноспособности страны: потребности перевооружаемой армии, которая осваивала новые системы вооружения и техники, необходимо было покрыть значительными объемами топлива. С учетом негативных и угрожающих безопасности СССР тенденций в мировой политике этот вопрос становился всё более актуальным. Однако уже с началом нового периода развития нефтяная промышленность начала сталкиваться с первыми серьезными вызовами.

Е.В. Бодрова и В.В. Калинов в исследовании «Нефтяная отрасль СССР в конце 1920–1930-х годов: противоречивые результаты развития» отмечают объективные причины необходимости развития нефтяной промышленности в СССР на начало 30-х годов прошлого века, которые поднимались на обсуждение со стороны ведущих специалистов нефтяной отрасли в те годы (И.М. Губкиным и А.П. Серебровским): большая часть добытой нефти приходилась на азербайджанские месторождения; наблюдалось отставание эксплуатационно-разведочного бурения; отсутствовало необходимое оборудование и мощности для проведения сверхглубокого бурения, что позволило бы эксплуатировать месторождения в полном объеме; срок работ на эксплуатируемых месторождениях часто превышал 50 лет — верхние горизонты месторождений были практически полностью выработаны; наблюдался дефицит квалифицированных кадров [4]. Эти проблемы предлагалось решать путем создания и использования нового высокотехнологичного оборудования, а также подготовки специалистов в США, где эффективно применяли технологию сверхглубокого бурения.

Е.В. Бодрова и В.В. Калинов поднимают вопрос, который часто становится предметом исследований разных направлений в науке: принцип «догнать и перегнать» в экономической и промыш-

ленной политике СССР. Исследователи констатируют, что разработка планов развития нефтяной отрасли во второй пятилетке (1933–1937 гг.) шла без расчетов имевшихся ресурсов и доступных запасов сырья. Необеспеченность финансовыми, кадровыми, материальными ресурсами, а также отставание в области технологий и проведении геологоразведочных работ выступают главными факторами, тормозившими развитие отрасли в эти годы [4].

В действительности уголь продолжал оставаться главным энергоресурсом страны еще несколько десятилетий. Добыча нефти хоть и росла в объемах, но темпы значительно сокращались (1927–1932 гг. — рост добычи на 100% в сравнении с прошлым периодом, 1932–1937 гг. — рост добычи на 33%, 1937–1940 гг. — рост добычи на 9%) [15]. Развитие нефтяного сектора требовало мобилизации не только экономического, но и технологического, кадрового и научного потенциалов страны. Выделение значительных ресурсов на нефтяную промышленность советским руководством рассматривалось в качестве не самой популярной идеи, когда в наличии имелись угольные, торфяные и сланцевые месторождения, разработка и освоение которых были сопоставимы по затратам, но давали значительно больше объема продукции и были не такими рискованными [12].

Однако всё же конец 20-х и начало 30-х годов XX века характеризуются интенсификацией геологоразведочных работ и поиском новых перспективных месторождений нефти: в эти годы были открыты крупные месторождения на Урале и в Башкирии, получившие название «Второе Баку». Работа по их освоению длилась многие годы и сталкивалась с разными проблемами организационно-технологического характера. Активная работа по эксплуатации новых месторождений началась в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления страны [6].

Советская нефтегазовая политика в годы Великой Отечественной войны

Советский Союз, обладавший колоссальными по объему запасами природных ресурсов, выступал объективной целью для агрессивной политики нацистской Германии, одной из задач которой являлось расширение жизненного пространства для немецкого народа.

С началом войны советская экономика и, соответственно, энергетическая отрасль были переведены на военные рельсы — основной задачей стало обеспечение военной промышленности и нужд сражающейся армии достаточным количеством энерго-ресурсов.

Несмотря на удары по объектам нефтяной промышленности, уровень добычи в СССР в первые месяцы войны оставался на уровне довоенных показателей. С учетом продвижения вражеских войск и активных атак по нефтепромысловым районам на Украине, Кавказе, в Азербайджане, Краснодаре и других областях советское руководство уделило внимание перемещению сырьевой базы на Восток.

Разные органы и ведомства страны принимали участие в обеспечении эвакуации и ликвидации объектов нефтяной промышленности СССР: Государственный комитет обороны (ГКО), Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР, Народный комиссариат нефтяной промышленности и подчиненные ему учреждения (такие, например, как Комиссия по эвакуации при Наркомнефти). Управленческая структура предполагала вовлечение всех органов управления для обеспечения организационной эвакуации предприятий без катастрофического ущерба и потерь [21, с. 109–111].

Согласно постановлениям ГКО летом–осенью 1941 года «О мерах по развитию добычи и переработки нефти в восточных районах СССР в Туркмении» (постановление ГКО от 30 июля 1941 г.), «Об эвакуации Майкопнефти и Грознефти в Башкирскую АССР» (постановление ГКО от 28 октября 1941 г.) организовывалась работа по эвакуации и размещению заводов и предприятий нефтяной промышленности, налаживанию их работы [5].

Комиссия при Народном комиссариате нефтяной промышленности обеспечивала подготовку и перевод организаций и сотрудников Наркомата, разрабатывала планы эвакуации и занималась подбором мест для перебазирования предприятий. В июле 1941 года были приняты решения о демонтаже и вывозе оборудования заводов в Одессе, Херсоне и Бердянске [14, с. 56]. В это же время решение об эвакуации предприятий не только из вышеупомянутых городов, но также из Крыма и Ленинграда принимает и Совет по эвакуации при СНК СССР.

Органы управления Наркомнефти взаимодействовали при эвакуации с другими органами власти. Активную помощь в переброске промышленных мощностей оказывал Народный комиссариат путей сообщения СССР, выделявший необходимый транспорт. Для обеспечения эвакуационных мероприятий привлекались тысячи людей и сотни единиц разной техники — за счет этого удавалось осуществить демонтаж и перемещение в сжатые сроки.

Изменение ситуации на фронте в 1942 году и попытки прорыва немецких войск на Кавказе для получения доступа к нефтеносным районам снова вынудили принимать меры по эвакуации промышленных предприятий нефтяного сектора из Краснодара, Чечено-Ингушской АССР и Азербайджана [5].

Серьезным оставался вопрос относительно возможных действий в случае захвата нефтеносных районов: необходимо было не допустить использования противником оставшейся и не подлежащей эвакуации инфраструктуры. К ней относятся разные капитальные объекты предприятий, емкости для хранения нефтепродуктов, а также скважины, которые представляли особый интерес для врага. В разработке мер по ликвидации остатков инфраструктуры участвовали ГКО, Наркомнефти, НКВД, ГРУ Красной армии, а также центральное и местное военное командование. Мероприятия по ликвидации оборудования и объектов нефтяной промышленности осуществлялись в случаях отступления советских войск и скорейшего занятия нефтепромыслового района противником: скважины забивались и затапливались; портилось или уничтожалось разное оборудование; капитальные строения и сооружения подрывались, нефтепродукты сжигались [21, с. 134–161].

Перебазирование предприятий или их ликвидация в годы Великой Отечественной войны были крайне сложным организационным мероприятием с большим количеством вызовов: угрозы ударов со стороны немецких войск, сжатые сроки работы, необходимость сохранения важной документации, перемещение большого числа людей, оборудования и других материальных ценностей, произведенной продукции.

Тем не менее советская нефтяная промышленность смогла обеспечить сохранность своих предприятий и специалистов, а также организовать работу на новых местах.

С переходом Красной армии в контрнаступление и с постепенным освобождением территории актуальным вопросом стало восстановление объектов нефтяной промышленности в регионах, находившихся под оккупацией Германии. Это восстановление не только предполагало проведение ремонтных и восстановительных работ на объектах, но также включало в себя мероприятия по реанимации и запуску в работу всех заводов и предприятий, которые обеспечивали нефтяную промышленность и пострадали в результате боевых действий. С учетом того, что отступающий враг наносил значительный ущерб логистической и другой инфраструктуре, задача по налаживанию работы нефтяного сектора становилась серьезным вызовом.

В 1943 году Государственный комитет обороны постановил приступить к работам по восстановлению, которые предполагалось начать со специально выдержанной паузой в несколько месяцев. Это обуславливалось рядом причин: во-первых, необходимо было удостовериться в отсутствии повторения ситуации повторной эвакуации в случае возможных наступлений немецких войск, во-вторых, необходимо было подготовить транспортную инфраструктуру к нагрузкам по обратной переброске предприятий нефтяной промышленности, чтобы не препятствовать обеспечению наступающих советских войск. Было необходимо также дать время предприятиям страны подготовиться и начать выпуск необходимого оборудования, которое либо пострадало, либо было безвозвратно утеряно в результате войны [21, с. 167–168].

По вопросу восстановления предприятий нефтяной промышленности СССР обращался также за помощью к другим странам. Свой вклад внесли специалисты из США: 14 апреля 1943 года ГКО принял постановление «О строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов», которое предполагало строительство в Гурьеве, Красноводске, Куйбышеве и Орске новых предприятий. Основным поставщиком оборудования определялась американская фирма «Бэдджер» (Badger and Sons Co), через которую шла технологическая продукция других американских компаний [3; 11].

Первым из четырех спроектированных заводов заработал Куйбышевский НПЗ (сентябрь 1945 г.). Окончание строительства и запуск остальных откладывались из-за недостатка материалов

и рабочей силы, невыполнения инструкций, ошибок в предоставлении данных для проектирования предприятий, транспортных задержек и иных проблем [3].

Однако масштаб работ по восстановлению нефтяной промышленности в СССР с началом освобождения захваченных немцами территорий набирал обороты. С переходом Красной армии в наступление уже за пределами СССР Наркомнефть получал доступ к захваченному импортному оборудованию, материалам и технологиям. Всё это ускоряло темпы восстановления.

В 1944 году И.В. Сталин заявил наркомку нефтяной промышленности Н.К. Байбакову: «Мы создали и танки, и самолеты, и машины. Много у нас захваченной техники. Но они же останутся без движения, если не будет нефти, бензина, дизельного топлива. Нефть — это душа военной техники, а я бы добавил, и всей экономики» [1 с. 48–49]. При этом доля угля в топливно-энергетическом балансе страны продолжала оставаться высокой.

В 1946 году И.В. Сталин, выступая перед советскими гражданами, подтвердил два уже упомянутых факта (необходимость развития нефтяной промышленности и одновременное преобладание угля в балансе экономики): «Наша промышленность должна производить ежегодно до 50 млн т чугуна, до 500 млн т угля, до 60 млн т нефти... На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше... И мы должны это сделать» [27].

Советское руководство в условиях войны и растущих потребностей фронта за 1941–1945 годы существенно вложило в развитие нефтяной промышленности. За этот период в сектор было вложено более 5,566 млрд рублей, были открыты более 30 новых нефтяных и газовых месторождений [5]. Обеспечить довоенные показатели и новые уровни добычи в этот период удалось за счет в том числе освоения месторождений Казахстана, Средней Азии и Дальнего Востока, и особенно «Второго Баку». Дальнейшие успехи геологоразведки на Поволжье и Урале, сделанные в 1944–1945 годах, подтвердили наличие огромных запасов нефти в разных частях всей нефтеносной области. Развитие нефтяной промышленности на Востоке положило начало формированию сырьевой базы СССР, которая уже в следующем десятилетии будет активно развиваться и использоваться в интересах экономики и внешней политики страны.

Развитие газовой промышленности только набирало обороты: к концу 1930-х годов были открыты 50 газовых месторождений по всей территории страны, объемы добычи за 10 лет к 1940 году выросли почти в 3 раза (табл. 3). Тем не менее основное развитие на данный сектор пришлось уже после Великой Отечественной войны: Москва получила газ по газопроводу Саратов — Москва. Лишь спустя несколько лет был дан старт политике газификации всей страны [29].

Таблица 3

Объемы добычи природного газа в СССР¹

Год	1928	1932	1937	1940	1945	1950	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1965	1970
Млн куб. м	304	1049	2179	3219	3278	5761	8981	12067	18583	28084	35386	45303	127666	197945

Великая Отечественная война хотя и стала очевидной преградой на пути развития нефтедобывающей промышленности страны, тем не менее сыграла роль драйвера военной промышленности. Успехи воюющей страны обеспечивались поступающими объемами сырья, хотя их уровень по сравнению с показателями довоенных значений был ниже.

Нанесенный войной урон нефтяному сектору требовалось в кратчайшее время компенсировать. В то же время необходимо было дать импульс развитию отрасли. Нефть становилась одним из ключевых элементов мировой экономики, а с учетом начала геополитического противостояния социалистических и капиталистических идеологий и блоков начинала играть стратегическую роль.

Третий поворот в советской энергетической политике: нефтегазовый сдвиг и развитие экспортной сети поставок

Следующий этап развития нефтяной и газовой промышленности СССР связан с очередным переосмыслением значения энергетических ресурсов, интенсификацией добычи, созданием крупной сырьевой и промышленной базы. На рубеже 40–50-х годов XX века СССР занимал 3-е место в общемировой нефтедобыче

¹ Составлено автором на основе: [25, с. 185].

после США и Венесуэлы. К этому моменту Советский Союз начал постепенно включаться в нефтяную геополитическую гонку, расширяя экспортную политику. В 1949 году начались поставки нефти в Чехословакию — 55,5 тыс. тонн, в 1950 году — в Польшу (53,5 тыс. тонн), в 1951 году — в Венгрию (почти 200 тыс. тонн нефти) [19].

Формальный старт трансформации топливного баланса и всего сектора экономики страны связан с XX съездом КПСС в 1956 году, в рамках которого были сформулированы директивы к шестому по счету плану пятилетки. На период 1956–1960 годов было намечено ускорение развития нефтегазовой промышленности.

Курс на продолжение политики развития нефтегазовой отрасли нашел свое отражение в партийных решениях следующих лет: XXI съезд КПСС в 1959 году установил новые показатели добычи нефти и газа в семилетнем плане 1959–1965 годов: «Обеспечить в 1965 году добычу нефти в количестве 230–240 миллионов тонн, добычу и производство газа — 150 миллиардов кубических метров» [32, с. 435]. В 1961 году XXII съезд КПСС обозначил новое место нефти и газа в экономике СССР: за 20 лет советская топливная промышленность должна увеличить объем добычи нефти в 4,5 раза (до 710 млн тонн), объем добычи газа — почти в 15 раз (до 720 млрд м³) [33, с. 171]. Последнее должно было способствовать реализации задач по обеспечению высоких темпов машиностроения, потребностей химической промышленности, а также повышению уровня жизни советского населения путем теплоснабжения и газификации населенных пунктов страны [7; 28].

Если в прошлые годы газовая отрасль продолжала развиваться в тени нефтяной: месторождения природного газа открывались, как правило, в рамках геологоразведочных мероприятий по поиску нефти, — то с принятием новых директив наметился сдвиг. С 1959 года были разъединены газовые и нефтяные разведочные мероприятия, а на рубеже 50–60-х годов появилась широкая сеть газопроводов внутри страны. Научно-технические достижения и экономическая политика обусловили возрастающую роль газа в промышленности. 6 декабря 1957 года было образовано Главное управление газовой промышленности СССР, которое и брало на себя задачи по эффективному управлению

газовым сектором страны [30]. Позже этот орган будет трансформирован в Государственный производственный комитет по газовой промышленности, а затем — в Министерство газовой промышленности СССР. Новые технологии в геологоразведке, добыче, транспортировке и использовании ставили газ на один уровень с нефтью по стратегическому значению для всеобъемлющего развития экономики и промышленности страны. Планы газификации городов способствовали повышению уровня жизни и благосостояния советских граждан.

Ключевую роль в интенсификации сыграла геополитика: в 1949 году был учрежден Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого страны социалистического блока могли рассчитывать на поддержку со стороны СССР. Уже в начале 50-х годов страны СЭВ столкнулись с проблемой нехватки топлива и нефтепродуктов. Поставки, осуществляемые СССР странам соцблока после Второй мировой войны, могли компенсировать потребности лишь отчасти. На совещании СЭВ 18–25 мая 1956 года вновь обозначился вопрос об увеличении ввоза в страны СЭВ сырой нефти из СССР [19].

Проблема требуемых объемов постепенно решалась. СССР помимо повышения уровня добычи также импортировал нефть и нефтепродукты из ряда стран: Австрии, Албании, Румынии, Ирана и других. В это же время сформировались проблемы транспортного характера. Увеличение поставляемых объемов нужно было компенсировать эффективно работающей логистической цепочкой [19]. 11–13 декабря 1958 года в Праге на заседании СЭВ между странами обсуждался вопрос о строительстве магистральных нефтепроводов (МНП) для поставок нефти из СССР в Венгрию, Германию, Польшу и Чехословакию. Нефтепровод «Дружба-1», основные объекты которого были сданы к 1964 году и который начинался в нефтеносном «Втором Баку», стал самым крупным в мире МНП на тот момент [17].

Вместе с этим СССР способствовал активному строительству нефтеперерабатывающих заводов и комплексов на территории союзных государств: такие появлялись в ГДР, Польше, Чехословакии и других странах.

На рубеже 1960–1970-х годов наряду со значительными успехами и достижениями СССР по увеличению объемов добычи газа

и его использованию в промышленности и экономике страны происходило также становление энергоресурса в качестве второго ключевого экспортного товара. По объему разведанных запасов СССР занял 1-е место в мире и смог предложить услуги поставщика нуждающимся в энергоресурсах экономикам Европы. Предложенная в 1967 году министром иностранных дел СССР А.А. Громыко модель «газ — трубы» позволила создать газотранспортную сеть из Советского Союза в Европу. Уже к 1971 году были заключены контракты на поставки газа с Австрией (1968 г.), Италией (1969 г.), ФРГ (1970 г.), Финляндией и Францией (1971 г.) [31].

На протяжении всего **третьего периода** Советский Союз поступательно увеличивал объемы добычи, производства и экспорта нефти, газа и производных продуктов. К концу своего существования страна являлась мировым лидером в нефтегазодобыче, а также в экспорте природных ресурсов. Валютные поступления от экспорта не только позволяли СССР обеспечивать внутригосударственные инициативы по развитию, но также способствовали всеобъемлющей помощи развивающимся странам по всему миру. СССР использовал сырьевой экспорт для компенсации кризисных явлений в промышленности и повышения ее технологического уровня, продолжая следовать экстенсивному принципу развития. Активно закупал за полученную валюту оборудование, технологии и материальные ценности из-за рубежа [15]. Нефть и газ стали основой экспортной экономики СССР, что в настоящее время активно обсуждается как зависимость от нефти и газа, так называемая нефтегазовая игла, и вызывает дискуссии среди экспертного сообщества.

Миф о «нефтегазовой игле» в экономике СССР

В настоящее время вопрос о месте нефтегазового сектора в развитии СССР остается предметом споров. Очевидно, что создание мощной сырьевой базы обусловлено тенденциями в экономике и промышленности страны. Более того, наличие этой базы во многом и поспособствовало дальнейшей индустриализации и развитию страны, в особенности после Великой Отечественной войны.

Существует миф, который гласит, что, тесно связав свою экономику с нефтегазовым экспортом, СССР predetermined даль-

нейший коллапс своей национальной экономики. Аргументом в пользу такого вывода является как раз падение цен на энергоресурсы в 1980-е годы, что и стало первым шагом к распаду страны ввиду усугубляющегося с годами экономического кризиса.

Роль нефтегазовой отрасли в экономике остается актуальным предметом научных и публичных дискуссий: этому вопросу посвящено большое количество исследований российских и иностранных ученых и специалистов, а государство и политики обращают внимание на тему «нефтегазовой иглы» в контексте развития экономики России сегодня.

К вопросу определения значения «нефтегазовой иглы» для Советского Союза следует подходить не только от объемов экспорта или их выражения в национальной валюте, но и от того, что стоит обращать внимание на то, какое место полученные суммы занимают в общем бюджете страны.

В статье «Место экспорта нефти и газа в экономике СССР в свете статистических источников (1965–1985 гг.)» авторы М.А. Гриценко и С.В. Сливко подробно анализируют роль доходов от нефтегазовой экспортной деятельности Советского Союза. Исследователи обращают внимание на то, что простые подсчеты официальной статистики, выпускаемой ежегодно Центральным статистическим управлением СССР, не то чтобы не позволяют сделать вывод о какой-то серьезной зависимости экономики СССР от доходов с продажи нефти и газа за рубеж, а прямо противоположны этому утверждению (табл. 4) [10].

Таблица 4

Доходы бюджета СССР и доля экспорта нефти и газа (1965–1985 гг.)¹

Показатель	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Доходы (млрд руб.)	102,3	156,7	218,8	302,7	390,6
Общий экспорт (млрд руб.)	7,3	11,5	24,03	49,6	72,7

¹ Таблица представлена Гриценко М.А. и Сливко С.В. [10].

Окончание таблицы 4

Экспорт нефти и газа (млрд руб.)	1,1	1,35	6,4	21,8	35,9
Доля экспорта нефти от общего экспорта, %	15,1	11,7	26,6	56,7	493
Доля доходов экспорта нефти и газа от доходов госбюджета, %	1,07	0,9	2,9	7,2	9,2

«Исходя из данных вычислений, можно сделать вывод о том, что доход государственного бюджета СССР от продажи нефти и газа в действительности не превышал 9,2% даже в самые “зависимые годы”. Безусловно, темпы роста экспорта нефти и газа были очень стремительными, что объясняет быстрое увеличение их доли в доходной части бюджета и в структуре экспорта. Однако эта доля была недостаточной, чтобы оказывать решающее влияние на всю экономическую систему и вызывать зависимость, т.е. “подсадить СССР на нефтегазовую иглу”», — к такому выводу приходят авторы, анализируя основные экономические показатели (доходы, экспорт нефти и газа, доля экспорта в процентах) [10].

В качестве подтверждения вывода авторов о необходимости смотреть на место экспортных доходов во всей системе бюджета страны обратимся также к статистике последних лет существования СССР, которые связаны с нарастающим экономическим кризисом. В последних версиях статистических сборников появилась статья доходов «Доходы от внешнеэкономической деятельности (таможенные доходы, доходы от экспорта и неторговых операций)», которая непосредственно и включает в себя объемы торговли нефтью и газом. В таблице 5 четко показано, что доля доходов от внешнеэкономической деятельности не превышает 1/5 части от общего уровня доходов страны. Более того, следует обратить внимание и на то, что общая доля топлива и электроэнергии, поставляемой на экспорт, в последние годы существования СССР снизилась. Сравнение этих показателей

в очередной раз не дает основания говорить о серьезной зависимости экономики позднего СССР от поставок энергоносителей.

Таблица 5

**Доходы бюджета СССР и доля экспорта товаров ТЭК
(1985–1990 гг.)¹**

Показатель	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Доходы (млрд руб.)	372,6	371,6	376,4	376,9	401,9	471,6
Доходы от внешне- экономической деятельности (млрд руб.)	71,1	64,4	69,3	62,6	67,2	75,2
Доля доходов от внешне- экономической деятельности в доходах госбюджета, %	19,1	17,3	18,4	16,6	16,7	15,9
Доля топлива и электроэнергии в общей структуре экспорта, %	52,7	47,3	46,5	42,1	39,9	40,5

Доктор экономических наук В.В. Волков в своем исследовании «Миф о зависимости СССР от продажи нефти» также обращается к сравнению основных экономических показателей. Исследователь подробно подходит к разбору мифа о преобладающей нефтегазовой составляющей в экономике СССР. Во-первых, большая часть поставок осуществлялась СЭВ, что являлось в первую очередь политическим, а только уже потом экономическим фактором. С этой точки зрения именно страны СЭВ сидели на «нефтяной игле» у СССР, а не наоборот. Во-вторых, детальное изучение ценовых и количественных показателей экспорта на примере 1980-х годов в страны СЭВ и в государства капиталистического

¹ Составлено автором на основе анализа статистических источников ЦСУ СССР [26, с. 15, 644, 659].

блока вновь демонстрирует отсутствие зависимости экономики Советского Союза от поставок энергоносителей. В.В. Волков приходит к выводу: «Ни по объему добытой нефти, шедшей на экспорт из всего экспорта, ни по доле от продажи нефти капиталистическим странам в национальном доходе СССР, ни по структуре экспортируемого топлива и электроэнергии нельзя увидеть серьезной зависимости СССР от экспортных поставок. При этом наиболее ошеломляющим выглядит результат анализа по доле от продажи нефти капиталистическим странам в национальном доходе СССР (с учетом импорта) — 0,8%» [9].

Это соответствует анализу общих показателей государственного бюджета СССР в 1980-х годах. Одним из главных источников дохода для государства был налог с оборота, который был учрежден в 1930 году и заменил косвенные налоги. Доля получаемых бюджетом СССР средств от налога с оборота постоянно возрастала: в 1950-х годах — 22–24 млрд рублей, в 1980-х годах — от 94 млрд до 111 млрд рублей. Другими важными статьями доходов советского бюджета были налоги от прибыли предприятий, налоги с населения (подходный, сельскохозяйственный и другие) [2].

Анализ структуры экономики СССР даже по таким базовым показателям, как бюджет, экспорт и доля экспорта, позволяет сделать вывод, что критического значения для экономики страны экспорт нефти и газа не имел. Даже в последние годы существования СССР, которые связаны с растущим внутриполитическим и экономическим кризисами, продажа в другие страны нефти и газа не играла настолько существенной роли: важно разделять экспорт нефтегаза с точки зрения поставляемых объемов и получаемых за счет этого средств. За период с 1985 по 1990 год средняя доля нефтегазовой отрасли составила в среднем 44,8% от всего объема экспорта страны. При этом сама доля доходов от внешнеэкономической деятельности в доходах госбюджета в среднем составляла 17,3%. Безусловно, отрицать значение доходов от продажи энергоресурсов нельзя — это была важная как по количеству, так и по объемам поступающих средств статья государственного бюджета, однако приписываемое ей значение в советской экономике тоже не следует преувеличивать.

Заключение

СССР на протяжении всего периода своего существования подходил к вопросу развития энергетической промышленности комплексно, учитывая актуальные для тех лет экономические и политические приоритеты в развитии. При этом энергетика развивалась поступательно, совместно со всей промышленностью страны и одновременно выступала драйвером развития экономики.

Эволюция советского нефтегазового комплекса, в рамках которой была сформирована крупная сырьевая база, создана промышленная основа для обеспечения нефтегазовой промышленности, а также развита широкая транспортная нефтегазовая экспортная сеть, дала импульс для развития современной России после распада Советского Союза. Это выступило также базой для укрепления взаимоотношений с другими странами, в том числе с Европой, на рубеже 1990–2000-х годов.

Россия не только сохранила курс, взятый в середине 1950-х годов, на экспорт энергоресурсов как важный элемент экономики, а также внешней политики, но и значительно увеличила долю валютных поступлений в бюджет в первые десятилетия.

Политическое и экономическое давление на Россию, продолжающееся с 2014 года, показало реальную необходимость значительных изменений в энергетическом секторе России. Это вновь подтвердилось и в 2022 году, когда многолетнее и взаимовыгодное энергетическое сотрудничество с европейскими странами было фактически уничтожено в угоду политическим амбициям Вашингтона и сочувствующим этим амбициям политикам в ЕС.

Провозглашаемый сегодня разворот на Восток, сопровождаемый продолжающимся энергетическим кризисом в Европе и трансформацией энергетической системы, является новым, **четвертым**, поворотом отечественного ТЭК. Сегодняшняя трансформация связана со следующими направлениями: развитие внутреннего рынка, диверсификация экспорта, обеспечение полного суверенитета отрасли, а также увеличение глубины переработки (суммарный процент выхода нефти из общего количества нефтепродуктов, за исключением неперерабатываемого остатка) и т.д. Эти направления осенью 2023 года в рамках форума «Российская энергетическая неделя» были озвучены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным [34].

В рамках перечисленных направлений уже можно наблюдать соответствующие изменения, характеризующие трансформацию отечественного ТЭК. Вводятся новые практики в экспортной политике: расчеты с недружественными странами проводятся в рублях; для обеспечения безопасности расчетов в систему оплаты включаются российские, а не только зарубежные банки; реализуются новые перспективные инфраструктурные проекты, направленные не на Запад; для обеспечения суверенитета топливно-энергетического комплекса уделяется большое внимание политике импортозамещения, развитию научного и промышленного потенциалов отрасли. Можно предполагать, что итоги активно проводимых изменений будут заметны уже в ближайшие 5–10 лет. Это даст основания для их оценки и сформулирует новые принципы энергетической политики России, которые станут частью новой Энергетической стратегии Российской Федерации (действующая версия документа принята на период до 2035 года).

Литература

1. *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. — М., 1993. — 317 с.
2. *Баканов С.А.* Государственный бюджет СССР в 1950–80-е годы: динамика и структура расходов // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 304–326.
3. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* К истории строительства поставленных в СССР по ленд-лизу нефтеперерабатывающих заводов (1941–1945 гг.) // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 334–345.
4. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х–1930-е годы: противоречивые результаты развития // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 314–327.
5. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Эволюция государственной политики в нефтяной отрасли промышленности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 3–7.
6. *Бодрова Е.В., Калинов В.В., Красивская В.Н.* Начало разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья в 1930–1940-х годах // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 323–336.
7. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Развитие нефтегазового комплекса страны в послевоенные десятилетия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 4 (25).
8. *Бушуев В.В., Воропай Н.И.* План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. — 2019. — № 4. — С. 30–39.
9. *Волков В.В.* Миф о зависимости СССР от продажи нефти // Свободная мысль. — 2023. — № 1 (1697). — С. 25–32.
10. *Гриценко М.А., Слишко С.В.* Место экспорта нефти и газа в экономике СССР в свете статистических источников (1965–1985 гг.) // Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ. — 2018. — С. 252–256.
11. *Иголкин А.А.* Нефтеперерабатывающие заводы, поставленные в СССР из США по ленд-лизу // Бурение и нефть. — 2007. — № 5. — С. 53–55.
12. *Иголкин А.А.* Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки: планы и реальность // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. — Вып. 10. — М., 2005. — С. 132–145.

13. *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в первой трети XX века // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. — Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: ИРИ РАН, 2002. — С. 139–156.
14. *Иголкин А.А.* Советская нефтяная политика в 1940-м — 1950-м годах. — М.: Ин-т российской истории, 2009. — 324 с.
15. *Карпов В.П.* Нефть и газ в промышленной политике СССР (России) // Вестник Нижневартовского государственного университета. — 2010. — № 4. — С. 75–88.
16. *Кикилашвили К.В.* Трансформации нефтяной отрасли России и СССР: сравнительный анализ // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2018. — № 6. — С. 24–32.
17. *Колева Г.Ю.* Нефть в политике советского государства // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 9 (174). — С. 43–50.
18. *Колева Г.Ю.* Энергетическая политика советской эпохи (основные периоды и их содержание) // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Гуманитарные исследования. Humanitates. — Т. 1. — 2015. — № 3. — С. 152–167.
19. *Колева Г.Ю., Колев Ж.М.* Советский нефтяной экспорт 1950–1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. — 2020. — № 66. — С. 44–57.
20. *Комгорт М.В.* Создание «Сибирской нефтяной базы» в промышленной политике государства (1940–1960-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 8 (337). — С. 49–57.
21. *Королев М.Ю.* Управление нефтяной промышленностью СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2021. — 215 с.
22. *Лапаева М.Г., Лапаева О.Ф.* Основные этапы формирования и развития топливно-энергетического комплекса в России // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 8. — С. 4–12.
23. Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник. — М.: Гос. стат. изд-во, 1959. — 960 с.
24. Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. — М.: Гос. стат. изд-во ЦСУ СССР, 1961. — 945 с.
25. Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. — М.: Статистика, 1971. — 824 с.
26. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 752 с.
27. Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы // Правда. — 1946. — № 35.
28. *Славкина М.В.* История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. — Вып. 10. — М., 2005. — С. 146–162.
29. *Хасанов И.И., Шакиров Р.А.* Становление добычи и транспорта природного газа в СССР // История и педагогика естествознания. — 2021. — № 1–2. — С. 58–63.
30. *Хромов Е.А.* Проблемы выбора стратегии развития нефтегазового комплекса СССР в контексте ведомственных и региональных интересов в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2016. — № 2. — С. 135–142.
31. *Шишов С.А.* Экспорт газа из СССР // Электронный научный журнал. — 2016. — № 2. — С. 490–500.
32. XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. — М., 1956. — Т. 2. — 613 с.
33. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. — М., 1961. — Т. 2. — 608 с.
34. Стенограмма пленарного заседания международного форума «Российская энергетическая неделя» / Президент России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72480> (дата обращения 05.01.2024).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бочарников Игорь Валентинович,

доктор политических наук, профессор,
руководитель Центра проблем национальной безопасности, Москва.

Igor V. Bocharnikov,

Doctor of Political Sciences, professor,
Head of the Center for National Security Problems, Moscow.

E-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

Вильчинский Антон Сергеевич,

аспирант,
эксперт Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Anton S. Vilchinskii,

PhD student,
Expert, Institute for Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: vilchinskiy97@inbox.ru

КРИЗИСНЫЕ УЗЛЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER: MAIN AREAS OF CRISIS

Аннотация: статья посвящена ключевым выводам, представленным в коллективной монографии ученых Дипломатической академии МИД России и Российской академии наук «Кризисная геополитика и Россия», которая вышла в свет в 2023 году. Работа стала экспертно-аналитическим ответом на комплекс геополитических вызовов, сопровождающих трансформацию миропорядка в направлении многосторонности. В книге даны содержательные характеристики основных проблемных узлов современного миропорядка и объяснены сложившиеся кризисные тенденции, обозначенные в обновленной редакции Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 года. Авторы монографии объяснили содержательное наполнение феномена кризисной геополитики, определили особенности гибридного противостояния России и стран Запада в разных регионах, охарактеризовали кризис легитимности в США и ЕС, а также выделили риски неправомерного использования искусственного интеллекта в геополитике. Зафиксированные в книге резуль-

таты имеют теоретическое и практическое значение, поскольку могут быть использованы как для дальнейших научных исследований, так и при внешнеполитическом планировании.

Ключевые слова: Россия, США, Запад, мировой порядок, кризис, трансформация, многосторонность.

Abstract: the article analyses key conclusions presented in the collective monograph “Crisis Geopolitics and Russia” written by prominent researchers of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry along with the Russian Academy of Sciences. The book was published in 2023 and became an analytical response to the complex of geopolitical challenges amid the transformation of the world order towards multilateralism. The research provides well-grounded characteristics of the current modern world order and explains the existing crisis trends, mentioned in the 2023 Russian Foreign Policy Concept. The authors explained the phenomenon of “crisis geopolitics”, distinguished the features of hybrid confrontation between Russia and Western countries in different regions, characterized the legitimacy crisis in the United States and the EU, underscored the risks that artificial intelligence brought to geopolitics. The results of the research are of theoretical and practical importance, as they can be used both for further academic research and for foreign policy planning.

Key words: Russia, USA, West, world order, crisis, transformation, multipolarity.

Введение

Обострение многоуровневого противостояния между Россией и странами Запада после начала специальной военной операции (СВО) на территории Украины 24 февраля 2022 года существенно ускорило трансформационные тенденции в мировом порядке. Попытки США и их союзников сохранить однополярный миропорядок, ставший атавизмом для современных международных отношений, терпят неудачи в связи с ростом политического, экономического и культурного влияния стран Глобального Юга. В свою очередь, Россия является одним из проводников формирования справедливого мироустройства, чьи позиции находят отклик у большинства международного сообщества.

Нынешний переходный период не осуществляется линейно и не является циклическим. Мировая система трансформируется в качественно иное состояние. В связи с этим выпущенная в 2023 году издательско-торговой корпорацией «Дашков и К^о» монография «Кризисная геополитика и Россия» [5], подготовленная ведущими учеными Дипломатической академии МИД России и Российской академии наук, является актуальным ответом на растущий запрос в профессиональном и экспертном сообществах на структурированное аналитическое осмысление макросистемных трансформаций в мировой политике, а также на выявление наиболее эффективных внешнеполитических стратегий для России в условиях хаотизации геополитики.

Представленные авторами коллективной монографии выводы опираются на широкий корпус отечественной и зарубежной литературы, а также на богатую источниковую базу, в которую вошли стратегические и нормативные документы как России, так и зарубежных стран. Выход монографии дает возможность «осмыслить причины, взаимосвязи и факторы» кризисной геополитики, а также «разработать линейку экспертных оценок и аргументированные выводы» в условиях изменяющейся географии и геометрии международных отношений [5, с. 18].

Сущность феномена кризисной геополитики

Авторы монографии уделили особое внимание определению мирополитических условий, в которых России необходимо выстраивать свой внешнеполитический курс. Так, М.А. Неймарк подчеркнул многослойность содержательного наполнения понятия «кризисная геополитика». В частности, ученый выделил три стимулирующих фактора, совокупность которых ускорила кризисные процессы в мировой политике: упадок западноцентричной либеральной модели, негативные социально-экономические последствия пандемии COVID-19, а также интернационализация украинского кризиса [5, с. 13].

Изменяется и геометрия взаимодействия стран на международной арене. М.А. Неймарк разграничил понятия «многосторонность» и «мультилатерализм», отметив, что первое чаще употребляется в российском внешнеполитическом дискурсе. Этот термин подразумевает согласование позиций разных сторон в международных институтах с уважением их интересов. «Мультилатерализм», который активнее используется западными политиками, напротив, представляет собой «продвижение своих ценностей» на мировой арене вместе с единомышленниками. В такой ситуации альтернативные позиции других стран воспринимаются как конкурирующие и отодвигаются на задний план [5, с. 18]. В период трансформации миропорядка в сторону полицентричности принцип многосторонности в работе международных институтов вытесняет западный формат мультилатерализма.

Сопоставив значение «мягкой» и «жесткой» силы в современных условиях, ученый пришел к выводу, что происходит «гибридизация» двух изначально разных по наполнению понятий, а также

усиление военной составляющей в международных отношениях [5, с. 13]. Исследователь указал, что в кризисной геополитике «конфликтогенность перешла в стадию противоборства». Его сферами являются идеологическое, информационное, военнополитическое и киберпространство, а «классические конфликты переходят к нелинейным войнам нового типа» [5, с. 22]. Таким образом, в кризисной геополитике «мягкая сила» наделяется деструктивной функцией. В гибридном противостоянии крайне сложно однозначно определить границы между войной и миром — война не объявляется, понятия «фронт», «тыл», «агрессия» более не применимы, установление авторов и ответственности за действия в этом пространстве едва возможно [5, с. 21, 24].

В этих условиях неотъемлемой частью гибридного противостояния стала «ментальная война». Как отметила Л.Н. Сидорова, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) предоставили возможность «для массированного воздействия на сознание больших групп людей, на их мышление и психику». С помощью ИКТ можно «перепрограммировать культурный код населения» [5, с. 383].

В свою очередь А.А. Данельян выделил еще одну зону риска в ментальной войне — отсутствие на международном уровне правового регулирования использования нейротехнологий. Ученый подчеркнул, что современные «цифровые сквозные технологии» создают риски манипуляции «человеческими мыслями, чувствами и нейронной информацией». В связи с этим группу прав человека дополнили «нейроправа», которые требуют кодификации [5, с. 366].

Не менее значимой зоной риска гибридного противостояния является активное использование в современных массовых коммуникациях технологии искусственного интеллекта (ИИ). С помощью ИИ можно «создавать образы» политиков, выступать от их лица, тем самым дезинформируя население. Одним из ярких примеров стало появление «цифрового двойника» Президента РФ В.В. Путина на прямой линии в декабре 2023 года, который в точности скопировал не только внешний вид, но и тембр голоса главы государства. Такие механизмы могут быть использованы для манипуляции массами, провокации противоправных действий или политической дискредитации.

Авторы приходят к выводу, что в обозначенных условиях важнейшим элементом национальной безопасности становится когнитивная безопасность. Она подразумевает защиту информационного пространства страны и общества от деструктивного воздействия извне, поскольку основной установкой для конфликтующих сторон является «достижение победы до начала боевых действий» [5, с. 23]. В ходе гибридного противостояния, которое имеет «многокомпонентный характер», стоят задачи по «комплексному изнурению и политическому изматыванию противника» [5, с. 31].

Обострение гибридного противоборства на международной арене затрудняет достижение консенсусов по продвижению в решении глобальных проблем. Одной из наиболее актуальных, как отметили С.С. Жильцов и М.Г. Троянский, является «стремительное изменение климата и негативные последствия». На примере ежегодных климатических конференций ООН ученые показали сложности переговорного процесса по совместной выработке мер, направленных на «адаптацию к новым вызовам» [5, с. 323].

Основные измерения противоборства в кризисной геополитике

Трансформация миропорядка ведет к появлению «новых форматов без выраженной центрирующей роли одного из наиболее влиятельных акторов мировой политики» [5, с. 68], однако США не готовы с этим смириться и на доктринальном уровне фиксируют задачи по укреплению своих позиций. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2022 года Соединенные Штаты характеризуют себя «глобальной державой с глобальными интересами», главной задачей которой является победа в «глобальном соревновании XXI в.», где основными противниками провозглашаются Россия и Китай [15].

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года зафиксировано, что коллективный Запад, возглавляемый США, использовал действия Москвы по защите своих национальных интересов на территории Украины как повод для эскалации «многолетней антироссийской политики и развязал гибридную войну нового типа» [9]. В настоящее время такого рода противодействие Российской Федерации и стран Запа-

да осуществляется в пяти измерениях — военном, торгово-экономическом, политико-дипломатическом, информационном и культурно-ценностном.

В военном измерении центральное место занимает Украина, которая, как отметил С.С. Жильцов, является «театром боевого сражения» России и Запада, в то время как в остальных пространствах происходит гибридное противостояние. После февраля 2022 года Украина стала инструментом антироссийской политики США и их союзников. Так, украинская армия активно поддерживается блоком НАТО, без помощи которого ее судьба была бы предрешена. С февраля 2022 года по октябрь 2023 года Киев получил более 65 млрд долл. помощи от западных партнеров [6]. Помощь осуществляется как через международные финансовые институты (МВФ), так и напрямую от США и стран ЕС. С опорой на широкую источниковую базу С.С. Жильцов привел наглядную статистику, отражающую динамику финансовых вливаний в Украину с 2014 по 2021 год. В частности, за указанный период от Евросоюза Киев получил 17 млрд евро. В 2020–2021 годах Великобритания вложила в Украину 4,7 млрд долл. [5, с. 39–40], а США с 2014 по февраль 2023 года выделили Украине около 34 млрд долл. на «помощь в области безопасности» [5, с. 48]. Ученый отметил, что перспективы вступления в ЕС являются «приманкой Киеву для борьбы с Россией».

Важно добавить, что для украинских элит поддержание конфликта — это залог «сохранения власти и получения финансовой поддержки для социальной стабильности» [5, с. 275]. Однако от сложившихся условий пострадал Киев — в 2022 году ВВП Украины сократился на 35%. В условиях СВО стране ежегодно необходимы 3–5 млрд долл. помощи, как подчеркнул ученый [5, с. 49].

Вторым измерением борьбы Российской Федерации и Запада является торгово-экономическое. В этой сфере США и их союзники через беспрецедентное санкционное давление пытаются подорвать позиции России и ее компаний в международной торгово-финансовой системе. Так, ЕС с февраля 2022 года по февраль 2024 года ввел против физических и юридических лиц Российской Федерации 13 пакетов санкций. Экономика России давление не только успешно выдержала, но и показала рост. Как отметил Президент РФ в ходе прямой линии 14 декабря 2023 года,

увеличение ВВП страны за год, по предварительным оценкам, составляет порядка 3,5% [12].

Третьим направлением противоборства является политико-дипломатическое. США с союзниками безуспешно стремятся изолировать Москву от участия в решении международных проблем, но Российская Федерация стремительно укрепляет связи со странами Глобального Юга. В 2023 году Россия успешно провела Петербургский международный экономический форум, саммит Россия — Африка, парламентскую конференцию «Россия — Латинская Америка», а министр иностранных дел России С.В. Лавров принял участие в министерском саммите ОБСЕ в Скопье, что стало первым визитом главы российской дипломатии в страну НАТО с начала СВО. Это подчеркивает, что Москва не только успешно переориентировала внешнеполитическую деятельность на работу с мировым большинством, но и сохранила каналы диалога с отдельными западными странами.

Четвертая плоскость противодействия находится в информационном пространстве. Запад ограничивает свободу слова на своей территории, запрещая вещание российских СМИ, а также блокируя их сайты в Интернете. Москва, в свою очередь, вынуждена проводить симметричные меры для недопущения распространения фейковой информации в своем информационном пространстве.

В пятом измерении идет конкуренция культурных ориентиров. Российское общество отстаивает традиционные общечеловеческие ценности, в то время как западные страны под прикрытием защиты прав человека пытаются подменить их сомнительными и противоречивыми «нововведениями». Одним из шагов по защите своего ценностного пространства стало признание движения ЛГБТ экстремистским Верховным судом РФ в ноябре 2023 года [2]. Не менее важным направлением является сохранение исторической памяти о подвигах советских воинов в освобождении Европы от нацизма. Страны Запада намеренно хотят переписать и переоценить объективные исторические события в угоду политической конъюнктуры и не сбавляющей обороты русофобии.

Одновременно с противостоянием России и Запада в разных частях международного сообщества происходит ряд кризисных явлений. М.А. Неймарк подчеркивает, что в мире наблюдается

«столкновение центробежных и центростремительных явлений, что ведет к хаотизации международного порядка» [5, с. 13].

Данный вывод подтверждается динамикой роста вооруженных конфликтов в мире. В декабре 2023 года расположенный в Лондоне Международный институт стратегических исследований (IISS) опубликовал свой ежегодный отчет о конфликтах [20]. Согласно подсчетам авторов, в течение 2023 года по всему миру произошло не менее 183 региональных конфликтов. Это самый высокий показатель за последние три десятилетия. Более того, число погибших в конфликтах за год увеличилось на 14%. Среди основных причин такой тенденции авторы выделили ухудшающуюся гуманитарную обстановку на Ближнем Востоке и в странах Африки южнее Сахары. Это провоцирует активность вооруженных формирований, а также их конкуренцию между собой. Эксперты IISS подсчитали, что в 2023 году в разных странах мира действовали 459 вооруженных группировок, которые контролировали полностью или частично жизнь 195 млн человек.

Возросший уровень внутривнутриполитической нестабильности наблюдается в Африке. Так, за 2020–2023 годы в государствах континента произошли семь госпереворотов. Восьмым стало свержение в августе 2023 года президента Габона Али Бонго Ондимба, семья которого находилась у руля государства почти 60 лет. Мятежи во многом имели антизападную направленность, что отражает желание континента покончить с неокOLONIALИЗМОМ Запада и наладить отношения с Российской Федерацией и Китаем [3].

Одной из причин, провоцирующих социально-политическую нестабильность в развивающихся странах, стало ухудшение уровня жизни. Санкции против российского сельскохозяйственного сектора, в частности экспорта удобрений, привели к осложнению продовольственной проблемы в Африке. Утвержденная в июле 2022 года Черноморская зерновая инициатива при участии России, Турции, Украины и ООН не сумела ликвидировать появившиеся проблемы, а стала «коммерческим проектом, утратившим свою гуманитарную функцию» [4]. В течение года ее функционирования интересы Москвы по устранению препятствий для работы российских сельскохозяйственных компаний так и не были соблюдены, что вынудило российскую сторону покинуть данный формат в июле 2023 года.

Кризисную геополитику характеризует «всеобъемлющая совокупность кризисов и их интернационализация» [5, с. 12], поэтому конфликты не прекращаются и в других частях света. На Ближнем Востоке сохраняется высокий уровень конфликтогенности, в поддержке которой непосредственную роль играют нерегиональные игроки. В октябре 2023 года обострился палестино-израильский конфликт. США склонны к поддержке военных действий и препятствуют утверждению резолюции о прекращении огня в Совете Безопасности ООН. Россия и Китай, напротив, поддерживают усилия стран Совбеза по мирному решению конфликта на основе принципа «двух государств для двух народов». Более того, Москва принимала у себя представителей политического крыла радикального палестинского движения ХАМАС, что показывает готовность Российской Федерации быть эффективным посредником.

Кризис легитимности в ЕС и США

Значимым фактором ослабления позиций коллективного Запада на международной арене стало обострение кризиса легитимности правительств США и ведущих стран ЕС. Негативные социально-экономические последствия пандемии COVID-19 в совокупности с отрицательным для стран Запада эффектом от антироссийских санкций после начала СВО стали серьезным вызовом для ряда политиков. К сохраняющимся на европейском пространстве проблемам миграции, инфляции и замедления экономического роста добавилась неспособность большинства стран проводить политику с ориентацией на национальные интересы.

Как отмечает С.М. Гаврилова, кризис легитимности в странах Европы отражается в росте популярности партий «политической альтернативы» [5, с. 204]. Наиболее яркими примерами являются победа правой коалиции («Братья Италии», «Лига» и «Вперед, Италия») на парламентских выборах в Италии в сентябре 2022 года и увеличение поддержки лидера французского «Национального объединения» Марин Ле Пен, которая во втором туре президентских выборов в 2022 году получила 41,45% против 58,55% Эммануэля Макрона. Важно отметить, что в 2017 году Ле Пен во втором туре поддержали 33,9% голосовавших. В Испании «альтернативной партией» является Vox, получившая на выборах 2023 году 33 места в нижней палате испанского парламента. В Германии такой силой

является «Альтернатива для Германии», получившая в 2021 году 83 места в Бундестаге [5, с. 205].

Таким образом, в наиболее крупных странах ЕС виден феномен «политической усталости» избирателей, которые потеряли доверие традиционным силам и более активно поддерживают новые движения, предлагающие новые подходы к решению накопившихся проблем. Ключевыми характеристиками партий «политической альтернативы» являются «открытость любым принципам и идеям, лишь бы они приносили политические очки». Такие партии «используют определенную версию либерального дискурса, хотя и не выступают за либеральную политику» [5, с. 207].

С.М. Гаврилова пришла к выводу, что традиционные массовые партии «отходят на второй план» в политическом пространстве многих стран ЕС, «растет плюрализм мнений, обостряется противостояние крайне правых и крайне левых сил». Тем не менее подобные трансформации «не оказывают существенных изменений» на позиции ведущих стран Евросоюза в отношении России. Однако Москве важно учитывать, что всё больше стран выдвигают на первый план собственные национальные интересы во внешней политике. Это создает потенциал для «развития двусторонних отношений» [5, с. 211–212].

Тенденции кризиса легитимности наблюдаются и в США, что подчеркнули О.Г. Карпович и Н.М. Травкина. Ученые назвали эту проблему одним из факторов ослабления позиций Вашингтона на международной арене и заката однополярного миропорядка. Исследователи выделили ряд ошибок Вашингтона в 2020–2022 годах, которые подорвали стабильность страны.

Первой ошибкой стала накачка экономики денежной массой в связи с пандемией COVID-19, что спровоцировало рост инфляции. С опорой на данные государственных институтов США эксперты отметили, что в апреле 2020 года объем денег в обращении был на уровне 4,8 трлн долл. (25% ВВП), а в июне 2022 года — 20,5 трлн (82% ВВП) [5, с. 52–53].

Второй ошибкой явилась невозможность сдержать падение уровня производства и сокращение рабочих мест из-за пандемии. COVID-19 за 2,5 года унес 1 млн жизней, что сопоставимо с погибшими в период Гражданской войны в США в 1861–1865 годах. Результатами недальновидной политики Белого дома стали сни-

жение ВВП в первых двух кварталах 2022 года на 1,6% и на 0,9% соответственно, а также дефицит бюджета в размере 2,8 трлн (12,4% ВВП) в 2021 финансовом году [5, с. 53, 55].

Третьей ошибкой США стала неспособность решить проблему общественных беспорядков и роста числа убийств, которые могли быть вызваны ухудшением социально-экономических условий в стране. Кроме того, в государстве растет оборот оружия. На 100 жителей приходится 120,5 единиц, всего в обороте — 400 млн, но зарегистрировано только 6 млн единиц оружия [5, с. 58–59].

Четвертой ошибкой стала реакция Белого дома на иммиграционный кризис. Опираясь на официальные данные, ученые подчеркнули, что в первой половине 2022 года границу США пересекли 1,2 млн человек [5, с. 60]. Проблемы с интеграцией мигрантов в американское общество приводят к дальнейшей дестабилизации социальной обстановки в стране.

Пятой ошибкой стала эвакуация войск НАТО во главе с США из Афганистана летом 2021 года [5, с. 60]. Скорый захват власти в азиатской стране запрещенным в Российской Федерации террористическим движением «Талибан» стал симптоматичным, в очередной раз подтвердив неспособность Запада решать серьезные геополитические вызовы.

О.Г. Карпович и Н.М. Травкина сделали вывод, что к началу третьего десятилетия США остаются «без политической элиты с интеллектом, знаниями и способностями». В США наблюдается кризис легитимности американских политических и экономических элит. Для его преодоления нужно «снизить роль больших денег в избирательных кампаниях».

Более того, у политических партий нет «длинной скамейки подрастающего поколения перспективных лидеров», наблюдается разрыв поколений — молодым политикам сложно войти в устоявшийся политический истеблишмент. Высокая поляризация политической системы препятствует появлению общенационального курса. В своих избирательных кампаниях политики всё чаще ориентируются на отдельные штаты и социальные группы. Существует разрыв между общественными запросами и их восприятием. В 2022 году по рейтингу качества элиты США заняли 15-е место, потеряв 10 позиций по сравнению с результатами 2021 года [5, с. 65–66].

В свою очередь М.А. Неймарк отмечает, что истеблишмент США характеризуется «политическим нарциссизмом, самовлюбленностью, завышенной самооценкой, не соответствующей действительности» [5, с. 78]. Совокупность указанных факторов привела к недоговороспособности Вашингтона на международной арене.

Позиции ученых относительно кризиса легитимности в США подтверждаются опросами общественного мнения. Так, жители Соединенных Штатов на протяжении последних двух лет открыто выражают свой скептицизм относительно эффективности и правильности политического курса администрации Президента Джо Байдена. В сентябре 2023 года уровень одобрения работы главы государства достиг минимального значения с момента инаугурации. Об одобрении его деятельности заявили 41% респондентов, а 56% опрошенных отметили, что не поддерживают политику Президента. В частности, его внешнюю политику не одобряют 53% респондентов, а 59% информантов не согласны с экономической политикой. Более того, 48% американцев считают, что Вашингтон тратит «чрезмерные» средства на помощь Украине [17].

Аналогичные тенденции наблюдаются и по другую сторону Атлантического океана. Согласно опубликованному в декабре 2023 года опросу социологической службы «YouGov», 74% жителей Германии считают, что канцлер Олаф Шольц «плохо справляется со своими обязанностями», 73% респондентов недовольны работой немецкого правительства [1]. Во Франции поддержка Э. Макрона также находится на низком уровне. В марте 2023 года об одобрении работы Президента заявили лишь 28% [8].

В то же время в конкурирующей с Западом России наблюдается диаметрально противоположная ситуация. По данным ВЦИОМ, в декабре 2023 года деятельность Президента В.В. Путина одобряли 76% россиян, а о доверии главе государства заявили 79,3% респондентов [7].

Таким образом, стоит отметить, что в условиях гибридного противоборства России и стран Запада российское общество демонстрирует стабильную консолидацию с политическим курсом руководства страны. Это свидетельствует о его соответствии объективно сложившимся национальным интересам Российской Федерации. В западных странах, которые находятся под влиянием США, политические лидеры отодвигают национальные интересы

своих стран на задний план, пытаясь продемонстрировать «трансатлантическую солидарность» и следуя бесперспективной для себя политике «русофобии».

Региональные узлы кризисной геополитики

Авторы монографии выделяют евроатлантическое и постсоветское пространство в качестве наиболее конфликтогенных зон гибридного противоборства Российской Федерации и коллективного Запада. Поставки оружия на территорию Украины и враждебная риторика относительно необходимости «победы над Россией на поле боя» приводят к беспрецедентной милитаризации европейского пространства. Проанализировав ключевые внешнеполитические документы Российской Федерации, НАТО и ЕС, авторы монографии пришли к выводу, что в ближайшей перспективе снижение уровня конфликтогенности на территории Европы маловероятно, поскольку у «холодного прошлого и перекликающегося с ним настоящего нет будущего» [5, с. 130].

Важно отметить, что у России и НАТО принципиально разное понимание принципа европейской безопасности. Если позиция Москвы основывается на принципе необеспечения собственной безопасности за счет других, то в альянсе убеждены, что уровень безопасности на европейском пространстве растет одновременно с расширением блока. По этой причине Брюссель не способен понять озабоченность Москвы вхождением в альянс новых членов, имеющих прямые границы с Российской Федерацией. После начала СВО Россия стала для НАТО «наиболее значимой угрозой», как отмечено в принятой в июне 2022 года новой Стратегической концепции альянса [16].

Негативные оценочные характеристики России преобладают и в стратегических документах ЕС. Сопоставив опубликованный Брюсселем в 2022 году Стратегический компас [19] с Глобальной стратегией Евросоюза от 2016 года [14], О.А. Тимакова отметила, что из документа 2022 года исчезли все конструктивные пункты о сотрудничестве с Российской Федерацией. Провозглашается ключевая роль НАТО в обеспечении обороны Евросоюза [5, с. 149–150]. С.С. Жильцов подчеркнул, что на смену «экономическому сотрудничеству и политическому диалогу с ЕС пришла санкционная политика и внешнеполитическое давление» [5, с. 273].

Тем не менее Россия сохраняет готовность к нормализации отношений со странами Европы, но для этого нужно взаимное желание. Как отметил В.В. Путин в ходе прямой линии в декабре 2023 года, не Москва «портила отношения» с ЕС, поэтому возобновление отношений зависит не только от Российской Федерации. Относительно взаимодействия с США Президент подчеркнул, что для конструктивной совместной работы пока не сложились «фундаментальные условия» [12].

О.А. Тимакова добавляет, что внешнеполитические инициативы ЕС неэффективны из-за отсутствия консолидации между странами. Это не позволяет объединению двигаться в сторону достижения стратегической автономии. Асимметрия в восприятии угроз разными странами, а также различия между интересами государств «старой» и «новой» Европы ограничивают возможности Брюсселя стать актором международной безопасности [5, с. 136, 186].

ЕС терпит неудачу также в попытках заменить российские энергоносители переходом на сжиженный природный газ (СПГ). По мнению С.С. Жильцова, «дефицит интерконнекторов для поставок газа и центров регазификации, а также отсутствие необходимого количества терминалов для приема СПГ» ограничивают возможности Евросоюза по его использованию в качестве альтернативы российским углеводородам. Более того, СПГ «не хватит для покрытия потребности стран ЕС, а добыча и сжижение вносят негативный вклад в выбросы CO₂» [5, с. 306–307]. Эти факторы ставят под сомнение перспективы Евросоюза по достижению целей принятой в марте 2022 года программы REPowerEU [18], направленной на диверсификацию источников энергии.

Наделение в 2023 году Украины и Молдавии статусом кандидатов на вступление в ЕС вызвало дискуссии о перспективах вхождения двух государств в объединение. О.А. Тимакова отмечает, что такая вероятность находится на низком уровне. Их вхождение в Евросоюз «нанесет ущерб функционированию институциональной системы ЕС». Крупные по территории страны получают широкое представительство в управляющих органах Евросоюза, а также право блокировать инициативы Брюсселя. Для расширения ЕС «нужно изменить основополагающие договоры — ввести квалифицированное большинство на решения по внешней и налого-

вой политике, изменить принципы распределения мест в Европарламенте, реформировать работу Еврокомиссии». Несмотря на сложности, ЕС, по мнению ученой, не откажется от политики расширения, поскольку она «является мощным инструментом геополитического влияния» [5, с. 186].

В итоговой декларации саммита Евросоюза по Украине 14–15 декабря 2023 года отмечено, что объединение намерено «к лету 2024 г. принять дорожную карту» по внутреннему реформированию ЕС в контексте расширения. В ходе саммита было принято также решение начать переговоры с Киевом и Кишиневом о вступлении, а Грузии предоставить статус кандидата [13].

Еще одним фактором, который способствует осложнению ситуации у границ Российской Федерации, стало вхождение Финляндии в блок НАТО в 2023 году. Как отметила О.К. Рябинина, этот шаг со стороны Хельсинки нарушает «хрупкое равновесие, провоцируя рост региональной напряженности, создавая риск милитаризации» [5, с. 217, 218]. Обстановка в Балтийском регионе, характеризуется «санкционной политикой, давлением со стороны нерегиональных игроков, а также возросшей активностью Запада, направленной на подрыв возможностей РФ для торгово-экономического и энергетического сотрудничества со странами региона» [5, с. 219, 226].

Анализируя противостояние России и Запада за влияние на постсоветском пространстве, С.С. Жильцов отметил, что политика США и их союзников нацелена на ослабление ШОС и ОДКБ, подрыв развития интеграционных процессов в формате ЕАЭС, а также на усиление зависимости стран региона от международных финансовых структур [5, с. 270, 271]. Целью является создание «механизмов для выведения стран из геополитического и геоэкономического влияния России» [5, с. 272]. Запад стремится также разрушить единое культурное пространство [5, с. 277], а одним из основных инструментов влияния на внутривосточные процессы является «поддержка прозападных элит» [5, с. 272].

В монографии также подробно рассмотрена динамика геополитической конкуренции в Арктике. С.С. Жильцов отмечает, что одной из основных зон противоборства между Россией и Западом станет Северный морской путь (СМП). Маршрут многими десятилетиями не использовался для международного судоходства, а его развитие осуществлялось усилиями Российской Федерации, что

обосновывает позицию Москвы, защищающей свое право на суверенный контроль над СМП [5, с. 87].

Подходы США, подчеркивает ученый, изложены в Национальной стратегии для Арктического региона, где констатируется, что Вашингтон намерен «реагировать на арктическую политику России», а санкции используются для сдерживания [5, с. 98]. Не исключается и возобновление отношений с Российской Федерацией в Арктике, но «на определенных условиях». Ключевыми сферами деятельности в регионе у США являются климат, безопасность, окружающая среда, экономика, а также международное сотрудничество [5, с. 102].

Для Российской Федерации, как отмечает С.С. Жильцов, обладающей самым большим ледокольным флотом, важной задачей является его развитие. Проход через акватории должен иметь «разрешительный характер». Эта позиция находит отражение в Морской доктрине РФ от 2022 года [10] и в Стратегии развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) от 2020 года [11].

Важным направлением является и экологическое. Темпы потепления АЗРФ выше, чем в других регионах мира — по этой причине особое значение приобретает обеспечение «устойчивости арктических сообществ и критической инфраструктуры в Арктике». Сферами совпадающих интересов Российской Федерации и США в регионе являются научная деятельность, углеродные ресурсы, безопасность и климат [5, с. 112].

Перспективные инструменты для Российской Федерации в кризисной геополитике

В формирующемся миропорядке «не будет конструктивного взаимодействия», а принципиальную важность получит вопрос о красных линиях [5, с. 18]. В связи с этим практическое значение монографии «Кризисная геополитика и Россия» заключается в выработке ее авторами ряда предложений для совершенствования внешнеполитической деятельности Москвы по наиболее важным направлениям.

Успешным ответом России на действия Запада по искусственному разрыву связей с Российской Федерацией стала переориентация политической, деловой, интеллектуальной и культурной энергии на страны мирового большинства. Однако для формиро-

вания с ними устойчивых связей необходимо повышать эффективность работы в гуманитарной плоскости.

В связи с этим, как отмечает А.В. Борисов, Российской Федерации необходимо сформировать «гуманитарную среду для артикуляции и последующей реализации внешнеполитических инициатив». В частности, нужно транслировать новое «гуманитарное послание», которое будет отличаться от американского и включать в себя «принципиально приемлемый для глобального большинства альтернативный образ будущего». Такое послание должно «инициировать движение в его поддержку». Более того, важно разработать «принципы и нормы, которые могут определить параметры и направления взаимодействия разделяющих данную картину мира акторов мировой политики, а затем придать этому взаимодействию постоянный самоподдерживающийся характер» [5, с. 246].

Еще одним перспективным направлением для развития внешнеполитического инструментария России является механизм гуманитарной помощи. А.В. Борисов проводит разносторонний анализ недостатков гуманитарной системы ООН, приходя к выводу, что в кризисной геополитике гуманитарная помощь является «средством для решения задач или получения прибыли» [5, с. 356]. Ученый отмечает, что в Российской Федерации «устаревшая нормативная правовая база, отсутствуют функции планирования, программирования и аналитики». Нужно формировать «национальную гуманитарную систему. Нормативно определить понятие гуманитарной помощи, внести его в стратегические документы, создать экспертную систему и уполномочить МИД работать в сфере гуманитарной помощи» [5, с. 357].

Как отмечается в монографии, значимым вопросом на международной арене является искусственный интеллект и его роль в ментальной войне. «Предотвратить его развитие невозможно, а значит, нужно возглавить», — указал В.В. Путин на прямой линии в декабре 2023 года [12]. Это является вызовом как для научного, так и для профессионального сообществ Российской Федерации. Л.Н. Сидорова ставит перед отечественной школой теории международных отношений задачу по «теоретическому осмыслению и формулировке практических рекомендаций» по противодействию рискам негативного использования данных технологий

в гибридной войне [5, с. 383]. На международной арене, подчеркнул А.А. Данельян, назрела необходимость «по формированию нормативной базы, которая включает в себя правовые основания ограничения использования нейротехнологий» [5, с. 368].

В региональной плоскости повышенное внимание стоит уделить развитию Арктической зоны Российской Федерации, в частности Северного морского пути. С.С. Жильцов отмечает, что в Арктике России необходимо развивать научные центры, техническое оборудование и совершенствовать законодательство. Дипломатическая деятельность должна быть направлена на расширение внешней границы континентального шельфа [5, с. 93–95].

Заключение

Авторы коллективной монографии «Кризисная геополитика и Россия» дали содержательную характеристику основным проблемно-концептуальным и практико-политическим контекстам переходного этапа мирового порядка от модели с доминирующей ролью коллективного Запада во главе с США к многосторонней модели. Геополитика современности отличается совокупностью разнонаправленных кризисных тенденций, интернационализацией растущего количества региональных конфликтов и нелинейностью трансформации миропорядка.

Россия втянута в гибридное противостояние с Западом, которое идет не только в военной плоскости на территории Украины, но также и в политико-дипломатическом, торгово-экономическом, информационном и культурно-ценностном измерениях. Исследователи привели обоснованные доказательства, что позиция Москвы соответствует национальным интересам российского общества, в то время как в США и ведущих странах ЕС наблюдается кризис легитимности власти и снижение доверия главам государств. Это подорвало позиции Запада на международной арене.

В книге постулируется, что Российская Федерация является одним из архитекторов формирующегося многостороннего миропорядка, где особую важность приобретает выработка устойчивого взаимодействия со странами мирового большинства. Москве важно донести до Глобального Юга свое видение справедливого мироустройства. Форматы будущего взаимодействия стран в условиях полицентричности будут иметь проектный и гибридный характер.

Особую важность имеет выявление схожих экономически выгодных сфер взаимодействия с ведущими развивающимися странами.

Представленные коллективом авторов выводы могут быть использованы в аналитической деятельности профильных внешнеполитических министерств и ведомств Российской Федерации. В частности, при формировании стратегии Москвы для работы в наиболее проблемных зонах кризисной геополитики в целях более эффективной реализации своих национальных интересов на международной арене.

Литература

1. Более 70% опрошенных немцев считают, что Шольц плохо справляется со своей работой // ТАСС. — 09.12.2023. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19497431> (дата обращения: 08.12.2023).
2. Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским // Российская газета. — 30.11.2023. — URL: <https://rg.ru/2023/11/30/izmenili-okras.html> (дата обращения: 06.12.2023).
3. Волна госпереворотов в Африке добралась до Габона. При чем здесь Россия? // Газета.ru. — 30.12.2023. — URL: <https://gazeta.ru/politics/2023/08/30/17504426.shtml?ysclid=lq5xak3qts933148919> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Заявление МИД России по «зерновой сделке» / МИД России. — 06.09.2023. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1903205/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20007f378fb7ff353e7b37365bb35efb19da186abab75a1c818916ba45d991bc21b208f81ab80d143000ffd5cb1e63d17ee7b8e9b6bcac88a31b1cd691d543330df8915820f34389b6367b20ecbd4457de60b2ac9e08ea81055d9 (дата обращения: 11.12.2023).
5. Кризисная геополитика и Россия: монография / отв. ред. М.А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. — М.: Дашков и Ко, 2023. — 384 с.
6. Минфин Украины: Киев получил 65 миллиардов долларов помощи с февраля 2022 года // РИА Новости. — 03.10.2023. — URL: <https://ria.ru/20231003/ukraina-1900141296.html> (дата обращения: 09.12.2023).
7. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий / ВЦИОМ. — 15.12.2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-15122023?ysclid=lq6m7fknu4676242745> (дата обращения: 08.12.2023).
8. Рейтинг одобрения Макрона упал до 28% // Интерфакс. — 27.03.2023. — URL: <https://www.interfax.ru/world/893158> (дата обращения: 08.12.2023).
9. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации / Президент России. — 31.03.2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 07.12.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации об утверждении Морской доктрины Российской Федерации / Президент России. — 31.07.2022. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 08.12.2023).
11. Указ Президента Российской Федерации о Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года / Президент России. — 26.10.2020. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 08.12.2023).
12. Успехи в экономике, цели СВО и вера в русский народ. Путин подвел «Итоги года» // ТАСС. — 15.12.2023. — URL: <https://tass.ru/politika/19541243?ysclid=lq5x0qbb6a205541673> (дата обращения: 15.12.2023).

13. European Council conclusions on Ukraine, enlargement and reforms / European Council. — 14.12.2023. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/12/14/european-council-conclusions-on-ukraine-enlargement-and-reforms/> (accessed: 15.12.2023).
14. Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy / European Union External Action Service. — 2016. — URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 08.12.2023).
15. National security strategy 2022 / White House. — October 2022. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 05.12.2023).
16. NATO Strategic Concept / NATO. — 29.06.2022. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm (accessed: 08.12.2023).
17. NBC: уровень одобрения работы Байдена установил антирекорд // ТАСС. — 25.09.2023. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18831229> (accessed: 08.12.2023).
18. REPowerEU at a glance / European Commission. — 08.03.2022. — URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (accessed: 03.12.2023).
19. Strategic Compass for Security and Defence / Council of the European Union. — 21.03.2022. — URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf> (accessed: 08.12.2023).
20. The Armed Conflict Survey 2023 / IISS. — December 2023. — URL: <https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/2023/editors-introduction/> (accessed: 10.12.2023).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2024. № 1 (39)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 25.03.2024. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 10
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5